Лейкин.

Въ деревне и в городе.

И 31/136

131 / 136

Н. А. Лейкинъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ
и
ВЪ ГОРОДѢ.

РАЗСКАЗЫ.

Деревенская прелестница.—Съ бреднемъ.— Пріѣхали. — Квартирная страда. — Кухарки.—Въ хорошемъ тѣлѣ.—Около жениховъ.—Христославы.— Имениннипа.—Перепись.—Современная язва.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

С.-Петербургъ.
Типографія П. П. Сойкина. Стремянная ул., д. № 12.
1908.

Сочиненія Н. А. Лейкина,

находящіяся въ продажѣ въ настоящее время.

Н. А. Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ, съ 2-мя портрет. и прилож. писемъ Ан. П. Чехова. 387 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Апраксинцы, сцены и очерки изъ быта и нравовъ петербургскихъ рыночныхъ торговцевъ и ихъ приказчиковъ полвѣка назадъ. Изд. 4-е. Цѣна 60 к.

Въ люди вышелъ. Повѣсть изъ событій 1904 и 1905 годовъ. Цѣна 1 р.

Въ родномъ углу. Романъ. **Просвѣтитель.** Повѣсть. 430 стр. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 20 к.

Въ деревнѣ и въ городѣ. Разсказы. Изд. 4-е Цѣна 1 р.

Въ ожиданіи наслѣдства. Романъ. Изд. 4-е. 642 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Внѣ рутины. Счастье привалило. Двѣ повѣсти. 259 стр. Изд. 2-е. Цѣна 75 к.

Воскресные охотники. Юмористическіе разсказы. Изд. 5-е. 335 стр. Цѣна 1 р.

Въ гостяхъ у Турокъ. Юмористическое описаніе путешествія супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ черезъ славянскія земли въ Константинополь. Изд. 9-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Господа и слуги. Разсказы. Изд. 2-е. Цѣна 1 р.

Голь перекатная. Разсказы. Изд. 3-е. 327 стр. Цѣна 1 р.

Гдѣ апельсины зрѣютъ. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ по Ривьерѣ и Италіи. Изд. 17-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Дачные страдальцы. 5 юмористическихъ разсказовъ. Изд. 4-е. Цѣна 60 к.

Деревенская аристократія. Очерки сельской жизни. 255 стр. Изд. 2-е. Цѣна 75 коп.

Записки Полкана. Повѣсть изъ собачьей жизни. Изд. 3-е. Цѣна 60 к.

Купецъ пришелъ! Повѣствованіе о раззорившемся дворянинѣ и о разбогатѣвшихъ купцахъ. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Липочка и пустой домъ. Разсказы доктора. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

Молодые побѣги. Разсказы. 337 стр. Изд. 2-е. Цѣна 1 р.

Межъ трехъ огней. Романъ изъ актерской жизни. Изд. 3-е. 426 стр. Цѣна 1 р. 20 к.

Наши за границей. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно. Изд. 26-е. Цѣна 1 р. 50 к.

На дачномъ прозябаніи. 10 юмористическихъ разсказовъ. Изд. 3-е. 320 стр. Цѣна 1 р.

21/31
136

Н. А. Лейкинъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ И ВЪ ГОРОДѢ.

РАЗСКАЗЫ.

Деревенская прелестница.—Съ бреднемъ.— Пріѣхали. — Квартирная страда. — Кухарки.—Въ хорошемъ тѣлѣ.—Около жениховъ.—Христославы.— Именинница.—Перепись.—Современная язва.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, собств. д., № 12.
1908.

Румянцовская библиотека

2007084414

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРЕЛЕСТНИЦА.

I.

Было восемь часовъ вечера. Рабочій день кончился. Колокольчикъ на кирпичномъ заводѣ купца Замотаева, расположенномъ, какъ и всѣ кирпичные заводы, при рѣкѣ, прозвонилъ къ ужину. Рабочіе начали выходить на берегъ — грязные, босые. Нѣкоторые не имѣли даже опоясокъ на линючихъ ситцевыхъ рубахахъ. Нѣкоторые были безъ картузовъ, съ головами, обвязанными тряпицами. Всѣ спускались къ рѣкѣ на плотъ мыться, но рѣдко кто былъ съ полотенцемъ или мыломъ. Большинство, поплескавъ на лицо воды и вымывъ руки, обтиралось грязными рукавами рубахи. Иные даже вовсе не обтирались, а просто отряхали руки отъ воды, лицо-же оставляли сохнуть. Ни разговоровъ, ни шутокъ не было. Всѣ были уставши послѣ рабочаго дня и было не до разговоровъ. Помывшись, кое-кто изъ запасливыхъ расчесывалъ волосы гребешкомъ, висѣвшимъ вмѣстѣ съ ключомъ отъ сундука на опояскѣ. У нихъ просили гребешки, но давали они рѣдко. Умывшись, рабочіе, однако, въ застольную сразу не шли, а поднявшись на берегъ, присаживались на бревна и на камни и скручивали папироски или закуривали трубки. Некурящіе про-

сто стояли на берегу, почесывались, зѣвали и смотрѣли на заходящее августовское солнце, краснымъ раскаленнымъ шаромъ спускавшееся за рѣкой за деревья.

Выходили изъ воротъ завода и женщины, но онѣ стали выходить позднѣе мужчинъ. Женщины были на кирпичномъ заводѣ только порядовщицами, то-есть онѣ формовали кирпичъ, были на задѣльной платѣ, на своихъ харчахъ, и бросали работу не сейчасъ послѣ звонка, а додѣлавъ извѣстное количество сырого кирпича «до ровнаго счета», какъ онѣ выражались. Большинство изъ нихъ были также босыя, съ приподнятыми юбками полинявшихъ ситцевыхъ платьевъ, складкой завязанныхъ у таліи. Женщины также стали спускаться къ рѣкѣ на плотъ мыться. Тутъ уже мыло виднѣлось почти у всѣхъ. Нѣкоторыя выходили на берегъ съ обувью въ рукахъ, мыли на плоту лицо и руки, отмывали отъ ногъ глину и тутъ-же обувались. У многихъ были и полотенца, перекинутыя черезъ шею, но не имѣвшія таковыхъ обтирались головными платками. Тутъ были и пожилыя женщины, и молодыя. Были и дѣвушки. Женщины, не взирая на усталость, тараторили.

— Восьмидесятую тысячу кирпичей сегодня окончила,—сказала Клавдія, красивая молодая дѣвушка, смуглая, загорѣлая, съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ, черноглазая и чернобровая, съ кокетливо выбившеюся прядью темныхъ волосъ на лбу изъ-подъ шелковаго съ разводами платка.—Завтра не выйду на работу,—объявила она товаркамъ и принялась утираться полотенцемъ съ вышитыми на концахъ красной бумагой пѣтухами.

— Что такъ? Какой завтра праздникъ?—спросила ее Перепетуя, пожилая баба съ совсѣмъ коричневымъ

лицомъ, отирая его снятымъ съ головы ветхимъ бумажнымъ платкомъ.

— Праздникъ Луки, цѣлованіе моей руки—вотъ и все. Просто останусь дома отдохнуть—вотъ и весь сказъ. Хочу черную кружевную фалборку на голубую юбку къ воскресенью себѣ пришить. Я у урядничиховой сестры чернаго кружева накупила. Вѣдь я по средамъ рѣдко когда хожу на работу,—сообщила Клавдія.

— Ну, иногда и по понедѣльникамъ узенькое воскресенье справляешь,—проговорила худенькая маленькая блондинка Малаша, тоже молодая, но совсѣмъ безцвѣтная, безъ бровей и со щурящимися глазами.

— Да, бываетъ, что и по понедѣльникамъ не работаю. А тебѣ какая забота?—вскинула на нее вызывающіе красивые глаза Клавдія.

— Заботы нѣтъ. Но ты вѣдь уже у насъ извѣстная полубарыня,—продолжала Малаша, щуря безцвѣтные глаза.—У тебя есть и другая заработка. Ты иной разъ и на работу на заводъ не пойдешь, а вдесятеро выработаешь. Мы знаемъ,—уязвила она ее.

Клавдія презрительно покосилась на Малашу и сказала:

— Ахъ, ты, шлюха, шлюха! Ты прежде на себя-то посмотри.

Она сошла съ плота, сѣла на берегу на камень и принялась обуваться. Малаша не унималась.

— Вотъ это-то самое названіе, чѣмъ ты меня назвала, для себя и прибереги,—крикнула она ей.—Да, прибереги. Самое подходящее тебѣ будетъ. А я шелковъ себѣ на платье отъ хозяйскаго племянника не принимала, браслетками да сережками отъ охотниковъ не пользовалась, съ лавочниковымъ сыномъ, обнявшись, не сиживала.

Перепетуя, слыша эти слова, уперла руки въ бока, и захохотала.

— Ловко, Малаша! Ловко отбрила! — воскликнула она.—Такъ ее и надо! Напомни еще ей, какъ ее дровяной приказчикъ въ рѣкѣ купалъ, чтобы жаръ-то насчетъ ейнаго баловства остылъ. Да видно, и послѣ этого ей неймется.

— Молчи, вѣдьма! Ужъ кто-бы говорилъ, да не ты. Ты сама парнишекъ-погоньщиковъ на баранки къ себѣ приваживаешь,—огрызнулась на Перепетую Клавдія и, закусивъ губы, стала уходить съ берега.

Клавдія не жила на кирпичномъ заводѣ. Она приходила на заводъ работать изъ сосѣдней деревни, гдѣ жила со вдовцомъ отцомъ, сестрой, только что вышедшей изъ подростковъ, кривобокой и хромой дѣвушкой Соней и двумя маленькими братишками-погодками лѣтъ семи-восьми. На сестрѣ ея Сонѣ лежали всѣ хозяйственныя работы въ домѣ, присмотръ за братишками и, кромѣ того, она нянчила маленькаго ребенка Клавдіи—дѣвочку Устю, плодъ любви несчастной, которую Клавдія родила года полтора тому назадъ.

Клавдія пробиралась по берегу домой. Молодые рабочіе, еще не ушедшіе въ застольную ужинать, осклаблялись на нее, любовались ея статной фигурой и походкой, кланялись ей. Она отвѣчала на поклоны гордымъ равнодушнымъ кивкомъ и шла дальше. У воротъ конторы стоялъ заводскій приказчикъ, среднихъ лѣтъ мужчина въ пиджакѣ, картузѣ и съ клинистой черной бородкой.

— Клавдіи Феклистовнѣ...—раскланялся онъ, снявъ картузъ и тоже осклабясь.—Что-бы когда-нибудь вечеркомъ зашла ко мнѣ чайку попить съ вареньемъ?—шепнулъ онъ ей, подмигнувъ.

— Рыломъ не вышелъ еще,—отвѣчала Клавдія, не останавливаясь.

Приказчикъ, огорошенный такими словами, не смутился. Онъ сдѣлалъ вслѣдъ за ней нѣсколько шаговъ и продолжалъ:

— Не плюй въ колодецъ, душечка, пригодится водицы напиться. Приказчикъ, при разсчетѣ, всегда тебѣ полъ-тыщи кирпича можетъ приписать лишняго.

— Важное кушанье—полъ-тысячи! Видали.

И Клавдія, не оборачиваясь, шла дальше.

На балконѣ хозяйскаго дома стоялъ хозяйскій племянникъ, онъ-же и бухгалтеръ завода, молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородкой, въ коломянковой парочкѣ и съ косымъ воротомъ русской рубахи, расшитымъ цвѣтной бумагой.

— Клавдюша!—крикнулъ онъ ей.

— Здравствуйте,—отвѣчала она.

— Домой?—спросилъ онъ.

— А то куда-же? Не танцы танцовать. Сегодня не праздникъ.

— Послѣ ужина къ тебѣ можно чайку придти напиться?

— Что-жъ, приходите. Да ужъ приносите и варенья.

— Да, да... Я съ своимъ угощеніемъ. Такъ ты жди. Какъ дяденька съ тетенькой на боковую—я къ вамъ...

Клавдія кивнула и направилась дальше.

II.

У ОТЦА Клавдіи Феклиста Герасимова Собакина была ветхая изба, съ полуразвалившимся крыльцомъ, около котораго висѣлъ глиняный рукомойникъ, валялись всегда кучи отбросовъ и было сыро до слякоти.

Дворъ былъ также грязный, переполненный навозомъ, а сквозь тесовую крышку навѣса, загроможденнаго всякимъ деревяннымъ хламомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ свѣтилось небо, хотя тамъ и стояла убогая телѣга съ разсохшимися колесами, у которыхъ не хватало двухъ-трехъ спицъ, но лошади у него не было. Изъ скота, впрочемъ, были двѣ коровы и баранъ, котораго Клавдія еще весной принесла съ завода маленькимъ. Ей его подарилъ влюбленный въ нее заводскій приказчикъ Уваръ Калиновъ, стяжавшій его, разумѣется, изъ хозяйскаго стада. Впрочемъ, была еще небольшая лохматая собаченка Валетка, бѣгавшая иногда изъ какого-то особеннаго удовольствія на трехъ ногахъ, поджимая одну заднюю. Подъ навѣсомъ на телѣгѣ сидѣли три курицы, но пѣтуха не было.

Уже смеркалось, когда Клавдія вошла въ избу. Въ первой большой комнатѣ кривобокая сестра ея Соня, дѣвушка съ необычайно длиннымъ лицомъ и выдавшеюся впередъ нижнею челюстью, суетилась около закоптѣлой русской печки, приготовляя какое-то варево къ ужину. У окна на непокрытомъ столѣ лежала на сѣрой бумагѣ только что вымытая астраханская селедка. Отецъ Клавдіи, старикъ Феклистъ, сидя у окна, около подоконника, держалъ на рукахъ дочку Клавдіи Устю и кормилъ ее кашей.

Клавдія ворвалась въ избу, какъ вѣтеръ, и тотчасъ-же хозяйскимъ, властнымъ голосомъ закричала:

— Чего вы это впотьмахъ-то сидите? Слава Богу, на керосинъ-то я ужъ заработала! Сонька! Зажигай лампу, давай скорѣй, что есть похлебать. Сейчасъ послѣ ужина Флегонтъ Ивановичъ ко мнѣ чай пить придетъ,—обратилась она къ сестрѣ, и тотчасъ прошла во вторую комнату.

Вторая комната принадлежала Клавдіи и имѣла совсѣмъ иную обстановку. Здѣсь подъ розовымъ ситцевымъ, распахнутымъ на двѣ стороны, пологомъ стояла кровать Клавдіи съ четырьмя подушками одна другой меньше, въ бѣлыхъ каленкоровыхъ наволочкахъ съ прошивками. Постель была прикрыта блѣдно-розовымъ тканьевымъ одѣяломъ, рядомъ съ кроватью, по стѣнѣ, стоялъ большой крашеный сундукъ, обшитый въ клѣтку полосками бѣлой жести, и на немъ висѣлъ въ пробоѣ большой надежный замокъ. Далѣе, ближе къ окну, помѣщался маленькій старинный комодъ потемнѣлаго краснаго дерева съ облупившейся мѣстами фанеркой, и на немъ стояло небольшое зеркало. Зеркало окружали нѣсколько росписныхъ чашекъ съ надписями: «пей еще», «пей другую», «отъ сердца другу» и т. п. Комната была небольшая объ одномъ окнѣ, и на немъ висѣли кисейныя занавѣски, а на подоконникѣ стоялъ алебастровый колѣнопреклоненный купидонъ съ сложенными на молитву руками и помѣщались горшокъ съ цвѣтущей фуксіей и горшокъ съ еранью. Комната была оклеена ободранными мѣстами обоями, гдѣ нехватающіе куски были залѣплены картинками изъ иллюстрированныхъ журналовъ, а въ углу висѣла икона въ фольговой ризѣ и въ темной кіотѣ съ лампадкой и привѣшенной къ лампадкѣ цѣлой ниткой фарфоровыхъ и сахарныхъ яицъ. Изъ-за кіоты выглядывали пучки сухой вербы и лики восковыхъ вербныхъ херувимовъ, налѣпленные на цвѣтныя бумажки, изображающія крылья и сильно засиженныя мухами. Три гнутые буковые стула, простая деревянная табуретка и столъ, покрытый красной бумажной скатертью, на которомъ помѣщалась лампа на чугунномъ пьедесталѣ и съ матовымъ стеклияннымъ колпакомъ, завершали убранство комнаты.

Клавдія тотчасъ-же стала зажигать лампу и кричала сестрѣ въ другую комнату:

— Сонька! Выдра! И керосину въ лампу не догадалась прибавить. Гдѣ бутылка съ керосиномъ?—спрашивала она, выбѣжавъ изъ комнаты. — А ты, тятенька, чѣмъ-бы зря папироски-то сосать, взялъ-бы вѣникъ да подмелъ комнату,—обратилась она къ отцу, посадившему дѣвочку на лавку и скручивавшему папироску.

— Вовсе я не зря папироски сосу. Я сейчасъ твою-же Устьку кашей кормилъ.

— Устьку можно и положить. Ей давно спать пора. Соня! Положи ее къ себѣ на постель за печку, да прикрой полушубкомъ. Сытая она живо заснетъ, если ее покачать.

Соня, стоявшая у печки съ деревяннымъ уполовникомъ въ рукѣ, недоумѣвающе сказала:

— Или ѣду вамъ приготовлять, или Устьку спать укладывать?

— А гдѣ Николка? Ну, пусть Николка ее спать уложитъ,—вспомнила Клавдія про своего братишку.

— Николка... Гдѣ Николка! Ищи вѣтра въ полѣ— вотъ гдѣ твой Николка,—отвѣчалъ отецъ.

— Постегали-бы хорошенько раза два веревкой, такъ не убѣгалъ-бы онъ изъ дома, на ночь глядя. Отецъ, а никакого вниманія на мальчишку. А вотъ выростетъ большой и будетъ разбойникомъ,—наставительно произнесла Клавдія и, взявъ бутылку съ керосиномъ, бросилась къ себѣ въ комнату.

Отецъ поднялся съ табуретки, на которой сидѣлъ, взялъ ребенка на руки и понесъ за печку, крича дочери въ другую комнату:

— Ежели ужъ стегать, то прежде всего тебя самою надо настегать веревкой.

— За что это? Не за то-ли, что я васъ всѣхъ пою и кормлю? Ахъ вы, неблагодарный!—откликалась Клавдія.—Вотъ ужъ выслуги-то у меня нѣтъ.

Отецъ укладывалъ за печкой ребенка и продолжалъ кричать:

— За что?! За кислое твое поведеніе—вотъ за что! За то, что не по поступкамъ поступаешь. Хороша дочка-дѣвушка, которая каждый день къ себѣ мужчинъ въ гости зоветъ!

— А вы зачѣмъ отъ такой дочки каждый день на сороковки себѣ выпрашиваете?—не унималась Клавдія.—Ахъ, вы! Ужъ кто-бы говорилъ, да не вы! Чѣмъ-бы работать, а вы на деньги дочери по кабакамъ... Землю нашу арендателю въ аренду сдали. Зачѣмъ вы нашу землю въ аренду сдали?

— Я егерь, чортова ты перечница! Пойми, я егерь. Я господскихъ собакъ кормлю и за это на кормъ получаю. Господъ охотниковъ я на охотѣ сопровождаю—вотъ моя обязанность, такъ какая-же тутъ земля!

— Ну, довольно, довольно! Слышали! Хорошъ егерь, который и ружье свое пропилъ.

— Молчи, шкура. Какъ ты смѣешь отца попрекать!—возвысилъ голосъ отецъ.

— И всегда попрекать буду, если вы меня попрекаете,—слышался изъ сосѣдней комнаты голосъ Клавдіи.—Да-съ... Всегда буду... Потому можно и егеремъ быть, и землю свою обрабатывать. Когда около земли-то надо стараться, вѣдь никакой охоты не бываетъ, всякая охота запрещена. А у насъ, срамъ сказать, своего огородишка даже нѣтъ.

— Врешь, врешь, картошка посажена.

— Что картошка! Я про капусту. Ни капустки нѣтъ,

ни рѣдьки, ни рѣпы—за всѣмъ нужно въ люди идти покупать.

— Была капуста. А я чѣмъ виноватъ, что ее блоха подточила и червь поѣлъ? Это ужъ отъ Бога.

Отецъ перемѣнилъ тонъ и говорилъ ужъ тише. Перестала раздражаться и Клавдія, но все-таки продолжала изъ своей комнаты:

— Червь, блоха... Однако, при покойницѣ маменькѣ и червь, и блоха бывали, а капуста въ лучшемъ видѣ росла. А отчего? Червя снимала, отъ блохи капусту золой посыпали, огородъ поливали. А вы только по кабакамъ.

— Тьфу ты, подлая! Вотъ не можетъ угомониться-то! Тьфу! Словно за языкъ повѣшенная!—плевался за печкой отецъ и умолкъ, принявшись укачивать дѣвочку, тряся подушку, на которой она лежала.

— Ну, идите ужинать-то!—кричала отцу и сестрѣ Соня, ковыляя около стола, покрытаго полотенцемъ, на которомъ стояла глиняная чашка со щами, отъ которыхъ шелъ паръ.—Иди, Клавдія! Сама торопила ужинать и не идешь.

Пока Клавдія перергивалась съ отцомъ, Соня успѣла ужъ зажечь жестяную керосиновую лампу, нарѣзать хлѣба, положить на столъ деревянныя ложки и раздѣлить на куски астраханскую селедку.

Изъ своей комнаты вышла Клавдія, держа мельхіоровую ложку въ рукѣ. У ней были три чайныя и три столовыя мельхіоровыя ложки, но ѣла она только мельхіоровой ложкой сама и тотчасъ-же послѣ ужина ее убирала подъ замокъ.

Вышелъ и отецъ изъ-за печки, пробормотавъ «уснула Устька», и принялся истово креститься передъ ужиномъ въ уголъ на икону.

Соня вышла на крыльцо и стала звать братишекъ, голося.

— Николка! Панкратка! Идите ужинать!

Минутъ черезъ пять семья сидѣла за столомъ и хлебала щи: трое взрослыхъ ѣли щи изъ одной чашки, двоимъ мальчикамъ была поставлена другая чашка. Подъ навѣсомъ, въ ожиданіи себѣ также ужина, завывали сидѣвшія на цѣпи двѣ охотничьи собаки, оставленныя у Феклиста Герасимова на прокормленіе наѣзжающими изъ Петербурга охотниками.

III.

Феклистъ Герасимовъ Собакинъ ѣлъ медленно, лѣниво протягивая свою деревянную ложку въ чашку и также лѣниво препровождалъ къ себѣ въ ротъ, придерживая снизу ломтемъ хлѣба, отъ котораго откусывалъ. Проглотивъ ложекъ пять, онъ сказалъ Клавдіи:

— Вотъ ты, дѣвочка, меня давеча сороковкой попрекнула, а гдѣ она эта самая сороковка-то? Безъ капли вина за столъ сѣлъ.

— Вольно-жъ вамъ было ее сразу всю вылакать,— отвѣчала Клавдія,—а я давеча утромъ дала вамъ двугривенный на похмелье. И такъ ужъ вы меня всю пропиваете и проѣдаете въ конецъ.

— Кори, кори отца-то! Да и врешь. Я на свои живу, да и семью кормлю. Восемь рублей за прокормъ двухъ собакъ получилъ—снятковъ сушеныхъ десять фунтовъ вамъ въ варево купилъ,—похвастался Феклистъ.

— Эка важность снятки! А остальныя пропили.

— Врешь. Подметки себѣ къ сапогамъ справилъ.

— Все равно, больше пяти рублей пропили.

— Солонину покупалъ.

— Пять-то фунтовъ? Бросьте. Все равно не проходитъ дня, чтобы я Сонькѣ по три гривенника на харчи не выдавала. Да вы и изъ этихъ-то денегъ наровите отнять у ней пятачекъ на стаканчикъ.

— Когда-же это я?.. Только одинъ разъ...

— Оставьте пожалуйста... Ѣшьте скорѣй. Того и гляди, что Флегонтъ Ивановичъ чай пить придетъ, а мнѣ еще переодѣться надо. Не могу-же я его въ линючей рвани принимать,—торопила отца Клавдія и крикнула на маленькихъ братьевъ:—Ну, ребятишки, живо! А то я ложкой по лбу...

И она на самомъ дѣлѣ замахнулась на нихъ ложкой.

— Ты, Сонька, какъ отъужинаемъ, подмети здѣсь и прибери все,—продолжала она, обращаясь къ сестрѣ.— А вы, тятенька, промнитесь и самоваръ поставьте.

Феклистъ посмотрѣлъ на Клавдію искоса и произнесъ:

— Вѣдь вотъ, небось, отъ тятеньки-то работы требуешь, когда кавалеровъ къ себѣ принимаешь, а сама...

— Сами-же вы будете изъ этого самовара чай пить. Ну, а вы, ребятишки, сейчасъ послѣ ужина за печку и спать!—возвысила Клавдія голосъ.—Нечего тутъ торчать передъ глазами.

Ужинъ состоялъ только изъ щей да изъ селедки съ картофелемъ. Соня раздѣлила ее всѣмъ по куску, себѣ взяла голову, поглодала ее и вышла изъ-за стола, крестясь. Клавдія тоже вышла изъ-за стола, и осматривала грязную непривлекательную комнату, меблировка которой состояла всего изъ продраннаго клеенчатаго дивана, изъ котораго торчала въ нѣсколькихъ мѣстахъ мочала, изъ шкапчика съ посудой, висящаго на стѣнѣ и стола съ табурет-

ками, за которымъ ѣли. На лавкѣ лежали свернутыми подушка и одѣяло Сони. Тутъ-же на лавкѣ лежалъ рыболовный бредень съ челнокомъ и клубкомъ нитокъ, валялось порыжѣлое пальто Феклиста, а въ одномъ изъ угловъ въ безпорядкѣ помѣщалось деревянное ведро, обрѣзъ отъ бочки, какія-то доски и висѣли пучки какой-то сушеной травы. Стѣны были деревянныя, грязныя изъ которыхъ торчала конопатка. Изъ-за налѣпленныхъ картинокъ, вырѣзанныхъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ, выглядывали тараканы.

— Диванъ-то хоть одѣяломъ прикрыть, что-ли,—сказала Клавдія и, схвативъ байковое одѣяло сестры, разослала его на диванъ, прикрывъ торчавшую мочалу.

Отецъ все еще сидѣлъ за столомъ и медленно разрывалъ на мелкія части кусокъ селедки и, препровождая ихъ къ себѣ въ ротъ, ворчалъ:

— Вотъ хоть-бы и этотъ Флегонтъ Иванычъ... Ходитъ онъ, ходитъ къ тебѣ, а нѣтъ того, чтобы ты у него лѣсу выпросила на поправку избы. Половицы-то подъ окнами вонъ сгнили. Да и крыльцо у насъ...

— Ахъ, ты, Господи! Да нельзя-же всего вдругъ просить!—отвѣчала Клавдія.—Погодите, дайте мнѣ хорошую одежу для себя справить, тогда и лѣсу попрошу. Шубку справлю къ зимѣ—и лѣсъ потомъ будетъ.

Соня, между тѣмъ, уже возилась съ вѣникомъ и подметала полъ.

Клавдія, приведя въ порядокъ диванъ и деревянную посуду въ углу, отправилась къ себѣ въ комнату передѣваться, отецъ, отеревъ руки объ волосы на головѣ, все еще продолжалъ сидѣть у стола, вытянувъ впередъ свои длинныя ноги въ опоркахъ и порыжѣлыхъ синихъ нанковыхъ штанахъ съ заплатами. Онъ сидѣлъ и по временамъ почесывался. Наконецъ, началъ крутить изъ

газетной бумаги папироску. Это былъ худой высокій мужикъ съ впалой грудью и темнымъ одутловатымъ лицомъ, на которомъ еле росла рѣденькая темная бородка, начинающая уже сѣдѣть. Но за то волосы на головѣ его были очень густые, безъ малѣйшей просѣди, и стояли растрепанной копной. Глаза были сѣрые, мутные, съ красными воспаленными бѣлками и вѣками. Ему было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, но выглядѣлъ онъ куда старше. Закуривъ папироску, онъ обдернулъ грязную полинявшую розовую рубашку, медленно спряталъ коробку спичекъ и ситцевый кисетъ съ табакомъ въ карманъ распахнутой жилетки безъ нѣсколькихъ пуговицъ, хотѣлъ встать, приподнялся и опять опустился на табуретку.

— Сонька! Ты не забудь собакамъ-то ѣды дать. Да и воду имъ поставь,—сказалъ онъ дочери и сталъ вслухъ зѣвать.

— Тятенька!—послышался изъ другой комнаты голосъ Клавдіи.—Да что-же вы самоваръ-то? Словно я стѣнѣ говорила.

— Сейчасъ, сейчасъ...—закряхтѣлъ Феклистъ, поднимаясь съ табуретки.—Не убѣжитъ твой самоваръ... Поспѣетъ... Сонька! Есть у насъ уголья?

— Есть, есть подъ печкой. Только лучины нащепите.

— Ну, вотъ еще! Лучины щепать! Отчего у тебя, у подлюги, лучина не нащепана?

Изъ-за дощатой перегородки, отдѣлявшей комнату Клавдіи, опять послышался голосъ старшей дочери:

— Мнѣ кажется, что ужъ насчетъ лучины-то стоитъ вамъ потрудиться. Вѣдь Флегонтъ Иванычъ навѣрное придетъ не съ пустыми руками, а съ угощеніемъ, и поднесетъ и вамъ стаканчикъ-другой.

— Да ладно, ладно, поставлю ужъ самоваръ,—отклик-

нулся отецъ.—А только твой Флегонтъ Иванычъ всегда со сладкой водкой приходитъ.

— А что-жъ изъ этого? Къ дамскому полу всегда ходятъ въ гости со сладкой водкой. Вѣдь онъ ко мнѣ придетъ, а не къ вамъ, а я и сладкой-то пью самую малость.

— Ты про себя, а я про себя... Слаба она ужъ очень, эта сладкая водка...

— Какой вы удивительный человѣкъ! Съ вами вовсе разговаривать нельзя!—восклицала Клавдія.

Отецъ, нащипывая ножомъ лучину отъ полѣна, продолжалъ:

— Ну, ты тамъ не фыркай... А вотъ что... Ежели онъ опять со сладкой водкой придетъ, то ты скажи ему, чтобы онъ мнѣ отдѣльно за простой водкой послалъ. Сонька сбѣгаетъ.

— Ничего я ему не скажу, да прошу и васъ не соваться въ нашъ разговоръ. Выпьете и то что вамъ поднесутъ. Да будете вы, наконецъ, ставить самоваръ-то?—крикнула Клавдія.

— Ставлю, ставлю! Чего ты торопишь-то? Не на пожаръ вѣдь...

Феклистъ загромыхалъ самоваромъ.

IV.

Вскорѣ изъ своей комнаты вышла Клавдія. Она переодѣлась вся до обуви и постукивала по полу французскими каблучками своихъ полусапожекъ. Платье на ней было шерстяное свѣтлосинее съ аляповатой темножелтой отдѣлкой, съ громадными буффами на рукавахъ. На рукѣ красовалась тоненькая золотая браслетка и пальцы были унизаны дешевенькими кольцами. Шею по-

крывалъ яркорозовый шелковый крепоновый платочекъ съ бахрамой и былъ зашпиленъ брошкой съ фальшивой бирюзой.

— Фу, какъ надымили!—сказала она отцу.—Даже самовара нельзя попросить васъ поставить.

— Уголья сырые, — отвѣчалъ Феклистъ. — Лучины много напихалъ—вотъ и дымъ.

— Гдѣ Сонька? Пусть вторую лампочку зажжетъ, а то ужъ очень темно,—отдала приказъ Клавдія.

— Сонька собакъ пошла кормить.

— Ну, вы зажгите.

— А сама-то ты что-же?

— Да вѣдь я въ хорошее платье одѣвшись.

— Барыня!—процѣдилъ сквозь зубы Феклистъ и, снявъ съ подоконника маленькую жестяную лампочку, принялся зажигать ее.

Клавдія скосила на него глаза и произнесла:

— Ни на шагъ безъ попрека! Барыня. Другой-бы отецъ радовался, что у него дочка въ барыни выходитъ, а вы только шпильки ставите.

— Да я и радуюсь, а только что-жъ мнѣ такъ ужъ очень особенно-то... Дочка барыня, а отцу хорошихъ сапогъ съ наборомъ справить не хочетъ.

— Сами и на свои могли-бы справить себѣ сапоги, если-бы меньше пьянствовали. Ну, да ладно, будете меньше ругаться, такъ я вамъ въ будущемъ мѣсяцѣ справлю. Заказывайте Василью Федорычу. Пусть дѣлаетъ. Онъ долго дѣлаетъ.

— Ну, вотъ за это спасибо, спасибо... — радостно заговорилъ отецъ и сталъ затворять окошко, которое онъ открывалъ, чтобы выпустить самоварный дымъ. Затѣмъ онъ уперъ руки въ бока и сталъ любоваться Клавдіей.—

Платье-то это у тебя важнецкое. И у урядничихи такого даже нѣтъ,—похвалилъ онъ.

— Что урядничиха! Она тряпичница. У ней все изъ тряпокъ,—гордо сказала Клавдія.

— Теперь-бы къ этому платью только часы съ цѣпочкой...—произнесъ Феклистъ.—У дровяной приказчицы вонъ какъ красиво... Отъ горла золотая цѣпочка по груди, а у поясовъ часы. Въ Преображеньевъ день она въ церкви была, такъ я видѣлъ.

Клавдія самодовольно улыбнулась и проговорила:

— Погодите, дойдетъ и до золотыхъ часовъ съ цѣпочкой, только поменьше ругайтесь. Однако, что же это Флегонтъ Иванычъ до сихъ поръ не идетъ?—спросила она себя, взглянувъ на часы, висѣвшіе на стѣнѣ.—Ужинаютъ у нихъ старики въ девять, а ужъ теперь десятый часъ въ исходѣ.

Дешевенькіе стѣнные часы съ мѣшкомъ песку вмѣсто гири и съ циферблатомъ, засиженнымъ мухами и тараканами, показывали безъ десяти минутъ десять.

— Да придетъ-ли твой Флегонтъ-то? Можетъ быть, такъ только сказалъ?—усмѣхнулся отецъ.

— Онъ-то придетъ-ли? — подмигнула Клавдія. — Да онъ каждый день бѣгалъ-бы сюда, если-бы я дозволила. А я его держу въ аккуратѣ...

Прошло минутъ пять. Самоваръ уже кипѣлъ, выпуская изъ-подъ крышки струю пара. Клавдія, уперевъ руки въ бока и постукивая каблуками, самодовольно ходила по комнатѣ и напѣвала себѣ подъ носъ припѣвъ ухарской пѣсни:

«Маша, что ты, что ты, что ты!
Я солдатъ четвертой роты».

Со двора съ ведромъ изъ-подъ собачьей ѣды въ рукѣ вбѣжала Соня и сообщила:

— Флегонтъ Иванычъ идутъ.

Дверь была уже распахнута и въ нее вошелъ Флегонтъ Ивановичъ. Онъ былъ въ франтовскихъ высокихъ сапогахъ и въ фуражкѣ. Изъ одного кармана чернаго суконнаго пиджака выглядывало горлышко бутылки, изъ другого торчала банка съ вареньемъ. Въ рукахъ онъ держалъ свертки.

— Миръ вамъ... И я къ вамъ,—сказалъ онъ.—Здравствуйте, Клавдія Феклистовна. Извините, что вхожу въ фуражкѣ. Руки заняты. Феклистъ Герасимычъ, здравствуй. Сонечкѣ почтеніе. Вотъ извольте принять легонькую закусочку съ примочкой.

Феклистъ Герасимовъ сдѣлалъ два шага и протянулъ руку къ бутылкѣ, торчавшей изъ кармана Флегонта Ивановича.

— Нѣтъ, нѣтъ, не давайте тятенькѣ,—проговорила Клавдія.—Я сама потомъ откупорю. Соня, возьми у нихъ изъ рукъ свертки-то.

— Колбаса, ситникъ, коробочка сардинокъ и жестяночка карамели для ребятишекъ,—передавалъ Флегонтъ Ивановичъ Сонѣ свертки.

Клавдія сама вынула у него изъ кармановъ бутылку съ водкой и банку съ вареньемъ.

— Клубничнаго принесъ. Вашего любимаго,—сказалъ Клавдіи Флегонтъ Ивановичъ про варенье, снялъ фуражку и прибавилъ:—Ну, теперь здравствуйте по настоящему.

Онъ протянулъ всѣмъ руку.

— Что такъ поздно?—спросила Клавдія.

— Да все ждалъ, пока старики угомонятся,—отвѣчалъ Флегонтъ Ивановичъ, пощипывая еле пробивающуюся бородку.—Не шьютъ, не порятъ, какъ говорится. Сидятъ за ужиномъ и бобы разводятъ. Дядя дровяные счета

отъ меня потребовалъ. Наконецъ, ужъ кое-какъ начали зѣвать и поднялись изъ-за стола. Ну, я на манеръ какъ-бы къ себѣ въ комнату, а самъ сюда. А и крыльцо-же у васъ, Клавдія Феклистовна, у избы! Совсѣмъ на бокъ. Я чуть не свалился впопыхахъ-то. Тогда прощай банка!

Феклистъ, стоя около самовара, заговорилъ:

— Да вотъ все ждемъ, что Флегонтъ Иванычъ сжалится, да лѣску на поправку дастъ.

— Дать не разсчетъ. Но какъ переправить къ вамъ, чтобы старики не замѣтили?—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, будетъ вамъ! Бросьте. Пойдемте, Флегонтъ Иванычъ, въ мою комнату. А ты, Соня, туда самоваръ подашь. Неси и закуску туда. Да подай штопоръ.

И Клавдія повела гостя къ себѣ въ комнату.

VI.

Войдя къ Клавдіи въ комнату, Флегонтъ Ивановичъ перемѣнилъ тонъ и, кинувъ фуражку на кровать, заговорилъ:

— Здравствуй, голубушка, здравствуй, сердце мое! Дай поцѣловать тебя въ губки аленькія.

Онъ растопырилъ объятія, но Клавдія оттолкнула его.

— Погодите. Потомъ...—сказала она, отступая назадъ.

Флегонтъ Ивановичъ открылъ ротъ отъ удивленія.

— Что-же это значитъ, что такой пріемъ?—спросилъ онъ.—Или и въ самомъ дѣлѣ разговоры справедливы, что ты въ учителя влюбившись?

— Какой вы, посмотрю я на васъ, глупый,—отвѣчала Клавдія.—Дайте прежде Сонѣ самоваръ подать и закуску внести, а потомъ и амурьтесь. Ну, что хорошаго, если Сонька войдетъ, а мы цѣлуемся?

— Поди ты!—махнулъ рукой Флегонтъ Ивановичъ.— Пока ты разговариваешь, я успѣлъ-бы ужъ три раза поцѣловать тебя.

Онъ сѣлъ къ столу, покрытому красной бумажной салфеткой, на которомъ стоялъ чайный приборъ и горѣла лампа, надулся и закурилъ папироску. Соня внесла самоваръ и поставила его на столъ. Вслѣдъ затѣмъ была подана закуска. Клавдія заварила чай, поставила чайникъ на конфорку и откупорила бутылку.

— Вишневая?—спросила она про водку.

— Вишневая. Да вѣдь ты любишь вишневую,—отвѣчалъ Флегонтъ Ивановичъ, все еще продолжая дуться.

— Нѣтъ, я къ тому, что надо тятеньку попотчивать, а въ него не стоитъ хорошую водку втравливать. Пошли для него за простой... Соня сбѣгаетъ. Да и лучше оно. Онъ выпьетъ крѣпкой-то, да и спать заляжетъ, а мы съ тобой посидимъ.

— Вотъ двугривенный. Посылай.

Флегонтъ Ивановичъ положилъ на столъ монету. Клавдія взяла ее, посмотрѣла на гостя, взяла его за плечи и сказала:

— Да чего вы дуетесь-то? Ну, цѣлуйте скорѣй.

И она, наклонившись къ нему, поцѣловала его. Онъ обхватилъ ее за шею и притянулъ къ себѣ. Она опять вырвалась отъ него и сказала:

— Оставьте... Тятенька идетъ.

Дѣйствительно, скрипнула половица и раздался за перегородкой голосъ Феклиста:

— Меня-то попоите чайкомъ?

— Вамъ даже будетъ послано за настоящей водкой,—отвѣчала Клавдія.—Идите сюда и пейте чай. Флегонтъ Иванычъ варенья принесъ. Можете положить себѣ варенья.

Феклистъ показался въ дверяхъ и произнесъ:

— За водку спасибо. Дѣйствительно, не люблю я этой вашей сладкой наливки. А чайку мнѣ налей, и я туда къ себѣ пойду. Вы люди молодые, у васъ промежъ себя сладкіе разговоры будутъ, такъ что-жъ мнѣ вамъ мѣшать!

Клавдія сдѣлала серьезное лицо.

— Никакихъ промежъ насъ сладкихъ разговоровъ не будетъ,—проговорила она.—При чемъ тутъ сладкіе разговоры, если хозяйскій племянникъ ко мнѣ по заводскому дѣлу пришелъ! А не хотите здѣсь стакана чаю выпить, такъ была-бы предложена честь, а отъ убытка Богъ избавилъ. Вотъ вашъ чай. Получайте... А водку вамъ принесутъ.

Она взяла съ комода большой граненый стаканъ, налила въ него чаю, положила туда варенья и крикнула сестрѣ:

— Соня! Вотъ тебѣ деньги... Сбѣгай тятенькѣ за сороковкой.

Въ щель полупритворенной двери просунулась рука Софіи и получила двугривенный. Феклистъ взялъ налитый ему стаканъ и сказалъ:

— Я и колбаски себѣ на закуску возьму. Дайте колбаски.

— Вотъ вамъ колбаски, вотъ вамъ и сардинокъ.

Клавдія отрѣзала кусокъ колбасы, вынула изъ коробки пару сардинокъ и положила все это въ протянутую отцомъ руку.

— Ну, спасибо, спасибо. Пріятнаго вамъ разговора. А я пойду...—проговорилъ тотъ и, осторожно держа въ рукахъ угощеніе, тихо вышелъ изъ комнаты.

— Ну, вотъ теперь цѣлуй сколько хочешь,—шепнула Клавдія Флегонту Ивановичу, переходя съ «вы» на «ты».—Теперь я сама тебя поцѣлую.

— Покладистый сегодня у тебя старикъ-то!—кивнулъ Флегонтъ Ивановичъ вслѣдъ удалившемуся Феклисту.

— Трезвый сегодня—оттого и покладистый. Трезвый онъ очень хорошо понимаетъ, что я въ семьѣ первая работница и всѣхъ кормлю,—дала отвѣтъ Клавдія.

Флегонтъ Ивановичъ улыбнулся, протянулъ къ ней руки и вполголоса сказалъ:

— Ну, поди ко мнѣ, моя первая работница. Поцѣлуй меня.

Клавдія приблизилась къ нему, обняла его и сѣла къ нему на колѣни. Онъ принялся цѣловать ее. Черезъ минуту она соскочила съ его колѣнъ и проговорила:

— Ну, давайте чай пить.

— Постой. Прежде надо по рюмочкѣ выпить,—отвѣчалъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Выпьемъ. Сегодня я васъ буду поить изъ серебрянаго стаканчика.

Она достала изъ комода маленькій серебряный вызолоченный стаканчикъ и поставила его на столъ. Флегонтъ Ивановичъ взялъ въ руки стаканчикъ, посмотрѣлъ на него и спросилъ, откуда у ней этотъ стаканчикъ.

— А охотникъ одинъ, вотъ что къ тятенькѣ наѣзжаетъ, въ прошлое воскресенье подарилъ,—дала она отвѣтъ.

— Здравствуйте! Это еще новый предметъ?

— Не предметъ, а охотникъ, у котораго нашъ тятенька собакъ кормитъ. Онъ на охоту пріѣзжалъ къ намъ въ воскресенье, да и не одинъ пріѣзжалъ, а съ товарищемъ, они у насъ угощались—и вотъ онъ мнѣ серебряный стаканчикъ подарилъ.

— Да вѣдь онъ тебѣ ужъ навѣрное за поцѣлуи твои стаканчикъ подарилъ. Учитель, охотникъ... Это чортъ знаетъ что такое!—возвысилъ голосъ Флегонтъ Ивановичъ.

Клавдія вспылила.

— А хоть-бы и за поцѣлуи, такъ что-же изъ этого? Откупили вы мои поцѣлуи, что-ли? — прошептала она, сверкнувъ глазами.—Что я вамъ раба досталась или мужнина жена? Скажите, какой выискался! Я вамъ ничего не говорю, когда вы Катьку обнимаете.

— Какую Катьку? Когда?

— А Катьку, которая вамъ воду носитъ и у васъ за коровами ходитъ.

— Когда-же это было?

— Какъ когда! Видѣла, какъ вы къ ней на вашемъ крыльцѣ приставали. Даже ведра у ней уронили и воду розлили. Видѣла я, какъ она васъ и мокрымъ передникомъ огрѣла.

Флегонтъ Ивановичъ понизилъ тонъ.

— Ну, это я просто пошутилъ... хотѣлъ поиграть,— произнесъ онъ.

— Вотъ и я пошутила,—сказала Клавдія и прибавила тоже уже мягкимъ тономъ:—Лучше выпейте-ка за мое здоровье.

Она налила ему въ стаканчикъ, и онъ выпилъ, проговоривъ:

— Вѣдь ты еще недавно увѣряла меня, что любишь только меня одного.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? И говорила, и теперь скажу, что люблю васъ одного. Ну, утѣшьтесь, утѣшьтесь. Ваше здоровье.

Она налила и себѣ стаканчикъ и выпила его.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался стукъ захлопнутой наружной двери, и голосъ Сони произнесъ:

— Клавдія, я принесла сороковку.

— Передай ее тятенькѣ, а сама иди сюда чай пить,— крикнула ей Клавдія.

VI.

Феклистъ уже спалъ. Въ комнату Клавдіи доносились раскаты его храпа. Спала и Соня, свернувшись калачикомъ на лавкѣ, одѣтая и съ головой, закутанной въ платокъ. А Флегонтъ Иванычъ все еще сидѣлъ въ комнатѣ у Клавдіи. Онъ сидѣлъ безъ пиджака. Ему было жарко отъ выпитой наливки, которой въ бутылкѣ оставалось на донышкѣ. Клавдія была также раскраснѣвшись, щеки ея пылали, глаза играли особеннымъ блескомъ. Наливка на нее также подѣйствовала. Разговоръ у нихъ шелъ полушепотомъ и лишь изрѣдка въ спорѣ они слегка возвышали голосъ, но тотчасъ-же спохватывались. Клавдія говорила:

— И вѣдь какой ты глупый! Къ кому ревновать, меня вздумалъ!.. Къ учителю. А этотъ учитель ходитъ ко мнѣ только въ праздники днемъ, писать меня учитъ, да и то только тогда приходитъ, когда у тятеньки охотниковъ нѣтъ...

— Когда-бы не ходилъ, все-таки ходитъ,—пробормоталъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Да ужъ теперь и не будетъ больше ходить, потому что осень пришла и охота началась. Развѣ когда въ будни вечеромъ задумаетъ придти.

— Еще того лучше! Вечеромъ!—фыркнулъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Да вѣдь надо мнѣ докончить писать-то выучиться. Читать я кое-какъ знаю, а вотъ писать...

— На что тебѣ?

— Да хоть-бы тебѣ записку любовную написать—и то хорошо. Кромѣ того, и у насъ по дому. Иногда тя-

теньке нужно охотниковъ своихъ о чемъ-нибудь запиской увѣдомить, а онъ неграмотный.

— Пустяки. Просто это отъ головного вѣтра и отъ своего коварства. А я въ безпокойствѣ, потому я тебя люблю по настоящему. Ты знаешь, я разъ съ дубиной у васъ на задахъ ходилъ, чтобъ ему ноги обломать.

Клавдія вздохнула.

— Ахъ, Флеша, Флеша! Если-бы ты зналъ, что за человѣкъ этотъ учитель, ты не сталъ-бы къ нему ревновать,—проговорила она.

— А нешто я не знаю его? Холостой человѣкъ, молодой, учитъ ребятишекъ въ нашей деревенской школѣ.

— Молодой, но все равно, что и не мужчина—вотъ какой равнодушный человѣкъ. Онъ приходитъ да только и дѣлаетъ, что наставленія мнѣ читаетъ. Разъ дошло до того, что я ужъ прогнать его хотѣла. Право...—разсказывала Клавдія.—Онъ и тятеньку моего пилитъ, зачѣмъ онъ пьянствуетъ, зачѣмъ меня не строго держитъ. Ты знаешь, этотъ учитель мѣсто горничной даже предлагалъ мнѣ въ Питеръ къ одной учительницѣ. «Здѣсь, говоритъ, соблазнъ, бѣгите отсюда». Да мало-ли что онъ говоритъ! Онъ придетъ и только піяетъ меня. Записки мнѣ даже пишетъ.

— Еще того лучше!—воскликнулъ Флегонтъ Ивановичъ.—Ну, значитъ, влюбленъ... А ты ему потакаешь, записки отъ него получаешь, къ себѣ принимаешь, улыбки ему разныя строишь.

— Постой, постой...—перебила его Клавдія,—да вѣдь онъ въ запискахъ пишетъ только, какъ я себя соблюдать должна.

— Покажи записки.

— Въ сундукѣ спрятаны. Далеко искать. Покажу когда-нибудь въ другой разъ.

— Ага! Въ сундукъ записки прячешь! Стало быть,

считаешь за драгоцѣнность! Правду, значитъ, мнѣ говорили, что онъ на тебѣ даже жениться хочетъ.

— Что ты, что ты! Да онъ совсѣмъ не такой человѣкъ. Онъ словно монахъ...—проговорила Клавдія.

— Монахи тоже всякіе бываютъ.

Флегонтъ Ивановичъ сердился, дѣлалъ сумрачное лицо, усиленно затягивался папиросой.

— Нѣтъ, право, совсѣмъ монахъ. Ты знаешь, онъ даже мяса не ѣстъ. Никогда не ѣстъ, ни въ постные, ни въ скоромные дни,—продолжала Клавдія.—Онъ даже и рыбы не ѣстъ. Да... И меня съ тятенькой учитъ, чтобы и мы не ѣли. «Какъ вы, говоритъ, смѣете убивать животную тварь, если вы не можете ей жизнь дать?»—вотъ что онъ говоритъ. У насъ пѣтухъ былъ, и сдѣлался у него на ногѣ желвакъ. Тятенька хотѣлъ его заколоть, чтобъ въ щахъ сварить, а учитель услыхалъ этотъ разговоръ, сейчасъ-же этого пѣтуха у насъ за шесть гривенъ купилъ, понесъ къ себѣ, посадилъ его подъ печку и давай лечить. Но пѣтухъ, все равно, околѣлъ.

— Какія сказки ты про него разсказываешь! Должно быть, ужъ онъ такъ тебѣ милъ, что ты про него сказки сочиняешь,—недовѣрчиво усмѣхнулся Флегонтъ Ивановичъ.

— Именно сказки, а на самомъ дѣлѣ это сущая правда,—подтвердила Клавдія.—И кромѣ пѣтуха, у него были происшествія. Ты Алексѣя Гаврилова знаешь? Вотъ что изба съ рѣзьбой на крышѣ. Вѣдь онъ рыбакъ. Поймалъ онъ какъ-то большущаго леща, Алексѣй-то Гавриловъ. А учитель по берегу идетъ: Алексѣй Гавриловъ и предлагаетъ ему, учителю то-есть. «Не желаете-ли, говоритъ, Михаилъ Михайлычъ, леща купить?» Учитель купилъ, сторговался за два двугривенныхъ, запла-

тилъ деньги, и что-же думаешь?!—взялъ да и пустилъ его обратно въ воду.

— Да что ты!? Вотъ дуракъ-то!—удивился Флегонтъ Ивановичъ.

— Именно, дуракъ.

— Да можетъ быть, это враки?

— Алексѣй Гавриловъ божился, когда тятенькѣ разсказывалъ. Я и сама спрашивала учителя, и онъ отвѣчалъ мнѣ: «если я, говоритъ, могу какую-нибудь животную освободить отъ страданіевъ, то я обязанъ это сдѣлать». Правда, что онъ человѣкъ добрый, очень добрый, но у него въ головѣ все перепутано и самъ онъ какъ будто не въ себѣ,—пояснила Клавдія.

— Вотъ такого-то человѣка къ себѣ принимать и не надо,—наставительно замѣтилъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Да онъ и самой мнѣ надоѣлъ, но доучиться писать надо.

— Давай, я доучу тебя. Я, слава тебѣ Господи, бухгалтеръ у дяденьки. Дебетъ и кредитъ веду, стало быть, писать-то могу научить,—предложилъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Ну, хорошо, изволь... Я скажу ему, чтобъ больше не ходилъ,—согласилась Клавдія.—Вѣдь онъ скучный. Какой отъ него интересъ? Вонъ книги мнѣ носитъ читать, но книги все скучныя прескучныя,—кивнула она на комодъ, гдѣ около зеркала лежали двѣ брошюрки.

— Такъ прогонишь учителя?

— Не прогоню. Зачѣмъ прогонять добраго человѣка? А просто скажу, чтобъ онъ больше не ходилъ ко мнѣ, что я ужъ писать отлично научилась.

— Слово даешь, что больше его принимать не будешь?—спрашивалъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Если онъ тебѣ такъ непріятенъ,—изволь, слово даю,—отвѣчала Клавдія.

— Протяни руку.

— Вотъ рука.

Флегонтъ Ивановичъ хлопнулъ по рукѣ и сказалъ:

— Ну, спасибо. За это я тебѣ, какъ поѣду въ городъ, хорошей матеріи на шубку привезу. Куній воротникъ у тебя есть, а это матерія будетъ. Даже и подкладку тебѣ подъ пальто привезу,—вотъ какой я человѣкъ!

Онъ всталъ, притянулъ къ себѣ Клавдію, обнялъ ее и сталъ цѣловать. Клавдія не отбивалась и проговорила:

— Вотъ теперь цѣлуй безъ опаски. И тятенька спитъ, и Сонька спитъ, и ребятишки спятъ.

VII.

На утро Клавдія проспала долго. Она проснулась въ обычное время въ шестомъ часу утра, когда обыкновенно уходила на заводъ на работу, но такъ какъ сегодня она порѣшила на работу не отправляться, то повернулась на другой бокъ и ужъ проспала до десяти часовъ. Въ восемь часовъ утра ее будилъ отецъ, но она ему даже не откликнулась, а Соня сообщила ему, что Клавдія сегодня на работу на заводъ не пойдетъ, и онъ оставилъ ее. Въ восемь часовъ Соня поставила самоваръ и опять будила сестру, будила къ чаю, но та сказала ей:

— Дай мнѣ отоспаться. Я потомъ чаю напьюсь,—и опять заснула.

Наконецъ, въ десять часовъ утра Феклистъ сталъ колоть дрова въ избѣ, чтобы истопить печь—и Клавдія

проснулась отъ грохота и стука. Проснувшись, она не сразу встала, а еще нѣжилась въ постели. Перина у ней была мягкая—наслѣдство матери, которая водила гусей и утокъ и въ нѣсколько лѣтъ накопила пера и пуху на перину и подушки. При жизни матери отецъ нѣсколько разъ пытался продать эту перину, изъ-за перины у ея матери съ отцомъ происходили жестокія драки, но все-таки перина уцѣлѣла и ею завладѣла Клавдія.

Лежа въ постели, Клавдія вспоминала вчерашнія слова Флегонта Ивановича и мечтала о шубкѣ.

«Хорошо-бы на бѣличьемъ мѣху справить», мелькнуло у ней въ головѣ. «Бѣличій мѣхъ можно попросить у Кондратья Захарыча, да не подаритъ толстый чортъ», тотчасъ-же рѣшила она. «На угощенье онъ не жалѣетъ, цѣлыя корзины привозитъ съ угощеньемъ, на масляной разъ свѣжей икрой всѣхъ закормилъ. Я ему и блины пекла, и уху варила, а онъ что? Въ слѣдующій пріѣздъ только тоненькую золотую браслетку подарилъ за все, про все».

Кондратій Захаровичъ былъ охотникъ, который, пріѣзжая на охоту, останавливался въ избѣ Феклиста Герасимова. У Феклиста жила на хлѣбахъ и собака Кондратія Захаровича. Кондратій Захаровичъ былъ вдовый купецъ, торговавшій въ Петербургѣ въ рынкѣ желѣзомъ и домовыми принадлежностями, то-есть замками и шпингалетами, дверными ручками и т. п. Это былъ тучный человѣкъ. Онъ разсказывалъ всѣмъ, что охотится для здоровья, ради моціона, но пріѣзжая на охоту почти всегда съ пріятелями, бражничалъ и уѣзжалъ пьяный и полубольной.

«Погордѣе себя съ нимъ держать, такъ можетъ быть и привезетъ мѣхъ», мечтала снова Клавдія. «Мнѣ-бы

бѣличій... Бѣличій мѣхъ не Богъ знаетъ чего стоитъ. Теперь Кондратій Захарычъ скоро пріѣдетъ на охоту. Онъ давно не бывалъ. Попрошу я у него... Право, попрошу. Или вотъ какъ сдѣлаю: заберу я себѣ павлина въ голову и безъ всякой улыбки съ нимъ... Начнетъ руки распространять и щипаться—руки прочь. Дескать, такъ и такъ, вы прежде должны все это заслужить. Привезите мнѣ мѣхъ на шубку, тогда и я къ вамъ буду ласковой. Конечно-же... Что ему въ зубы-то смотрѣть! Такъ и сдѣлаю», рѣшила Клавдія и стала вставать съ постели.

— Сонька! — крикнула она. — Самоваръ - то ужъ остылъ?

— Еще-бы не остыть!—откликнулась Соня, чистившая картофель для варева.

— Такъ подогрѣй его скорѣй.

Покорная Соня тотчасъ-же оставила чистку картофеля и принялась ставить самоваръ.

— Часъ тому назадъ учитель былъ,—сообщила она сестрѣ.

— Что ему? — откликнулась изъ своей комнаты Клавдія.

— Книжку тебѣ принесъ.

— О, чтобъ его съ книжкой! Вотъ надоѣлъ-то!

— Очень удивился, что ты спишь. Онъ ходилъ на кирпичный заводъ, думалъ тамъ тебя встрѣтить, не нашелъ и сюда пришелъ. Спрашивалъ, что здорова-ли ты, что до сихъ поръ спишь! Я говорю: «Здорова. Что ей дѣлается!»

— А не сказала, что вчера у насъ гость былъ?

— Съ какой-же стати я буду говорить?

— Умница, Сонька. За это я тебѣ подарю мою розовую ситцевую кофточку.

— Спасибо, сестрица.

Черезъ десять минутъ Клавдія уже вышла изъ своей комнаты и вынесла Сонѣ розовую ситцевую кофточку, довольно ужъ, впрочемъ, полинявшую. Также держала она въ рукѣ жестяную банку. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ.

— Давай кофейникъ... — сказала Клавдія Сонѣ.— Буду сейчасъ кофей пить и тебя угощу. А гдѣ отецъ?— спросила она.

— Христомъ Богомъ выпросилъ у меня пятачекъ и пошелъ опохмелиться.

— Ахъ! Вотъ ужъ горбатаго-то, должно быть, только могила исправитъ!—вздохнула Клавдія и, принявъ отъ Сони жестяной кофейникъ, принялась дѣлать кофе.

— Вотъ книжка, что тебѣ учитель велѣлъ передать,—протянула Соня Клавдіи брошюрку въ желтенькой бумажкѣ.

— А ну ее!—воскликнула Клавдія и вышибла изъ руки Сони брошюрку.

Клавдія была въ красной нижней юбкѣ, обшитой въ два ряда черной тесьмой, въ бѣлой кофточкѣ съ кружевцами и въ туфляхъ на босую ногу.

Кофею она напилась скоро, велѣла Сонѣ убрать посуду и кофейникъ и сказала:

— Буду сегодня кружева нашивать на шелковую юбку, которыя я купила у урядничиховой сестры. Но прежде чѣмъ нашивать, надо кружева-то немножко разгладить. Согрѣй-ка утюгъ, да поставь мнѣ на два стула гладильную доску.

Клавдія ушла къ себѣ въ комнату за кружевами, а Соня стала исполнять, что потребовала сестра. Минутъ черезъ пять Клавдія вернулась съ кружевами.

— Ты знаешь, урядничихина сестра просто дура была, что продала мнѣ эти кружева за два съ полтиной. Они втрое дороже стоютъ,—сказала Клавдія.

— Да вѣдь ей, я думаю, они даромъ достались. Она у какой-то графини въ горничныхъ живетъ,—отвѣчала Соня.

— Ну, все-таки... Въ двухъ мѣстахъ они разорваны, но я ихъ подштопаю. Ты утюгъ-то не перекаливай, Соня. Ихъ надо чуть-чуть тепленькимъ разглаживать.

— Да я только сейчасъ его къ огню поставила.

Клавдія вынула изъ печки утюгъ, отерла его о половикъ, держа въ тряпкѣ, помусоливъ палецъ, тронула имъ по утюгу и проговорила:

— Даже и не шипитъ. Такой мнѣ и надо.

Она подошла къ гладильной доскѣ, поставленной на два стула противъ окна, и только хотѣла гладить кружева, какъ вдругъ, взглянувъ въ окно, воскликнула:

— Батюшки! Охотники пріѣхали и Кондратій Захарычъ съ ними! А я въ одной нижней юбкѣ! Сонька! Убирай скорѣй утюги и гладильную доску,—приказала она сестрѣ и, схвативъ кружева, опрометью бросилась къ себѣ въ комнату.

VIII.

За окномъ, между тѣмъ, раздавались возгласы:

— Эй! Что-жъ никто не встрѣчаетъ? Есть-ли во дворѣ живъ человѣкъ!

Это кричалъ Кондратій Захаровичъ Швырковъ, вытаскивая изъ телѣги, въ которой онъ пріѣхалъ съ пароходной пристани, плетеную корзинку съ виномъ и закусками, два ружья въ чехлахъ, подушку въ темной ситце-

вой наволочкѣ. Ему помогалъ мужикъ-возница. Швырковъ былъ въ сѣромъ охотничьемъ костюмѣ съ зеленой оторочкой и съ громадными мѣдными пуговицами, въ высокихъ сапогахъ, перетянутыхъ выше колѣнъ ремнями, и на головѣ имѣлъ сѣрый картузъ. Это былъ довольно толстый человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, невысокаго роста, съ рыжей бородой клиномъ, начинающей уже сѣдѣть, съ одутловатымъ лицомъ и мѣшками подъ глазами. Онъ пріѣхалъ не одинъ. Была и вторая подвода. Изъ нея вылѣзалъ рослый брюнетъ среднихъ лѣтъ въ усахъ, закрученныхъ въ стрѣлку и облеченный въ кожаную куртку на овчинѣ, тоже въ охотничьихъ сапогахъ и въ тирольской шляпѣ темнозеленаго фетра съ стоячимъ тетеревинымъ перомъ. Съ нимъ былъ жиденькій маленькій человѣчекъ въ обыкновенномъ городскомъ пальто, въ обыкновенныхъ русскихъ сапогахъ и кожаной фуражкѣ. На красномъ лицѣ его съ рѣдкой бородкой торчали два глаза, выпяченные, какъ у рака, и сизый носъ. Первый былъ ходатай по дѣламъ Романъ Карловичъ Шнель, обрусѣвшій нѣмецъ, а второй—Григорій Кузьмичъ Перешеевъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, когда-то торговавшій, а нынѣ состоящій прихлебателемъ у Швыркова. Швырковъ возилъ его съ собой на охоту для компаніи.

— Эй! Кто-нибудь!—опять закричалъ Швырковъ передъ окнами избы.—Откликнитесь! Феклистъ Герасимовъ дома?

Отвѣта опять не послѣдовало. Изъ сосѣдней избы выглянула голова бабы въ платкѣ и сказала:

— Вамъ Феклиста Герасимыча? Кажется, въ кабакъ или въ лавочку ушелъ.

— Отставной козы барабанщикъ! Да постучись ты

въ окно-то. Видишь, я съ извозчикомъ разсчитываюсь,— обратился Швырковъ къ Перешееву.—А то стоишь, какъ ступа.

Перешеевъ бросился къ окну и забарабанилъ въ стекло. Изъ калитки выскочила Соня въ байковомъ платкѣ на головѣ.

— Здравствуйте, Кондратій Захарычъ, — сказала Соня Швыркову.—Милости просимъ... Пожалуйте... Но тятеньки дома нѣтъ! Онъ на деревнѣ. Сейчасъ я его приведу. Здравствуйте, Романъ Карлычъ, здравствуйте, господинъ Перешеевъ,—кивнула она другимъ охотникамъ и побѣжала по улицѣ, насколько позволяла ей хромая нога.

Возницы забирали вещи и тащили въ избу. У Шнеля, кромѣ охотничьихъ вещей, были также плэдъ и подушка и, кромѣ того, широкій длинный плащъ съ башлыкомъ сѣраго солдатскаго сукна. Помогалъ вносить въ избу вещи и Перешеевъ.

Охотники вошли въ избу и стали располагаться по лавкамъ.

— Скажите на милость, никого нѣтъ. Пустая изба. Даже и чертенятъ-мальчишекъ нѣтъ, — проговорилъ Швырковъ, снимая съ себя яхташъ и фляжку, перекинутыя на ремняхъ черезъ плечи.

— Я дома, я...—откликнулась Клавдія изъ своей комнаты.—Только не могу выдти къ вамъ сейчасъ, потому что не одѣта. Здравствуйте, Кондратій Захарычъ.

— Ахъ, ты дома, моя прелесть? Ну, вотъ и отлично!—закричалъ Швырковъ.—Здравствуй, душечка! Можно войти къ тебѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я еще не одѣта. Погодите. Я сейчасъ выду,—послышалось изъ комнаты.

— Да мнѣ, ангелочекъ, и не нужно вашей одежи. Вы безъ одежи, я думаю, лучше. А пока тятеньки нѣтъ, я и поцѣлую тебя въ обѣ аленькія щечки!

Швырковъ сталъ напирать на запертую дверь изъ дюймовыхъ досокъ и оклеенную обоями.

— Да не входите-же,—упрашивала Клавдія.—Ну, что-жъ это! Даже крючекъ оторвали! Какое свинство.

И она стала задвигать дверь стульями, а на одинъ изъ нихъ даже сѣла, но Швырковъ оттолкнулъ стулья и все-таки вошелъ въ комнату. Клавдія была въ черной шерстяной юбкѣ, но еще безъ лифа.

— Ну, что-же это такое! Ну, какъ вамъ не стыдно!—кричала она.—Вѣдь это-же свинство.

Но Швырковъ, обхвативъ ее, цѣловалъ въ щеки и шею и говорилъ:

— Совсѣмъ купеческая штучка! И какъ такая сдобненькая и миндальная въ деревнѣ уродилась! Пупочка, совсѣмъ пупочка. Вотъ ужъ папенька-то твой тебѣ не подъ кадрель. Папенька чумазый, а дочка такая крупитчатая.

— Уймитесь. Послушайте, уймитесь-же пожалуста. Будетъ съ васъ,—упрашивала Клавдія.—Слышите, вонъ тятенька идетъ. Соня привела его.

На крыльцѣ дѣйствительно кто-то громыхалъ сапогами. Швырковъ чмокнулъ Клавдію въ губы и вышелъ изъ комнаты.

Въ дверяхъ стоялъ Феклистъ, держалъ въ рукѣ картузъ съ разорваннымъ козырькомъ и, кланяясь, говорилъ:

— Пожаловали, батюшка Кондратій Захарычъ. Вотъ и отлично. А у насъ тетеревиныхъ выводковъ сила. Я за грибами ходилъ, такъ-такъ и порхаютъ. И смѣлые

какіе! Я ужъ писать вамъ хотѣлъ, а вотъ вы и сами пожаловали. Роману Карлычу добраго здоровья. Григорій Кузьмичъ, батюшка, здравствуйте.

И Феклистъ, раскланиваясь съ Швырковымъ и Шнелемъ, протянулъ Перешееву руку.

Перешеевъ снисходительно взялъ его руку и съ усмѣшкой задалъ вопросъ:

— Къ Семену Банкину въ стеклянную библіотеку благословиться бѣгалъ, что-ли?

— Только на пятачокъ, господинъ Перешеевъ, только на пятачекъ,—отвѣчалъ Феклистъ, бросился къ корзинкѣ Швыркова съ выпивкой и закуской и спросилъ:— Прикажете вынимать, Кондратій Захарычъ?

— Оставь. И безъ тебя вынутъ. Для этого Перешеева вожу. Ну, что собаки мои?

— Въ лучшемъ видѣ.

— Ты ихъ, поди, съ голоду заморилъ?

— Чего-съ? Овсянки не проѣдаютъ. Дайте ситника—носы воротятъ. Конечно, не сейчасъ, потому сейчасъ мы еще и сами не обѣдали и собакъ не кормили. А послѣ дачи корма—на ситникъ не глядятъ.

— Приведи ихъ сюда.

Феклистъ удалился и черезъ минуту въ избу вбѣжали два сетера и съ радостнымъ визгомъ бросились къ Швыркову.

— Собаки эти мнѣ все равно, что дѣти—вотъ какъ я ихъ предполагаю,—хвастался Феклистъ, а самъ не спускалъ глазъ съ корзинки съ провизіей и выпивкой.— Такъ какъ-же, батюшка, Кондратій Захарычъ, вы думаете: сейчасъ вамъ на охоту идти или прежде подзакусить желаете?—спросилъ онъ Швыркова, ласкавшаго собакъ.

— Милліонеръ! Какъ ты думаешь?—въ свою очередь задалъ Швырковъ Перешееву вопросъ и улыбнулся.

Перешеевъ какъ-то весь скорчился, съежился отъ такого вопроса и, потирая руки, произнесъ:

— Даже и съ медицинской точки зрѣнія на голодный желудокъ охотиться не подобаетъ.

— Будто?—опять улыбнулся Швырковъ и сказалъ:—Ну, будь хлѣбодаромъ и виночерпіемъ и вытаскивай все изъ корзины.

Феклистъ оживился, бросился къ столу, сталъ его выставлять на середину, и кричалъ дочери:

— Клавдія! Клавдюша! Столъ-то надо скатереткой накрыть. Тащи сюда скатерть! Да что ты тамъ копаешься! Иди скорѣй.

— Свою скатерть привезъ. Не надо вашей,—отвѣчалъ Швырковъ.

IX.

Перешеевъ суетился около стола, разставлялъ бутылки, вынималъ изъ корзинки свертки съ закусками. Кусокъ сыру, копченый языкъ и копченую корюшку положилъ онъ на поданныя Соней три тарелки, но остальное ему пришлось положить на столъ въ бумажкахъ. Соня, конфузясь, заявила:

— Извините. У насъ тарелокъ больше нѣтъ. Всего три тарелки.

— Куда-же вы ихъ дѣвали, черти полосатые?—спросилъ Швырковъ.—Прошлый разъ я пріѣзжалъ такъ было больше. Даже я самъ посѣялъ у васъ здѣсь двѣ свои та релки. Вотъ эта фарфоровая тарелка моя.

— У насъ дѣйствительно было семь тарелокъ,—отвѣчала Соня:—Но вотъ тутъ какъ-то тятенька...

— Что: тятенька?—закричалъ на нее Феклистъ.— Сама разбила, да на тятеньку воротишь.

— Конечно-же, когда вы во второй Спасъ были выпивши, то разбили ихъ.

— Молчи, хромоногая! Туда-же на тятеньку.

Швырковъ въ это время курилъ папиросу.

— Милліонеръ!—обратился онъ къ Перешееву.— Напомни мнѣ, чтобъ я имъ привезъ металлическихъ эмалированныхъ тарелокъ. Эти ужъ тятенька не разобьетъ.

— Да ужъ и то давно пора,—заговорила Клавдія, выходя изъ своей комнаты.—А то ѣздить ѣздите къ намъ и кушаете здѣсь, и пьете, а нѣтъ того, чтобы посудки предоставить намъ.

— Ба! Королева!—всплеснулъ руками Швырковъ при видѣ Клавдіи.—Скажите на милость, какая она франтиха! Городской модницѣ не уступитъ. Фу ты, ну ты!

Клавдія была въ черной люстриновой юбкѣ и пунсовой канаусовой кофточкѣ, перетянутой по таліи серебрянымъ кавказскимъ поясомъ.

И Швырковъ протянулъ къ ней руки. Клавдія отмахнулась отъ него и попятилась.

— Только ужъ пожалуйста платье виномъ не обливать!—сказала она.—Держите себя въ аккуратѣ.

— Обольемъ, такъ и новое купимъ и подаримъ.

— Ну, насчетъ подарковъ-то вы не очень тароваты,—шепнула она ему.—Закусками и виномъ закормить и запоить рады, а что до подарковъ, то кромѣ вотъ этого тоненькаго браслета, я ничего отъ васъ не видала.

— А ты знаешь, умница, пѣсню: «мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь?»

Клавдія посмотрѣла по сторонамъ, увидала, что отца въ избѣ нѣтъ, и отвѣчала:

— Да съ чего вы взяли, что мнѣ дорога ваша любовь? Вотъ еще что выдумали! Это вамъ должно быть дорога моя любовь.

— Королевѣ почетъ и мѣсто... Садитесь на лавочку посрединѣ,—указалъ ей на лавку Швырковъ.—Чѣмъ просить прикажете?

— Нѣтъ, ужъ сѣсть я не сяду. Я знаю ваши замашки. Вы сейчасъ облапливать, а я терпѣть этого не могу. А такъ на ходу бутербродъ съ икрой, пожалуй, съѣмъ.

— Милліонеръ! Бутербродъ съ икрой барышнѣ. А что выпить, мамзель?

— Выпить—ничего..

— Какъ такъ ничего? Не можетъ этого быть, чтобъ ничего.

— Да вѣдь утро еще. Что-жъ спозаранку-то глаза наливать!

— Да не наливать, а просто выпить съ господами охотниками за компанію.

— Подите вы! Мнѣ и смотрѣть-то на вино съ утра противно. Ужъ одинъ нашъ тятенька съ своимъ пьянствомъ сдѣлалъ то, что подчасъ всѣ бутылки готова перебить.

Клавдія взяла отъ Перешеева бутербродъ съ икрой и отошла отъ стола. Швырковъ, переваливаясь съ ноги на ногу, подошелъ къ ней съ бутылкой рябиновой наливки и съ серебрянымъ стаканчикомъ.

— Здѣсь не тятенька вашъ, а влюбленный въ васъ купецъ Швырковъ выпить проситъ съ нимъ за кампанію.

— Не стану я пить. Отстаньте пожалуйста!—строго отвѣчала Клавдія.

— Отчего?

— Ахъ, Боже мой! Отчего! Да просто не хочу.

РУМЯН...

— За мое-то здоровье? Вѣдь я за мое здоровье прошу... Только одну единую за мое здоровье.

— Вотъ за ваше-то здоровье и не хочу.

— Почему такъ? За что такая жестокость съ вашей стороны?—приставалъ Швырковъ.

— Очень просто. Не стоите. Кабы вы для насъ, то и мы-бы для васъ...—проговорила Клавдія, лукаво улыбнувшись.

Швырковъ недоумѣвалъ.

— Странно. Какъ я объ этомъ понимать долженъ?—спросилъ онъ.

— Какой вы глупый, посмотрю я на васъ. Давеча вы ворвались ко мнѣ въ комнату, начали меня по спинѣ хлопать, щипать, цѣловать, а какую я за все это отъ васъ корысть имѣю? Только одна корысть и есть, что вы тятеньку спаиваете, а онъ потомъ, проспавшись, наши вещи пропиваетъ. Поняли?

Клавдія нахмурилась и отвернулась отъ Швыркова.

— Гмъ... Что-же я долженъ дѣлать, чтобъ васъ умилостивить?—задалъ онъ вопросъ.

— И вы еще спрашиваете? Какой недогадливый! Съ подаркомъ пріѣхать, да не съ какимъ-нибудь, а съ настоящимъ.

— Гмъ... Что-жъ... Это можно. Какой-же вы подарокъ, мамзель Клавдинька желаете? Сережки золотыя?

— Зачѣмъ серьги? Наступитъ зима, а у меня шубки нѣтъ. Привезите мнѣ бѣличьяго мѣху на шубку.

— Ого-го! Это вѣдь ужъ совсѣмъ на городской манеръ!—покачалъ головой Швырковъ.

— А я чѣмъ хуже городской дѣвицы? Хотите если, чтобъ я къ вамъ чувствовала чувства, должны и сами свои чувства доказать.

Швырковъ подумалъ и сказалъ:

— Ну, что-же, бѣличьяго мѣху можно привезти.

— Когда привезете?

— Да въ слѣдующее воскресенье пріѣду и привезу.

— Ну, хорошо. Не надуете?

— Купцу Швыркову тысячи рублей на слово вѣрятъ,—гордо отвѣчалъ Швырковъ и, протянувъ къ Клавдіи бутылку и стаканчикъ, спросилъ:—Такъ можете теперь съ купцомъ Швырковымъ чокнуться?

— Давайте,—протянула руку Клавдія къ стаканчику.

— «Милліонеръ»! Давай сюда второй стаканчикъ!—крикнулъ Швырковъ Перешееву.

Тотъ подскочилъ съ серебрянымъ стаканчикомъ.

— Велите дать и второй бутербродъ съ икрой,—сказала Клавдія.

— «Милліонеръ»! Еще бутербродъ съ икрой королевѣ!

Швырковъ налилъ изъ бутылки въ два стаканчика—себѣ и Клавдіи, и они выпили.

Вошелъ Феклистъ.

— Приказалъ ребятишкамъ лодку для вашей милости справить,—сказалъ онъ охотникамъ.—На лодкѣ до того лѣска, гдѣ выводки, мы живо доѣдемъ.

— Ну, вотъ спасибо. Пѣшкомъ-то я съ моимъ животомъ, ты самъ знаешь, не мастакъ ходить,—проговорилъ Швырковъ.—А то и до лѣсу-то ходи, да и въ лѣсу-то ходи.

Феклистъ стоялъ около стола и умильно смотрѣлъ на бутылку съ водкой.

— Вишь, глазищи-то выпучилъ! Выпить хочешь, что-ли?—спросилъ его Швырковъ.

— Да какъ-же не хотѣть-то, ваша милость, Кондратій Захарычъ! Инда слюна бьетъ.

— «Милліонеръ»! Нацѣди ему Купель Силоамскую.

Перешеевъ взялъ большой серебряный бокалъ, привезенный для пива, и налилъ въ него водки. Феклистъ медленно и съ жадностью его выпилъ.

X.

Охотники завтракали у Феклиста добрые два часа. Послѣ завтрака пили чай съ коньякомъ. Швырковъ склоненъ былъ напиться, но его компаньонъ Шнель то и дѣло его останавливалъ отъ питья.

— Ну, какой-же ты будешь охотникъ, если намажешься?—говорилъ онъ Швыркову и достигъ, что тотъ былъ относительно трезвъ, когда они отправились на охоту.

Феклистъ, выпивъ бокалъ водки, продолжалъ умильно посматривать на бутылки, но ему Шнель пить больше не далъ. Клавдія наотрѣзъ отказалась пить, ограничившись одной рюмкой рябиновой наливки, сколько къ ней не приставали Швырковъ и Шнель. Шнель упрашивалъ съ нимъ чокнуться, она отвѣчала:

— Вечеромъ, вечеромъ... Вѣдь вы у насъ ночевать будете. Вотъ за ужиномъ и чокнусь съ вами, а теперь не могу, не просите, мнѣ нужно дома дѣло дѣлать, я сегодня изъ-за этого нарочно на заводъ на работу не пошла.

«Милліонеръ» Перешеевъ напился, хотя ему много пить не дали. Шнель, смѣясь, говорилъ, что Перешеевъ опьянѣлъ отъ старыхъ дрожжей, разбавленныхъ тремя рюмками.

— Вѣдь его только порастрясти, прибавь рюмку на старыя дрожжи—онъ и готовъ,—шутилъ Шнель и скомандовалъ:—Ну, пойдемте!

Швырковъ и Шнель начали надѣвать на себя яхташи, фляшки и пантронташи, вынули изъ чехловъ ружья. Собаки, видя приготовленія, прыгали и радостно визжали. Онѣ предчувствовали прогулку. Феклистъ облекся въ пальто и въ картузъ съ надорваннымъ козырькомъ, понесъ ружья, и всѣ отправились на рѣчку, которая протекала недалеко отъ деревни. Перешеевъ не могъ идти. Во время сборовъ онъ прикурнулъ въ уголкѣ на лавкѣ и заснулъ Его оставили въ избѣ.

Клавдія провожала охотниковъ за ворота и вдругъ за угломъ избы увидѣла учителя. Онъ стоялъ блѣдный въ бѣломъ демикатоновомъ картузѣ на затылкѣ и въ синей блузѣ, опоясанной кожанымъ поясомъ. Глаза его блуждали, худое желтое лицо съ маленькой бородкой было искажено иронической улыбкой, бѣлокурые длинные волосы выбились изъ-подъ картуза на лобъ и въ рукѣ онъ судорожно сжималъ толстую сучковатую палку.

Клавдія, увидавъ его, невольно попятилась и въ страхѣ побѣжала домой.

— Опять учитель здѣсь! Скажи ему, что меня дома нѣтъ,—проговорила она Сонѣ, которая прибирала закуску, и бросилась къ себѣ въ комнату.

Но учитель уже стоялъ въ дверяхъ и искалъ Клавдію глазами.

— Мнѣ Клавдію Феклистовну... На одну минуту Клавдію Феклистовну,—мрачно говорилъ онъ Сонѣ.

— Да ея нѣтъ дома,—растерянно отвѣчала Соня.

— Какъ нѣтъ, Софья Феклистовна? Вы лжете, Софья Феклистовна! Я сію минуту видѣлъ за воротами.

— Да ужъ не знаю, право... А ея нѣтъ...

— Соня! Сонечка! Зачѣмъ вы лжете? — вскричалъ учитель. — Или и васъ подкупили губить вашу сестру Клавдію? Изъ-за утонченныхъ явствъ, изъ-за рюмки вина

и ничтожной подачки вы отдаетесь на сторону гнустныхъ развратниковъ!—покачалъ онъ головой, указывая на неубранную еще закуску.

Соня не знала, что отвѣчать. Клавдія выручила сестру.

— Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли! Не только надоѣли, но измучили! Что вамъ? Чего вы опять отъ меня хотите?—раздраженно проговорила она, выходя изъ своей комнаты, и остановилась у дверей.

Учитель сдѣлалъ къ ней два шага.

— Клавдія Феклистовна! Клавдія! Я пришелъ... я увидалъ... Увидалъ, что опять эти развратники пріѣхали... И вотъ я пришелъ умолять... Не губите, дорогая моя, вашу душу и тѣло,—бормоталъ онъ.

— Да вѣдь ужъ слышали это, сто разъ отъ васъ слышали,—отвѣчала Клавдія.

— Другъ мой, но я вижу, что слова мои гласъ вопіющаго въ пустынѣ, что вы имъ не внимаете, что вы ихъ..

— А если это такъ, то нечего вамъ и языкъ о зубья околачивать.

— Но вѣдь душу возмущаетъ, душу... Я изстрадался. Вчера этотъ мальчишка Флегонтъ...

— А, такъ вы еще подсматривать!—спыхнула Клавдія.—Тогда не смѣйте ко мнѣ больше ходить! Не надо мнѣ вашего ученья. Какъ только придете—все одни и тѣ-же разговоры... Надоѣло мнѣ это.

Клавдія ушла въ свою комнату и заперла дверь. Учитель опять сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился у двери.

— Голубушка!—слезливо восклицалъ онъ.—Но вѣдь и дождевыя капли долбятъ камень, такъ неужели-же живое слово?..

— Уходите отъ насъ, я васъ прошу!—послышалось изъ-за двери.

— Клавдія! Клавдинька! На колѣняхъ васъ умоляю: спасайте свою душу, спасайте свое тѣло. Вы достойны лучшаго удѣла. Бѣгите, бѣгите вонъ изъ этого дома!

Учитель опустился на колѣни и плакалъ.

— Да вы совсѣмъ полоумный!—откликнулась Клавдія, пріотворивъ дверь.—Правду всѣ говорятъ, что вамъ на цѣпь пора. Ну, что это вы дѣлаете? Какъ вамъ не стыдно? Учитель, взрослый человѣкъ, а самъ дурака ломаетъ: на колѣняхъ стоитъ и плачетъ.

Клавдіи сдѣлалось жалко его. Она вышла изъ своей комнаты и стала поднимать его съ колѣнъ.

— Встаньте и идите домой... Что это такое! На колѣняхъ стоять! Да вы просто порченный какой-то... Такъ плакать... Вы испорчены... Васъ кто-нибудь по злобѣ испортилъ. Ну, встаньте, голубчикъ, сядьте, отдохните и ступайте домой!..

Учитель поднялся съ колѣнъ, схватилъ ея руки и сталъ ихъ покрывать поцѣлуями, бормоча:

— Бѣгите вонъ, ангелъ мой... Бѣгите прочь изъ этого дома! Здѣсь вамъ нѣтъ спасенія!

— Ну, что вы говорите! Зачѣмъ пустяки болтать! Ну, куда я побѣгу? Ну, зачѣмъ я побѣгу изъ родительскаго дома?—говорила Клавдія, усаживая его на лавку.

— Изъ родительскаго дома?—воскликнулъ учитель.—Но родитель вашъ недостойный, грязный человѣкъ. А куда вамъ бѣжать? Бѣгите ко мнѣ, спасайтесь у меня. Мой домъ къ вашимъ услугамъ. Берите своего ребенка и бѣгите, Клавдинька.

— Вишь, что выдумали! А говорить-то что будутъ?—улыбнулась Клавдія.

— Голубушка, да вѣдь теперь-то говорятъ хуже. Вы послушайте-ка, что говорятъ про васъ!—прошепталъ плаксивымъ голосомъ учитель.

— Э, пускай говорятъ! На чужой ротокъ не накинешь платокъ,—махнула рукой Клавдія.—Я за себя не боюсь. Плевать мнѣ на все. Но тогда и про васъ говорить будутъ. А вѣдь вы учитель, ребятъ должны учить. У васъ начальство есть.

— Да я для вашего спасенія, голубушка, готовъ всѣмъ, всѣмъ пожертвовать. Берите ребенка и бѣгите. Мы будемъ жить, какъ братъ и сестра...

Клавдія отошла отъ него и сѣла поодаль на табуретку.

— И что это именно я-то такъ далась вамъ, не понимаю!—проговорила она.—Мало-ли у насъ тутъ на заводѣ, да въ деревнѣ есть дѣвушекъ, однако вы къ нимъ не пристаете.

— Эхъ, Клавдія Феклистовна!

Учитель тяжело вздохнулъ, вынулъ платокъ и сталъ отирать слезы и сморкаться. Прошло минуты двѣ и Клавдія сказала:

— Успокоились? Ну, и идите теперь домой. Мнѣ дѣломъ надо заниматься. Я оттого и на заводъ не пошла, что хочу по домашеству заняться.

Учитель поднялся съ лавки и, сказавъ «прощайте», направился къ выходу, но у двери опять остановился, обернулся и проговорилъ:

— Еще разъ умоляю... Умоляю: спасайте душу и тѣло! Спасайте! Вы погибаете.

— Идите, идите, Михаилъ Михайлычъ! Идите... Все это я ужъ сто разъ отъ васъ слышу. А насчетъ погибели— не бойтесь. Не погибну я... Не таковская я... Идите съ Богомъ...

Клавдія махнула учителю рукой. Тотъ медленно вышелъ изъ избы.

XI.

По уходѣ учителя Клавдія долго смотрѣла въ окошко.

— Не видать его что-то...—проговорила она.— Или опять за уголъ избы спрятался? Нѣтъ, идетъ... Пошелъ къ себѣ домой... И вѣдь идетъ-то какъ пьяный, покачиваясь.

— Да можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ выпилъ,—сказала Соня, стоя у стола, пригорюнившись.

Ей было жалко учителя. Она даже слезливо моргала глазами.

— Онъ-то выпилъ?—воскликнула въ отвѣтъ ей Клавдія.—Да онъ капли вина въ ротъ не беретъ. Онъ придетъ, такъ только и проклинаетъ вино.

— Проклинать проклинаетъ, а тутъ взялъ да и выпилъ съ горя.

— Полно врать! Какое у него горе! Просто хочетъ на чемъ-то на своемъ поставить.

— Полюбилъ онъ тебя, а ты къ нему безъ всякихъ чувствъ—вотъ и горе его.

Клавдія покачала головой.

— Ну, не знаю ужъ я, чтобы такіе люди были влюбившись,—проговорила она.—Ты послушала-бы, что онъ говоритъ, когда приходитъ меня учить! Онъ мнѣ сказалъ...—начала было она, но тутъ-же махнула рукой и прибавила:—Впрочемъ, что тебѣ разсказывать! Ты все равно не поймешь.

— Напрасно такъ думаешь про меня,—обидчиво проговорила Соня и тутъ же подмигнула глазомъ:—А вотъ помяни мое слово, что влюбленъ! Потомъ увидишь.

Въ это время за печкой заплакалъ ребенокъ Клавдіи и Соня бросилась къ нему.

— Покормить надо Устьку. Ты покорми ее,—сказала Клавдія.—Да надо и самимъ обѣдать. Вонъ ужъ скоро часъ. Надо будетъ мальчишекъ покликать.

— Гдѣ ихъ кликать! Они, поди, на рѣчкѣ рыбу ловятъ. Давеча захватили по ломтю хлѣба, удочки и ушли на рѣчку. Придутъ, такъ поѣдятъ,—отвѣчала изъ-за печки Соня, вынесла оттуда голоногую дѣвочку Клавдіи и передала ее сестрѣ.

Клавдія взяла ее на руки, утерла ей носъ подольцемъ ея-же ситцеваго платьица и, поцѣловавъ, пробормотала:

— Кушать, дрянь, хочешь, кушать, сопливая, хочешь? Ну, вотъ мы сейчасъ тебя покормимъ кашкой. Постой, Соня, ты не убирай закуски-то. Мы поѣдимъ и ихъ немножко. Хоть закуской ихней за все это безпокойство попользоваться. А то пріѣзжаютъ, безобразничаютъ, вонъ даже пьянаго оставили,—кивнула она на спавшаго на лавкѣ Перешеева:—а толку никакого. Кондратій Захарычъ скупъ, а нѣмецъ этотъ Романъ Карлычъ еще скупѣе. Кондратій Захарычъ тятенькѣ за весь пріѣздъ и ночевку рубль даетъ, а нѣмецъ и того не даетъ. А мнѣ такъ хоть-бы когда плюнулъ. А между тѣмъ, то и дѣло наровитъ ущипнуть.

— А свой шелковый-то бѣлый платокъ тебѣ подарилъ, которымъ онъ горло повязывалъ?—напомнила Соня.

— Ну, что это! Этого я не считаю. Да и когда это было? Вѣдь это давно ужъ было.

— А ящичекъ-то съ зеркальцемъ, со щеткой, гребенкой и ножницами ты у него выпросила.

— Такъ вѣдь выпросила, а не самъ онъ подарилъ. Да и это опять таки зимой было.

Соня поставила на столъ, гдѣ еще стояли закуски, чашку со щами и положила ложки. Клавдія передала сестрѣ Устю, сѣла за столъ и принялась закусывать, очи-

щая отъ кожи копченую корюшку. Соня хлебала щи и давала ихъ со своей ложки сидѣвшей у ней на колѣняхъ Устѣ.

— Закусывай икрой-то... Вотъ семга есть...—кивнула ей Клавдія.

— Ну, что ихъ обижать! Тогда имъ къ ужину мало останется,—отвѣчала Соня.

— Какой вздоръ! И наконецъ, У Романа Карлыча своя корзинка съ закуской есть, которую еще не начали. Постой, я тебѣ икры намажу. Видишь, икры еше полъжестянки осталось.

Клавдія намазала икры на ситникъ и подала Сонѣ. Та стала ѣсть.

— У меня еще отъ вчерашняго, отъ Флегонта Иваныча полъ-коробки сардинокъ осталось, и я ихъ спрятала,—прибавила Клавдія.—Вотъ и корюшки три штучки спрячу себѣ побаловаться на завтра. Люблю копченую рыбу... И два ломтика семги...

— Да вѣдь не съѣдятъ, такъ намъ-же потомъ всѣ остатки оставятъ,—замѣтила Соня.—Въ прошлый разъ цѣлый кусокъ сыру оставили.

— А тятенька подхватилъ его да и весь слопалъ, такъ что-жъ хорошаго? Нѣтъ, я и языка соленаго себѣ кусокъ отрѣжу. Такъ будетъ лучше, надежнѣе. Отрѣжу и спрячу на завтра. А то сегодня пиръ, а завтра иди съ рукой въ міръ.

Клавдія откромсала кусокъ соленаго языка и положила его въ сторону.

Сестры пообѣдали и накормили Устю. Соня стала прибирать со стола, мыть посуду, Клавдія опять положила на два стула гладильную доску и принялась нашивать кружева на шелковую юбку. За работой ей вспомнилась давишняя сцена съ учителемъ, и въ головѣ ея мелькнуло:

«А что если онъ и въ самомъ дѣлѣ влюбившись въ меня? Вотъ штука-то! Впрочемъ, онъ никогда и виду не подалъ насчетъ этого. Ни разговора, ни словъ пронзительныхъ... Даже не ущипнулъ никогда, по спинѣ никогда не похлопалъ. Ласковыя-то слова онъ всегда говоритъ, но это вовсе не любовныя слова», разсуждала она. «А впрочемъ, вѣдь иные скрытны... Въ душѣ чувствуютъ, а слова говорить и руки распространять робѣютъ. А навязаться навязался ко мнѣ. Ужасъ, какъ навязался. Вѣдь и писать-то меня учить онъ самъ вызвался. Вызвался и самъ ходить началъ. Приглашать я его не приглашаю, а онъ ходитъ. И ужъ теперь слѣдить за мной началъ. По пятамъ ходитъ, подсматриваетъ. Вчера пришелъ подсматривать и Флегонта увидалъ... Сегодня опять. Ну, зачѣмъ, спрашивается, онъ сегодня притащился? Притащился и вдругъ этакій скандалъ! Вотъ навязался-то! И вѣдь онъ не отстанетъ. Онъ и еще, и еще... Спасать меня задумалъ. И съ чего приболѣло это спасеніе? Нѣтъ, пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ меня», рѣшила Клавдія, улыбнулась и спросила сестру:

—Ты, Сонька, почему думаешь, что Михаилъ Михайлычъ влюбленъ-то въ меня?

— Да какъ-же... Вѣдь это сейчасъ видно. Онъ ревнуетъ тебя, къ каждому человѣку ревнуетъ, иначе зачѣмъ-бы онъ сюда-то прибѣжалъ?—отвѣчала Соня.

— Гмъ...—опять улыбнулась Клавдія.—А ты слышала, вѣдь онъ не про любовь говоритъ, а о томъ, что спасти меня отъ чего-то хочетъ.

— Мало-ли что онъ говоритъ! Прямо — влюбленъ. Влюбленъ и ревнуетъ. Удивляюсь, какъ ты это сама-то понять не можешь.

— А мнѣ кажется, что онъ просто юродивый, какой-то не настоящій, порченый,—сказала Клавдія.

— Вотъ изъ-за того-то, что онъ не настоящій—онъ и не говоритъ тебѣ, что влюбленъ, а что онъ влюбленъ и ревнуетъ—это вѣрно,—подтвердила Соня.

— Ты думаешь?

— Конечно-же. Да это не я одна говорю, а и сосѣди говорятъ... Понятное дѣло только, что они все это говорятъ, чтобы срамить тебя. Вонъ вчера и Суслиха въ мелочной лавкѣ...

— Брось, Сонька, оставь...—съ неудовольствіемъ проговорила Клавдія.

Соня помолчала и продолжала:

— Да и нельзя тебя не срамить, если ты сама срамишься.

— Тебѣ сказано, чтобы ты оставила! Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, если я васъ всѣхъ пою и кормлю! Безъ меня вы что? Вы погибли-бы съ тятенькой,—закончила Клавдія и умолкла.

XI.

Часы пробили четыре. Охотники все еще не возвращались. «Милліонеръ» Перешеевъ проснулся, сидѣлъ на лавкѣ, почесывался, кашлялъ, чихалъ, кряхтѣлъ, зѣвалъ, говорилъ Клавдіи и Сонѣ, что у него болитъ голова, и просилъ указать, гдѣ продовольственный складъ, привезенный Швырковымъ, чтобы пропустить рюмочку и опохмелиться, но ему вина не давали.

— Вѣдь опять напьетесь, а что хорошаго?—говорила ему Клавдія. — Лучше-же товарищей подождать вамъ, когда они вернутся. Подите-ка, вонъ на крыльцо да умойтесь хорошенько холодненькой водицей, и голова не будетъ болѣть.

— Ну, вотъ... Съ какой стати мнѣ умываться! Я чистый...—продолжалъ кряхтѣть Перешеевъ.

— Тутъ не въ чистотѣ дѣло, а чтобы освѣжиться.

— Рюмка-то лучше освѣжитъ, а мнѣ только единую, больше и не надо. Дайте, кралечка писанная, рюмочку...

— Нѣтъ, нѣтъ. Водки до прихода Кондратія Захарыча я вамъ не дамъ. И скажите пожалуйста, для чего вы ѣздите сюда, если на охоту не ходите? Вѣдь напиться-то и спать и въ Петербургѣ у себя дома можно,—задала Клавдія вопросъ Перешееву.

— Да что-жъ подѣлаешь, если онъ зоветъ! Швырковъ, то-есть. «Поѣдемъ, говоритъ, за компанію». Ужъ такой онъ человѣкъ, что не можетъ быть безъ компаніи. А я человѣкъ свободный, теперь безъ дѣла.

— Какъ? Такъ-таки вы ничѣмъ не занимаетесь?

— Былъ конь да изъѣздился, а теперь всѣ мои дѣла въ конкурсномъ управленіи, и Швырковъ кураторомъ отъ коммерческаго суда назначенъ,—отвѣчалъ Перешеевъ.

— Ничего я этого не знаю и не понимаю. Напрасно говорите,—махнула рукой Клавдія и спросила:—Вы что-же, женатый человѣкъ, есть у васъ дѣти?

— Дѣтей нѣтъ, а женатъ былъ два раза, но вторая жена сбѣжала и живетъ по отдѣльному виду.

— Должно быть, ужъ вы хороши, коли жена отъ васъ сбѣжала.

— Я смирный... Я мухи не обижу...—проговорилъ Перешеевъ, осклабился, почесалъ красный носъ и прибавилъ:—А водочки-то, красавица, вы мнѣ, все-таки, дайте.

— И не просите. Ни за что не дамъ. Вотъ чай сейчасъ мы пить будемъ, такъ пейте чай съ нами. Чай отлично протрезвляетъ.

— Позвольте... Да мнѣ протрезвленія и не надо.

А мнѣ нужно, чтобы въ голову ударило—ну, я поправлюсь и развеселюсь. А трезвый я мраченъ и мнѣ все такія мысли въ голову лѣзутъ, что вотъ взять веревку и гдѣ-нибудь повѣситься.

Клавдія закрыла лицо руками и воскликнула:

— Охъ, что вы это говорите! Страсти какія! Уходите, уходите куда-нибудь.

— Вѣрно, умница. Я правильно говорю. Вотъ какой я человѣкъ! И Швырковъ это знаетъ и всегда мнѣ даетъ похмелиться.

— Ну, онъ и дастъ вамъ, когда вернется, а мы не дадимъ.

— Позвольте-съ... Да вѣдь я его виночерпій. Если на мнѣ такой чинъ...

— Вы куда это?—крикнула ему вслѣдъ Клавдія.—нашивая на юбку кружево, и приказала Сонѣ ставить самоваръ.

Перешеевъ умолкъ и продолжалъ кряхтѣть, тяжело вздыхая по временамъ и держась за бока, какъ-бы ощущая въ нихъ боль. Наконецъ, онъ закурилъ папироску и нервной походкой алкоголика вышелъ изъ избы.

— Вы куда это?—крикнула ему вслѣдъ Клавдія.— Вы смотрите, не подвѣсьтесь у насъ подъ навѣсомъ. А то хлопотъ надѣлаете.

Но Перешеевъ ничего не отвѣчалъ.

— Вотъ оно вино-то до чего доводитъ!—съ соболѣзнованіемъ вздохнула Соня.—Спаси Господи и помилуй всякаго! Я вотъ всегда за нашего тятеньку боюсь. Какъ-бы съ нимъ чего не случилось. Помнишь, вѣдь разъ хмельной бросился онъ въ рѣчку,—обратилась она къ сестрѣ.

Черезъ четверть часа сестры сидѣли за самоваромъ.

Клавдія продолжала нашивать кружева. Заскрипѣло крыльцо и по ступенямъ кто-то стучалъ сапогами.

— Вонъ онъ... Не подвѣсился... Обратно идетъ...— сказала Клавдія и улыбнулась.

Но это былъ не Перешеевъ. Это былъ заводскій приказчикъ Ананій Трифоновъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ, держалъ въ рукахъ картузъ и бумажный тюрикъ и кланялся.

— Чай да сахаръ, умницы... Клавдіи Феклистовнѣ особенное почтеніе. Все-ли въ добромъ здоровьѣ изволите быть?—спрашивалъ онъ.

Клавдія сморщилась и отвѣчала:

— А вамъ какое дѣло?

Приказчикъ улыбнулся.

— Вижу, что сегодня Клавдія Феклистовна на работу не изволили выдти, ну, я, какъ начальство и счелъ долгомъ...—проговорилъ онъ.

— Это вы-то начальство?—засмѣялась Клавдія.— Не считаю я васъ своимъ начальствомъ.

— А то какъ-же-съ? Я приказчикъ, поставленъ на заводѣ старшимъ надъ рабочими.

— Я порядовщица... Я на задѣльной платѣ—хочу работаю, хочу не работаю, и вовсе вамъ до меня дѣла нѣтъ. Да-съ... Такъ вы и знайте. Вы зачѣмъ-же собственно пришли-то?

— Единственно ради того руководства, чтобъ навѣстить васъ и узнать о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ, Клавдія Феклистовна.

— Напрасно безпокоились. Это совсѣмъ даже не подходитъ и довольно странно.

Приказчикъ переминался съ ноги на ногу и спросилъ:

— Присѣсть можно?

— Садитесь, коли пришли. Не могу-же я васъ гнать,—отвѣчала Клавдія.

— Позвольте прежде угощеніе сдѣлать. Я съ гостинцемъ пришелъ.

Приказчикъ положилъ на столъ тюрикъ.

— Что это такое?—кивнула Клавдія на тюрикъ.

— Вашъ любимый фруктъ-съ... Подсолнухи...

— Онъ мой любимый фруктъ только тогда, когда я его на свои покупаю. А если ужъ хотите преподносить угощеніе, то могли-бы принести что-нибудь получше.

— И еще есть-съ... Карамель... Къ чаю отлично.

Приказчикъ вынулъ изъ кармана маленькую жестяную коробочку и положилъ ее тоже на столъ.

— И это угощеніе только на пятіалтынный!—воскликнула Клавдія.

— Теплая душа моя вамъ въ придачу, Клавдія Феклистовна. Душа и сердце.

Приказчикъ почесалъ лысину, потеребилъ клинистую свою бородку и сѣлъ къ столу.

— Не надо мнѣ ни вашей души, ни вашего сердца. Изъ нихъ шубы себѣ не сошьешь,—сурово сказала Клавдія и прибавила, обратясь къ сестрѣ:—Принеси сюда, Соня, еще чашку и налей ему чаю.

— Благодарю покорно, Клавдія Феклистовна,—проговорилъ приказчикъ, и когда Софья скрылась въ другой комнатѣ, протянулъ къ Клавдіи руку, осклабился въ улыбку и восторженно прошепталъ:—Бутонъ! Изсушили вы меня, душистый бутонъ!

Клавдія ударила его по рукѣ и сердито произнесла:

— А вотъ за это не только что чаемъ поить, а и совсѣмъ вонъ выгоню! Прошу вашихъ рукъ не распространять.

Приказчикъ опѣшилъ и умолкъ, Соня вернулась съ чайной чашкой и налила ему чаю. Клавдія покосилась на приказчика и сказала:

— Пейте-ка, въ самомъ дѣлѣ, скорѣй чай, да уходите, куда знаете. Нечего вамъ здѣсь дѣлать.

— Сейчасъ уйду, Клавдія Феклистовна. Не извольте только сердиться.

Приказчикъ налилъ чай на блюдечко, торопился его пить и жегся. Наконецъ, онъ опрокинулъ чашку на блюдечко кверху дномъ и произнесъ:

— Удивляюсь, за что такая жестскость съ вашей стороны! Я къ вамъ всей душой и даже, можно сказать больше...

— Просто не желаю съ вами знаться и прошу къ намъ не ходить,—отчеканила Клавдія.

— Удивительно, за что такая неучтивость... А между тѣмъ, вы изволили замѣтить, что при пріемкѣ отъ васъ кирпича-сырца я даже и полусотни у васъ никогда не забраковалъ.

— Такъ и надо, потому что брака у меня никогда нѣтъ.

— Ну, какъ не быть браку! И, наконецъ, могу вамъ вотъ что сказать: при пріемкѣ отъ васъ сырца, я могу такое руководство содержать, что даже припишу въ вашу пользу тысячу-другую, только-бы вы были къ намъ ласковы.

— Да ужъ слышала, слышала!—возвысила голосъ Клавдія.

— А за двѣ-три тысячи лишняго кирпича вамъ изъ конторы получить никогда не лишнее.

— Боже мой, какъ вы мнѣ надоѣли! — закричала Клавдія, вскакивая изъ-за стола.—Уходите вонъ сейчасъ. Пожалуйста уходите.

— Если желаете — извольте. Прощенья просимъ, Клавдія Феклистовна.

Приказчикъ тяжело вздохнулъ, хлопнулъ себя картузомъ по бедру и удалился.

— Каковъ!—воскликнула Клавдія послѣ ухода приказчика.—Ну, ужъ на этого Анашку я нажалуюсь Флегонту Иванычу. Пусть онъ его хорошенько проберетъ. Браку при пріемкѣ онъ у меня никогда не дѣлаетъ... Ахъ, онъ свиное рыло! Ахъ, онъ козлиная борода! Да какъ онъ смѣетъ у меня что-нибудь браковать!

И Клавдія долго не унималась, расточая брань по адресу приказчика.

XIII.

Вечеромъ въ избѣ Феклиста Герасимова Собакина опять былъ пиръ. Охотники охотились до сумерекъ, принесли какія-то три птицы и велѣли ихъ ощипать и изжарить. Поваромъ взялся быть Перешеевъ, вытрезвившійся въ отсутствіе Швыркова и Шнеля. Его опохмелили стаканчикомъ, подвязали ему передникъ, на голову надѣли колпакъ, сдѣланный изъ носового платка, и заставили стряпать. Кромѣ птицъ, жарили грибы, принесенные охотниками изъ лѣса. Съ восьми часовъ вечера охотники выставили на столъ холодныя закуски и водку и въ ожиданіи жаркого и грибовъ все прикладывались къ рюмочкѣ и жевали соленья. Перешеевъ умолялъ, чтобъ ему поднесли второй стаканчикъ, но ему объявили, что пока жаркое и грибы не будутъ готовы, ни водки, ни вина онъ не получилъ. Феклистъ и Клавдія присутствовали тутъ-же. Феклистъ былъ пьянъ, не садился, курилъ господскіе окурки папиросъ и разсказывалъ о какой-то удивительной собакѣ, которая сама у дверей въ колокольчикъ звонилась, водку пила и очень обожала соленые

огурцы и кислую капусту. Клавдія и на этотъ разъ вина не пила, не взирая на всѣ увѣщеванія Швыркова, и говорила ему тихо:

— Надо заслужить прежде съ вашей стороны. Вы прежде заслужите, а потомъ и просите, чтобъ съ вами пили. Вотъ въ слѣдующій разъ обѣщанный бѣличій мѣхъ привезите, тогда и другой разговоръ будетъ.

— Да вѣдь ужъ это дѣло рѣшенное, что я привезу. Вѣдь я обѣщалъ,—отвѣчалъ Швырковъ.

— Рѣшенное да неисполненное. А вы прежде привезите.

За столъ она, впрочемъ, сѣла, когда поспѣли жаркое и грибы, и стала ихъ ѣсть, но вдругъ въ окошко съ улицы раздался стукъ.

— Боже мой! Неужели опять учитель?—подумала Клавдія, но изъ-за стола не поднялась.

Стукъ повторился. Барабанили по стеклу. Клавдія подозвала сестру и сказала:

— Соня, выйди на улицу. Посмотри, кто стучитъ.

Соня вышла изъ избы и черезъ минуту вернулась.

— Флегонтъ Ивановичъ стучитъ, — шепнула она Клавдіи.—Проситъ, чтобы ты къ нему вышла.

«Вотъ наказаніе-то!» мысленно проговорила Клавдія и, вставъ изъ-за стола, незамѣтно вышла на улицу.

— Что за пиръ у васъ?—бросился къ ней Флегонтъ Ивановичъ. — Эѳіопскія морды какія-то за столомъ сидятъ.

— Охотники къ тятенькѣ пріѣхали. Они съ утра здѣсь. Не могу-же я ихъ гнать,—отвѣтила Клавдія.

— Ахъ, Клавдюша, Клавдюша! А говорила еще, что одного меня будешь любить!

— Да я и люблю тебя одного.

— Такъ зачѣмъ-же ты рядомъ съ этимъ Іудой-то си-

дишь? Я въ окно видѣлъ даже, какъ онъ тебя по спинѣ хлопалъ, а ты ему улыбки разныя...

— Ну, ужъ улыбокъ-то ты не видалъ. Врешь.

— А я было къ тебѣ разлетѣлся. Можно?—задалъ вопросъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Нельзя сегодня. Они всѣ трое ночевать останутся.

— Даже ночевать! Тьфу ты пропасть! Ты, Клавдюша, себя соблюдай пожалуйста.

— Ну, къ троимъ приревновалъ! Вотъ дуракъ-то! Вѣдь ихъ трое.

— Да мало-ли что трое! Ну, что-жъ мнѣ теперь дѣлать? Я ночь не засну.

— Ахъ дуракъ! Вотъ дуракъ.

— Да что дуракъ! Съ сердцемъ-то ничего не подѣлаешь. Нельзя-ли, Клавдюша, мнѣ къ тебѣ въ твою комнату въ окошко сейчасъ влѣзть? Вѣдь они не въ твоей комнатѣ сидятъ.

— Выдумывай еще что-нибудь! Ну, ступай и спи спокойно. Завтра утромъ увидимся. Завтра утромъ я выйду на работу,—сказала ему Клавдія.

— Да вѣдь до утра-то сколько ждать! Пусти меня, Клавдюша, въ окошко, да и запри въ своей комнатѣ. Я буду смирно сидѣть,—упрашивалъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Уходи, уходи. Вѣдь ты просишь невозможнаго.

— Ахъ, Клавдюша! А я въ лодкѣ пріѣхалъ и три бревна и шесть досокъ вамъ на поправку избы привезъ: двѣ двухдюймовыя и четыре дюймовыя.

— За это спасибо. Умница, паинька... И я тебя даже сейчасъ поцѣлую. А только уходи, голубчикъ. Уходи и не путайся здѣсь подъ окнами.

Клавдія взяла Флегонта Ивановича за руку, притянула его къ себѣ, обняла другой рукой и поцѣловала

— Какъ-же съ лѣсомъ-то? Вѣдь его надо убрать съ рѣки. Онъ съ нашими мѣтками, сказалъ—тотъ.

— Тятенька-то у насъ сейчасъ пьянъ. Ну, да онъ раннимъ утромъ уберетъ. Онъ рано встаетъ. Ему съ охотниками завтра утромъ на охоту идти. Не безпокойся, уберемъ. Ну, прощай! Спасибо тебѣ. Уходи.

Флегонтъ Ивановичъ взялъ Клавдію за руку и тяжело вздохнулъ.

— Страдалецъ я! Цѣлую ночь страдать...—проговорилъ онъ, досадливо перевернулъ фуражку со лба на затылокъ и зашагалъ по улицѣ.

Клавдія вернулась въ избу. Швырковъ и Перешеевъ были уже пьяны. Перешеевъ лежалъ внизъ лицомъ на лавкѣ. Швырковъ клевалъ носомъ. Шнель былъ трезвъ и слушалъ разсказъ Феклиста, какъ разъ ему попалась въ капканъ лисица, перегрызла свою заднюю ногу, которую ей придавило капканомъ, оставила ее и убѣжала.

— На утро прихожу смотрѣть—глядь: одна задняя нога въ капканѣ,—повѣствовалъ коснѣющимъ языкомъ Феклистъ.—Одна нога.

Клавдія посидѣла минутъ пять съ компаніей и сказала:

— Ну, мнѣ завтра въ шесть часовъ утра на заводъ на работу, такъ я спать пойду. Поклонъ честной компаніи.

Она поклонилась въ поясъ и направилась къ себѣ въ комнату.

— Стой! Стой! Клавдюшка, стой! Куда ты шкура?— остановилъ ее отецъ.—Прежде всего надо господамъ охотникамъ постели постлать.

— И безъ меня постелете. Вонъ Соня все сдѣлаетъ,—отвѣчала Клавдія.

— Ахъ, лѣнивая тварь! Какъ ты смѣешь господъ не

уважать? Господа мои благодѣтели, а ты ихъ не уважаешь и не предпочитаешь! Давай сейчасъ простыни имъ.

— Мнѣ простыни не надо. У меня своя есть,—заявилъ Шнель.

— Тогда давай Кондратью Захарычу.

— Простыню возьмите, отвѣчала уже изъ своей комнаты Клавдія и черезъ минуту протянула ее въ щель двери, но простыни никто не бралъ.

Соня разстилала войлоки на лавкѣ, а Феклистъ разсказывалъ компаніи, какъ онъ руками поймалъ зайца, запутавшагося въ картофельной ботвѣ.

— Да возьмите-же простыню-то!—раздраженно закричала Клавдія.

Къ двери подскочилъ Шнель и взялъ простыню, но прочь не отошелъ.

— Клавдія Феклистовна, можно къ вамъ на четверть часика?—тихо спрашивалъ онъ.—Я только пока всѣ улягутся, а то ужъ очень противно съ пьяными сидѣть.

— Нѣтъ, нѣтъ. Нельзя,—откликнулась Клавдія.

— Только на десять минутъ.

— Ни на полъ-минуты.

— Жалко. А я, кромѣ того, хотѣлъ сказать вамъ пару чувствительныхъ словъ.

— Не желаю слушать.

— Какая вы жестокая!

— А ужъ какая есть. Ну, уходите, уходите... Я спать ложусь.

— Я васъ хотѣлъ спросить, кромѣ того, насчетъ подарочка, который хочу вамъ сдѣлать.

— Послушайте... Да зачѣмъ вы въ щель-то смотрите. Вѣдь я раздѣваюсь. Я тятеньку крикну.

— Ну, ухожу, ухожу... Прощайте, мой ангелочекъ. Пріятныхъ сновидѣній.

Клавдія не отвѣчала и загасила у себя въ комнатѣ лампу.

Черезъ полчаса въ избѣ всѣ спали, кромѣ Сони. Она возилась около стола и прибирала посуду.

XIV.

Было около семи часовъ утра. Утро было туманное. Солнце свѣтило какъ сквозь молоко сильно разбавленное водой. Трава была мокрая, доски на кирпичномъ заводѣ, на которыя порядовщицы складывали только что сейчасъ сдѣланный кирпичъ, были также влажныя. Туманъ садился сыростью и на одежду порядовщицъ. Вотъ у Клавдіи ситцевый головной платокъ совсѣмъ сдѣлался мокръ, а она едва полчаса работаетъ. Быстро мелькаютъ ея полныя руки въ рукавахъ, засученныхъ по локоть. Руки эти опускаются къ кучѣ полужидкой глины, отнимаютъ отъ нея кусокъ, поднимаютъ на столъ къ формѣ, кладутъ ее въ форму, притискиваютъ крышкой и наконецъ выкладываютъ изъ формы кирпичъ на доску или полку, какъ ихъ принято называть на заводѣ. Выкладывается кирпичемъ-сырцомъ первая полка, за ней вторая, за второй третья и т. д. Движенія Клавдіи автоматичны. Лишь изрѣдка поправитъ она платокъ, съѣхавшій на лобъ при наклоненіи туловища, лишь изрѣдка она поддернетъ линючую ситцевую юбку, складкой приподнятую у таліи завязками грубаго холстиннаго передника. Клавдія работаетъ на заводѣ у своего стола одна. Около нея почти нѣтъ столовъ другихъ порядовщицъ. Другія порядовщицы работаютъ на довольно большомъ

разстояніи. Клавдія на заводѣ почти ни съ кѣмъ изъ женщинъ не сходится. Да и товарки по заводу не расположены къ ней. Онѣ завидуютъ ея красотѣ, ея нарядамъ, въ которыхъ она показывается въ праздникъ въ церкви, ея вліянію на заводѣ на приказчика, на хозяйскаго племянника, которые преклоняются передъ ней. Да и всѣ мужчины на заводѣ какъ-то почтительно осклабляются, когда Клавдія проходитъ мимо ихъ. Лишь только стоитъ ей показаться, какъ вѣчная ругань, царящая среди рабочихъ, умолкаетъ, крѣпкія слова не произносятся и въ догонку ей доносятся только восклицанія восторга, въ родѣ: «эка миндалина-то! А и краля-же писанная, быкъ ее заклюй!» и т. п. Женщины на заводѣ сначала даже заискивали у Клавдіи всячески, но когда изъ этого ничего не вышло и Клавдія ни съ кѣмъ не сошлась, всѣ онѣ встали передъ ней на враждебную ногу.

Клавдія, какъ и другія женщины, работаетъ босая. Сапоги висятъ тутъ-же, привѣшенные къ столу, а сама она скользитъ и топчется голыми ногами по то и дѣло падающей со стола, въ видѣ остатковъ, топкой глинѣ. Около ея стола, деревянное ведро съ водой и ящичекъ съ мелкимъ бѣлымъ пескомъ, которымъ она присыпаетъ и руку, и форму. Клавдія разстилаетъ ряды изготовленнаго кирпича и мурлыкаетъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсню. По временамъ, выложивъ полку кирпичемъ, она останавливается, потягивается, распрямляетъ свои члены и опять принимается за работу. Работа кипитъ.

Вдругъ Клавдія увидѣла вдали хозяйскаго племянника. Флегонтъ Ивановичъ бѣжалъ по направленію къ ней, лавируя между шалашами-сушильнями, перепрыгивая черезъ лежавшія на землѣ полки съ кирпичемъ-сырцомъ, почти не отвѣчая на поклоны работающихъ

у столовъ порядовщицъ. Къ Клавдіи онъ подбѣжалъ, совсѣмъ запыхавшись.

— Здравствуй,—сказалъ онъ, останавливаясь и обдергивая бѣлую русскую рубашку съ вышитымъ цвѣтной бумагой подоломъ и косымъ воротомъ.—Слава Богу, что сдержала слово и вышла сегодня на работу.

— А когда-жъ я лукавила? Какая мнѣ корысть лукавить?—спросила она и заговорила:—Не подходите близко ко мнѣ, не подходите. И такъ на меня всѣ порядовщицы, какъ воронье, уставились и смотрятъ.

— Ну, хорошо, хорошо. А что охотники?—задалъ онъ вопросъ.

— Да чему-же быть-то?—пробормотала она, не оставляя своего дѣла.—Вчера пьяные напились, а сегодня, когда я ушла на работу, еще спали.

Онъ сѣлъ на лежавшія передъ столомъ Клавдіи три бревна, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Ахъ, Клавдинька, Клавдинька! А какъ я черезъ это самое плохо спалъ-то!

— Что-то не похоже,—отвѣчала она.—Глаза заспанные.

—А это оттого, что я сегодня не умывался. Не успѣлъ. Проспалъ... Подъ утро, разумѣется, заснулъ, проснулся и первая мысль о тебѣ. Сейчасъ сюда.

— Все ревновалъ?

— Да какъ-же не ревновать-то! Про тебя какіе слухи ходятъ!

— А ты вѣрь больше. Будешь вѣрить всему, такъ выйдетъ съ тобой то, что съ учителемъ вышло.

— А что съ нимъ вышло?

— Да свихнулся. По моему, его на цѣпь сажать надо. Онъ вчера приходилъ ко мнѣ днемъ, такъ я не знала.

что и подумать. Глаза по ложкѣ и говорить не можетъ. Задыхается. Насилу выпроводила его.

— Ну, влюбленъ, значитъ. Такъ какъ-же мнѣ не ревновать-то?—грустно сказалъ Флегонтъ Ивановичъ, подумалъ немного и спросилъ:—А что, Клавдюша, еслибы я твоему отцу сталъ платить восемь рублей въ мѣсяцъ, какъ будто за собакъ, тѣ-же восемь рублей, что охотники платятъ, пересталъ-бы твой отецъ принимать къ себѣ охотниковъ?

Клавдія улыбнулась, но на вопросъ не отвѣчала.

— Ты къ охотникамъ не ревнуй, а ревнуй къ другому,—сказала она.—Вотъ вашего приказчика я совѣтовала-бы тебѣ сократить, а то онъ очень ужъ ко мнѣ подлѣзаетъ.

— Нашъ Ананій? Да что ты!

— Вѣрно, вѣрно. Предлагаетъ мошенничать съ нимъ насчетъ кирпича и ужъ прямо говоритъ, чтобы я его полюбила.

— Вотъ мерзавецъ-то! Сегодня-же обуздаю его. Я знаю, что я ему сдѣлаю, я ему такую свинью подпущу, что онъ во вѣкъ не забудетъ.

— Пожалуйста,—продолжала Клавдія.—Да и помощнику-то его тоже нашлепку.

— Какъ? И тотъ!—вспылилъ Флегонтъ Ивановичъ.

— Проходу не даетъ. Тутъ какъ-то въ сѣняхъ конторы такъ облапилъ меня, что просто срамъ. Ну, конечно, я его кулакомъ по зубамъ. А все-таки.

— И его обуздаю. Непремѣнно обуздаю.

— Ну, то-то. А насчетъ охотниковъ брось ревновать. Ну, что они? Пьяные люди и больше ничего,—закончила Клавдія.

— Даже я сейчасъ пойду въ контору и примусь за Анашку,—сказалъ Флегонтъ Ивановичъ и поднялся съ

бревенъ.—Напьюсь чаю дома... Я еще чаю не пилъ. Напьюсь чаю и сейчасъ за Анашку... Я его, подлеца, оштрафовать могу,—прибавилъ онъ и спросилъ:—А сегодня къ тебѣ вечеромъ можно?

— Конечно-же можно. Да перетащи еще два бревна.

— Бревна-то у насъ мѣченныя. Ну, да хорошо.

— И медку, голубчикъ, сотоваго баночку. Вѣдь у васъ его много.

— Много-то много, да ключи-то отъ кладовой у тетки припрятаны. Ну, да ладно, какъ нибудь.

Флегонтъ остановился и почесалъ затылокъ подъ фуражкой.

— Вѣдь вотъ бревна-то я вчера перетащилъ къ вамъ черезъ Анашкина помощника, такъ какъ его ругать-то за тебя будешь?—сказалъ онъ.—И сегодня, если будемъ переправлять къ вамъ бревна, тоже черезъ него.

Флегонтъ Ивановичъ медленно сталъ отходить отъ Клавдіи.

— Прощайте! Жду вечеромъ!—проговорила та ему вслѣдъ.

XV.

Дня черезъ три Клавдія опять работала на заводѣ. Была суббота, день разсчета. Разсчетъ начали производить часовъ съ пяти вечера. У избы въ три окна съ вывѣской «контора» толпились рабочіе съ разсчетными книжками въ рукахъ. Были тутъ мужчины и женщины. Одни входили въ контору, другіе выходили изъ нея. Нѣкоторые изъ рабочихъ выходили изъ конторы, держа книжку и деньги, въ какомъ-то недоумѣніи или, лучше сказать, отупѣніи, останавливаясь, шептали что-то, счи-

тали по пальцамъ, считали деньги, заглядывали въ книжку и все-таки ничего не понимали. Каждый безграмотный считалъ себя обсчитаннымъ. Одинъ мужикъ въ пестрятинной рубахѣ и розовыхъ ситцевыхъ штанахъ, босой и съ головой, обвязанной тряпицей, сѣлъ на дворѣ конторы на землю, наломалъ прутиковъ и сталъ ихъ раскладывать по подолу рубахи, стараясь хоть этимъ путемъ постигнуть правильность произведеннаго ему денежнаго разсчета, но правильно все-таки не выходило. Явились толкователи. Это были, по большей части, молодые грамотные парни, но считавшіе себя обсчитанными, и имъ не вѣрили.

Клавдіи тоже нужно было получить за работу нѣсколькихъ тысячъ кирпичей, и она пришла къ конторѣ. Она уже протискалась въ сѣни, но тамъ носъ съ носомъ столкнулась съ приказчикомъ Ананіемъ Трифоновымъ. Тотъ, даже не поклонившись ей, сказалъ:

— Какъ хочешь, а полторы тысячи того сырца, по которому собака бѣгала, я отъ тебя принять не могу. Собака его попортила. Не приму.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—гордо вскинула голову Клавдія.

— Посмотримъ или поглядимъ, а принять не могу. Собакой потоптанъ. Я такъ и хозяину сказалъ. Да-съ... Кромѣ того, на тебя будетъ штрафъ въ рубль серебра.

— Штрафъ? Вотъ это новость! Посмотримъ. За что-же это штрафъ-то, если я на задѣлѣ?

—А за неправильныя хожденія на работу—вотъ за что. Да-съ... Ужъ коли мы тебя приняли на заводъ, то обязана ходить правильно, а не слоновъ водить по понедѣльникамъ. А то день придешь, другой не придешь, а намъ черезъ это убытокъ. Кирпичъ-то, знаешь, нынче въ какой цѣнѣ? Да главное, что онъ нарасхватъ. Ты не

придешь на работу—твой столъ стоитъ порожнемъ, а на немъ-бы могла работать правильная порядовщица. Да-съ...

Съ Клавдіей шли двѣ порядовщицы—блондинка Малаша и Перепетуя. Слыша этотъ разговоръ, онѣ тотчасъ-же откликнулись.

— Правильно, Ананій Трифонычъ, правильно... Такъ ее и надо...—сказала Малаша.

— Ну, что ей рубль штрафа!—возразила Перепетуя.—Рубль штрафа заплатитъ, а пятерку съ охотника возьмемъ.

— Молчите, вѣдьмы!—огрызнулась Клавдія, пропустила ихъ въ контору и сказала приказчику:

— Ахъ, ты подлецъ, подлецъ! По настоящему въ мочалку твою слѣдовало-бы тебѣ наплевать, да слюней на тебя, мерзавца, жаль.

Ананій Трифоновъ подмигнулъ ей и произнесъ:

— Кабы вы для насъ были, то и мы для васъ были-бы, а то ты нами гнушаться вздумала, да еще хозяйскому племяннику нажалилась.

— Не только хозяйскому племяннику, а даже самому хозяину сейчасъ скажу, только посмѣй кирпичъ не принять или про штрафъ заикнуться.

— А что-жъ? Жалься и самому хозяину. Про что ты жалиться будешь? Про то, что я тебя щипнулъ два-три раза, такъ что-жъ изъ этого? Здѣсь у насъ кирпичный заводъ, а не монастырь. Ты про меня жалиться будешь, а я хозяину про его племянника разскажу. Все разскажу... Какъ онъ къ тебѣ ходитъ чаи распивать, какъ онъ по ночамъ къ тебѣ бревна и доски перетаскивалъ. Все, все...

Когда Клавдія услыхала такую угрозу, ей пришлось смириться. Она умолкла и принялась за хитрость.

— Да чего ты хочешь отъ меня, я не понимаю,— сказала она приказчику.—Хочешь, чтобъ я тебя чаемъ угостила? Ну, приходи завтра. Завтра воскресенье, ну и приходи. Только приходи днемъ, а не вечеромъ. Вечеромъ можешь съ Флегонтомъ Иванычемъ столкнуться.

— Ага! Угомонилась? Ну, то-то...—подмигнулъ Ананій Трифоновъ.—А что ежели насчетъ лѣсу, то приказчикъ всегда тебѣ лѣсу больше дать можетъ, чѣмъ хозяйскій племянникъ. Гвоздь, пакля, стекла—это все у насъ. Эдакая вѣдь шаршавая!—прибавилъ онъ, улыбнувшись, и ужъ ласково хлопнулъ Клавдію по спинѣ.—Иди, иди, хозяинъ безъ вычета разсчитаетъ,—кивнулъ онъ на дверь конторы.

Клавдія получила ужъ разсчетъ и выходила изъ конторы, какъ вдругъ натолкнулась на своего братишку, Панкратку. Тотъ былъ безъ шапки, запыхавшись, держалъ въ рукѣ письмо и говорилъ:

— Сестрица... Весь заводъ обѣгалъ... Вездѣ тебя ищу и найти не могу. Тебѣ письмо. Вотъ возьми.

— Письмо? Отъ кого?—спросила Клавдія.

— Учитель подалъ. Играли мы давеча, мальчишки, въ бабки у пожарнаго сарая, а онъ шелъ мимо. Увидалъ меня, подзываетъ и говоритъ: «ты, говоритъ, Собакинъ?» Я, говорю, Собакинъ. «Такъ вотъ, говоритъ, передай»...

— Ну, довольно, довольно, — остановила братишку Клавдія и вырвала у него письмо.

На конвертѣ печатными буквами было надписано: «дорогой Клавдіи Феклистовнѣ». Она разорвала конвертъ и вынула оттуда письмо. Письмо было написано тоже печатными буквами. Она принялась читать. Вотъ что стояло въ письмѣ:

«Прекрасный полевой цвѣточекъ Клавдія Феклистов-

на. Косарь скосилъ уже этотъ цвѣтокъ, но Божья влага все еще поддерживаетъ его и не даетъ ему увять. Валяется онъ на распутьи, проходятъ прохожіе, поднимаютъ его, утѣшаются имъ и тотчасъ-же бросаютъ его отъ себя. Побывалъ скошенный цвѣтокъ у юноши Флегонта, побывалъ цвѣтокъ у рыжаго охотника Кондратія, побывалъ цвѣтокъ... Ну, да что тутъ. Прохожіе забавляются цвѣткомъ и бросаютъ его. А нѣтъ имъ того, чтобы спасти его, чтобы поставить его въ вазочку съ чистой водой, держать его тамъ на радость себѣ, самому цвѣтку и лицамъ, благоговѣйно любующимся красотой цвѣтка. А цвѣтокъ достоинъ участи благоухать въ вазѣ съ свѣжей водой. Нужно только, чтобъ нашелся сердечный человѣкъ, который поднялъ-бы цвѣтокъ, поставилъ его въ воду и хранилъ-бы до его естественнаго увяданія. И такой человѣкъ нашелся. Этотъ человѣкъ скромный учитель, не казистъ, можетъ быть, внѣшностью, но съ теплымъ сердцемъ и любящей душой. Этотъ учитель горитъ нетерпѣніемъ спасти душистый цвѣтокъ и предлагаетъ свою руку и свое сердце. цвѣку при условіи закрѣпить эти узы у брачнаго алтаря.

Подумайте объ этомъ предложеніи, дорогой и душистый цвѣтокъ, подумайте до завтра. Завтра послѣ обѣдни скромный учитель пришлетъ къ вамъ конвертикъ и бумажку. На бумажкѣ вы напишите карандашомъ только одно изъ этихъ словъ—да или нѣтъ, запечатайте въ конвертикъ и передайте посланному. Больше ничего.

Учитель Михаилъ Путневъ.

Письмо пишу печатными буквами потому, ибо знаю, что скоропись вы пока еще плохо разбираете».

XVI.

«Совсѣмъ полоумный», сказала сама себѣ Клавдія, прочитавъ письмо. «Сказку какую-то написалъ, словно маленькой дѣвочкѣ. Ахъ, дуракъ, дуракъ! Вѣдь вотъ и учили его разнымъ наукамъ, учителемъ сдѣлали, а онъ все дуракомъ остался. Но онъ влюбленъ въ меня, это какъ пить дать—влюбленъ, ужасти, какъ влюбленъ», думала она и улыбнулась.

Она тихо, переступая шагъ за шагомъ, плелась къ себѣ домой и мяла въ рукахъ письмо и полученную при разсчетѣ пятирублевку.

«Впрочемъ, очень можетъ быть, что оттого онъ и дуракомъ-то сдѣлался, что очень ужъ влюбленъ въ меня, оттого и ополоумѣлъ-то», разсуждала Клавдія. «Вѣдь прежде онъ такимъ не былъ. Да, не былъ. Не былъ даже и тогда, когда въ первый разъ пришелъ писать меня учить. Ужасти, что любовь эта самая дѣлаетъ!» вздохнула она. «Повѣнчаться предлагаетъ, учительшей хочетъ меня сдѣлать. Но странно. Вѣдь говорили, что у него есть жена, но только въ бѣгахъ, не живетъ съ нимъ. Должно быть, это враки, если на мнѣ жениться предлагаетъ», продолжала разсуждать Клавдія и спрятала письмо и пятирублевку за пазуху.

«А выдти за эдакаго замужъ — сама ополоумѣешь, такая-же сдѣлаешься, какъ онъ. Тоже сказки о цвѣткахъ душистыхъ начнешь разсказывать. Вѣдь онъ что? Вѣдь онъ монастырь сейчасъ въ домѣ сдѣлаетъ. Того не ѣшь, этого не пей. Мяса ни Боже мой... рыбы тоже не смѣй ѣсть. Помню я, какъ онъ у ребятишекъ рыбешку мелкую обратно въ воду выкидывалъ, которую ребятишки рѣшетами наловили. И наконецъ, выйдя за него замужъ,

не смѣй ужъ и къ тятенькѣ показываться, потому что тамъ охотники. Да нѣтъ, какой онъ мужъ!» рѣшила она. «Не пойду я за него. Хоть и лестно быть учительшей, но онъ изведетъ, совсѣмъ изведетъ, словомъ изведетъ. Какъ начнетъ о цвѣткѣ душистомъ... Нѣтъ, нѣтъ!»

Клавдія даже отмахнулась рукой.

— Кедровыхъ орѣшковъ не прикажете-ли?—раздалось надъ ея ухомъ.

Это былъ помощникъ Ананія Трифонова, Уварка— младшій приказчикъ, молодой человѣкъ. Онъ возвращался изъ мелочной лавочки, несъ въ рукахъ краюшку ситника, кусокъ вареной трески въ бумагѣ, изъ которой также выглядывали и перья луку. Предложеніе было настолько неожиданно, что Клавдія даже шарахнулась въ сторону, и когда пришла въ себя, то отвѣчала:

— Ну, тя въ болото! Вотъ испугалъ-то, корявый эдакій! Орѣшковъ!

— Отчего-же не хотите? Мы отъ чистаго сердца. Орѣшки отмѣнные. Нарочно къ завтрему дамамъ купилъ.

Клавдія ничего больше не отвѣтила и продолжала думать о предложеніи учителя.

«Да и зачѣмъ мнѣ замужъ? Мнѣ и такъ хорошо. Бѣлье у меня аховое съ прошивками и кружевцами, платьевъ много, пальто есть драповое, накидка со стеклярусомъ... Къ зимѣ будетъ мѣховое пальто... Флегонтъ Иванычъ покрышку шелковую привезетъ, а Кондратій Захарычъ мѣхъ бѣличій. Обѣщалъ... Ананій лѣсу пригонитъ и на свой счетъ плотниковъ найметъ, чтобы починить нашу избу. Дура буду, если я пойду за учителя замужъ», рѣшила она и вошла къ себѣ въ избу.

Отца не было дома. Соня сидѣла у стола и кормила Устю кашей. Клавдія взяла у нея съ рукъ ребенка и поцѣловала его.

— А вѣдь ты права, Сонька,—сказала она сестрѣ.— Учитель-то вѣдь влюбленъ въ меня и сватается ко мнѣ. Письмо прислалъ.

— Да что ты!—вскричала Соня.—Ну, и что-жъ ты?

— Само собой, не пойду. Съ какой стати за полоумнаго идти? Да мнѣ и такъ хорошо, совсѣмъ хорошо.

Поласкавъ ребенка, Клавдія передала его сестрѣ, отправилась къ себѣ въ комнату и стала зажигать передъ иконой лампадку, такъ какъ былъ канунъ праздника.

— Вотъ за Флегонта Иваныча пошла-бы замужъ!— крикнула Клавдія изъ своей комнаты.

— Вишь, что выдумала!—откликнулась Соня.—Это не по носу табакъ.

— Ничего не извѣстно. Стоитъ только хорошенько въ руки забрать.

Наступилъ вечеръ, и Клавдія какъ-то забыла о предложеніи учителя. Ночь она спала спокойно и ничего во снѣ относящатося до учителя не видѣла, но когда проснулась въ воскресенье поутру, въ головѣ ея тотчасъ-же мелькнуло:

«Сегодня учитель пришлетъ за отвѣтомъ и я должна ему написать—да или нѣтъ. Конечно, нѣтъ. Такъ и напишу ему: нѣтъ».

Клавдія нарядилась въ свое шелковое платье, на которое теперь были нашиты кружева, накинула на себя накидку со стеклярусомъ и ходила въ свою деревенскую церковь къ обѣднѣ, но учителя въ церкви не видала.

Послѣ обѣдни, часа въ два дня пришелъ къ Клавдіи приказчикъ Ананій Трифоновъ. Голова его была такъ смазана душистой помадой, что съ волосъ текло. Онъ принесъ ей въ подарокъ большую фарфоровую чашку съ надписью: «Отъ сердца другу». Клавдія поила его ко-

феемъ. Ананій Трифоновъ говорилъ о починкѣ избы и про комнату Клавдіи сказалъ:

— А вамъ для вашей свѣтлички, Клавдія Феклистовна, пришлю шпалеръ розовыхъ съ китайцами и глянцу на потолокъ. Будетъ у васъ свободное времечко въ праздникъ, заварите вы клестеру, оклеите себѣ горенку и будетъ приглядно.

Во время этихъ разговоровъ въ избу вбѣжалъ деревенскій мальчикъ и подалъ Клавдіи незапечатанный конвертъ.

— Отъ учителя,—сказалъ онъ.—Проситъ отвѣтъ.

У Клавдіи нѣсколько дрогнуло сердце, но она спокойно взяла конвертъ и вынула изъ него чистую бумажку.

— Что это за цидулка?—подозрительно спросилъ Клавдію приказчикъ.

— А я у учителя по праздникамъ писать учусь,—отвѣчала Клавдія.—Такъ вотъ онъ спрашиваетъ, можно-ли ему сейчасъ придти ко мнѣ, чтобъ учить меня. Вотъ напишу ему сейчасъ, что нѣтъ, нельзя. Карандашъ у васъ есть?—спросила она приказчика.

— Какъ не быть-съ. Присяга наша приказчицкая.

Онъ полѣзъ въ карманъ пиджака, досталъ оттуда карандашъ и подалъ ей. Клавдія развернула бумажку, присланную учителемъ, долго мусолила карандашъ и написала: «нетъ». Затѣмъ она положила бумажку въ конвертъ, заклеила его, передала мальчику и сказала:

— Вотъ... Отнеси учителю.

Утро на слѣдующій день, въ понедѣльникъ, было сѣрое и холодное. Дулъ сѣверный вѣтеръ и гналъ по небу тучи. Прогулявъ вчера по случаю праздника долго вечеромъ на деревнѣ, порядовщицы не выходили рано на работу. Когда Клавдія шла къ своему столу, то видѣла на ра-

ботѣ только одну Перепетую. Перепетуя усердно формовала кирпичъ. Клавдія подошла къ своему столу, помѣщавшемуся около навѣса-сушильни, присѣла на бревно, хотѣла снимать съ себя сапоги, взглянула на навѣсъ и пронзительно взвизгнула, закрывъ лицо руками. Подъ навѣсомъ висѣлъ учитель Михаилъ Михайловичъ Путневъ.

Онъ удавился на своемъ поясѣ, перекинутомъ черезъ доску, на которой сушились кирпичи.

СЪ БРЕДНЕМЪ.

I.

Давно уже спустились сумерки іюньской ночи и окрасили всѣ предметы въ блѣдно-сѣрый цвѣтъ. На западѣ за узенькимъ озеркомъ, очень похожимъ на рѣку, виднѣлась розовая полоса солнечнаго заката. На берегу озера, чистаго, какъ хорошо вычищенный мѣломъ серебряный подносъ, дачникъ Константинъ Павловичъ Укромновъ, снимавшій на лѣто полуразвалившуюся помѣщичью усадьбу, примыкающую дворомъ къ озеру, ловилъ рыбу. То-есть самъ онъ ничего не ловилъ, а только переносилъ желѣзное ведро съ мѣста на мѣсто, присаживался на камни и усиленно курилъ папиросы, а лакей его, шестнадцатилѣтній мальчикъ Уварка и усадебный сторожъ старикъ Калистратъ въ однѣхъ ситцевыхъ рубахахъ бродили съ бреднемъ около берега по поясъ въ водѣ. Калистратъ то и дѣло училъ Уварку и говорилъ:

— Тише, тише... и главное, не чертыхайся. Рыба неумытаго не любитъ. Никакихъ ругательныхъ словъ тоже на рыбной ловлѣ говорить нельзя. Надо тихо, благообразно и съ ласковыми словами.

— Да я что-же... Нешто я смѣю ругаться при баринѣ? Я только сказалъ: «Ахъ, чортъ! Опять щука выскочила»,—оправдывался Уварка.

— Ну, и довольно. Умытаго помянулъ—и довольно. А рыба ужасти какъ этого не любитъ. Ты что сдѣлалъ? Ты ее разбудилъ—вотъ она и сиганула черезъ бредень. Рыба теперь подошла къ берегу и спитъ, опочиваетъ до восхода солнца, а ты ее разбудилъ.

— Ну, кажется, здѣсь подъ берегомъ ничего не спитъ, потому вотъ уже съ часъ ловимъ — и все безъ пути,—добродушно сказалъ Укромновъ, высокій, толстый, съ двойнымъ подбородкомъ, среднихъ лѣтъ блондинъ съ толстыми усами, совсѣмъ закрывшими верхнюю губу.

— Какъ безъ пути? Два щуренка у насъ въ ведрѣ сидятъ, плотва, язекъ...—отвѣчалъ Калистратъ.

— А подъ вербой двухъ густерокъ поддѣли,—прибавилъ Уварка въ замасляной фуражкѣ блиномъ.—Да что я, двухъ густерокъ! Трехъ сразу.

Баринъ заглянулъ въ ведро и сталъ считать:

— Разъ, два, три, пять... Тутъ и на полъ-ухи въ ведрѣ нѣтъ,—сказалъ онъ.—Насъ вѣдь семеро за столъ садится.

— Погодите, наловимъ и на двѣ ухи. Дайте только срокъ... въ лучшемъ видѣ наловимъ,—проговорилъ Калистратъ.—Вотъ мы вернемся къ вербѣ да и пройдемъ мимо ея еще разъ. Рыба обожаетъ подъ деревьями у берега становиться. Это для нея первое удовольствіе. А луговаго берега она не любитъ.

— Отчего?

— Да около луговаго берега и чайка можетъ налетѣть, и все эдакое... Рыба понимаетъ. Выпрыгивай Уварка, выпрыгивай на берегъ, а я съ своего конца загну бредень. Что-то есть. Выпрыгивай.

Уварка рванулся къ берегу, положилъ бредень на песокъ и сталъ на него на колѣни. Калистратъ сталъ вытягивать бредень.

— Есть что?—спрашивалъ баринъ.

— Голавль запутался. Да какой голавль-то! Стойте, стойте... Тутъ и плотичка. Разъ, два, три, четыре.. Густерка... Получайте, Константинъ Павлычъ.

Укромновъ, тяжело кряхтя, нагнулся и сталъ бросать въ ведро трепещущую рыбу.

— Пожалуйте еще парочку ершиковъ. Не велички, но для навару первый сортъ,—бросилъ туда-же Калистратъ двѣ крошечныя рыбки.—Вотъ вы говорите, что полъ-ухи нѣтъ. Теперь ужъ полъ-ухи съ походцемъ. Да мы еще наловимъ. Не извольте сумнѣваться.

— Да... Но удивительно, что ни одного окуня,—сказалъ баринъ со вздохомъ.—А Еликанида Ивановна у насъ только окуней и ѣстъ. Она ни щуки, ни плотвы не любитъ.

— Дайте только срокъ, дайте срокъ. И для барыни Еликаниды Ивановны окуня изловимъ, и подъ ихъ вкусъ потрафимъ. Дайте только срокъ. Вотъ подъ вербой пройдемъ съ бреднемъ, и окунь будетъ. Окунь обожаетъ на ночь подъ деревомъ стоять.

— Если рыба любитъ подъ деревьями стоять, то отчего намъ когда-нибудь не забраться вонъ на тотъ берегъ, на ту сторону, подъ олешникъ?—кивнулъ баринъ черезъ озеро.

— Экъ, хватили! Да вѣдь тотъ берегъ господина Плюшкевича.

— Ну и что-жъ изъ этого? Мы его берегъ не откусимъ, а только пріѣдемъ къ нему на лодкѣ и пройдемся съ бреднемъ.

— У господина Плюшкевича-то? Нѣтъ, не таковскій это мужчина,—сказалъ Калистратъ.—Вы его не знаете, баринъ. Онъ сейчасъ налетитъ и умоетъ. Прямо умоетъ на полтину или на рубль. А то судиться, зачѣмъ самовольно рыбу на его берегу ловятъ. Онъ только этого и ждетъ.

— Бреденькомъ-то? Да что-жъ тутъ такое? Вѣдь это не тоню поставить,—сказалъ баринъ.

— За наметку весной и то сорветъ полтину или четвертакъ. Ужъ на что наметка! Много-ли ею выловишь? И то сорветъ. Ну, не четвертакъ, такъ пятіалтынный, а ужъ накажетъ. Вѣдь вотъ по веснѣ здѣшніе крестьяне по всему берегу въ мутную воду съ наметкой ходятъ, а на его берегъ, ахъ оставьте. Боятся... Потому налетитъ и умоетъ. А нѣтъ, сейчасъ свидѣтелей и потомъ иди къ земскому начальнику на судъ въ рабочую пору. Каково это въ рабочую-то пору!

— Неужели земскій начальникъ за такое дѣяніе къ чему-нибудь присудить можетъ?—усумнился баринъ.—Мнѣ кажется, что это пустяки.

— Вѣрно-съ. Земскій начальникъ, можетъ статься, и оправдаетъ, а онъ все-таки рабочаго человѣка накажетъ. Вызоветъ, а этотъ, смотришь, день или два и прогулялъ. Ему что? Плюшкевичу-то. Онъ человѣкъ досужій, шляющійся. Ему только и дѣла, что ищетъ, гдѣ-бы посудиться. Ну, а рабочаго человѣка отъ дѣла отобьетъ.

— Теперь-то я думаю, онъ, спитъ, — замѣтилъ Уварка:—и мы въ лучшемъ видѣ могли-бы переѣхать на ту сторону и половить на его берегу.

— Онъ спитъ?!—воскликнулъ Калистратъ.—Ну, парень, молодъ ты и ничего не знаешь. Да, конечно, гдѣ-жъ тебѣ и знать-то, если ты не здѣшній и съ господами только на лѣто пріѣхалъ. Онъ по ночамъ не спитъ, а если и спитъ, то такое слово знаетъ, что-ли, что какъ на его землѣ потрава или что-либо—сейчасъ проснется и тутъ какъ тутъ. Словно онъ заколдованный какой. Вѣдь ужъ пробовали такъ по ночамъ-то. Думаютъ, спитъ, можно, а онъ какъ привидѣніе и является, и идетъ на тебя въ бѣломъ балахонѣ. Ну, сейчасъ: подай дву-

гривенный. А если ловъ хорошій, то кромѣ двугривеннаго, и половину рыбы себѣ отберетъ.

— Я не отдалъ-бы. Какое онъ имѣетъ право?—сказалъ баринъ.

— Вы—господинъ, вы человѣкъ властный, а мужикъ, такъ онъ ужъ само-собой мужикъ, и боится его, потому онъ засудитъ. Ну, не на этомъ, такъ на другомъ на чемъ-нибудь засудитъ. Отъ него, баринъ, у насъ и урядникъ-то плачется. Право слово... Потому онъ день и ночь бродитъ, день и ночь ищетъ, чтобъ подъ кого-нибудь каверзу подпустить,—разсказывалъ Калистратъ, остановился и сталъ шептать:—Выноси, выноси, Уварка, бредень... Есть что-то... Хорошее есть.

Парень, плескаясь водой, вынесъ бредень на берегъ. Вытянулъ свой конецъ и Калистратъ. Сквозь ячейки бредня плескалась красноперая рыба.

— Константинъ Павлычъ, пожалуйте... Вотъ вамъ окунь,—сказалъ Калистратъ.—Да какой матерый окунь-то! Два, два... Другой махонькій. Вотъ теперь Еликанида Ивановна вамъ первое спасибо скажутъ, потому и на ихъ вкусъ рыба есть. А густерокъ-то махонькихъ сколько! Разъ, два, три, четыре. Вѣдь это подлещики.

— Отъ нихъ наваръ плохъ. Что онѣ? Словно доска, и радости въ нихъ никакой,—говорилъ баринъ, собирая въ ведро рыбу.

— Навару нѣтъ, это точно, но зато ихъ такъ кушать чудесно, потому безъ костей.

— И мясо у нихъ дряблое, тощее. Ѣшь и словно траву ѣшь.

— Невозможно этому быть, рыба первый сортъ. Ихъ солить можно. Я съ женой всегда себѣ на Успенскій постъ кадочку. Камнемъ пригнешь и какъ нач-

нутъ они по настоящему просаливаться, то судака не надо! Право слово... Мы съ женой обожаемъ. И въ пирогъ ситный начинка, и въ селянку—куда угодно. А ужъ чай какъ потомъ съ соленаго-то хорошо пьется!—разсказывалъ Калистратъ и крикнулъ парню:— Ну, забирай, забирай, Уварка, бредень-то скорѣй! Чего ты топчешься, какъ слѣпая въ банѣ!

II.

Выловлены еще двѣ плотички. Калистратъ вышелъ на берегъ, перебиралъ озябшими косматыми старческими ногами по песку, выжималъ воду изъ подола рубахи и говорилъ Укромнову:

— А теперь позвольте, ваша милость, старику передохнуть, погрѣться и покурить.

— Сдѣлай, братъ, одолженіе... И вотъ тебѣ даже папироска.

— Благодарствую, ваше благородіе. Тогда ужъ спичечки позвольте. А то они у меня въ одеждѣ.

Калистратъ присѣлъ на камень и закурилъ папиросу, поданную ему бариномъ вмѣстѣ со спичками. Онъ жадно затягивался табачнымъ дымомъ и, указывая на противоположный берегъ озера, повѣствовалъ:

— А на берегъ господина Плюшкевича подъ олешникъ намъ, если-бы можно было забраться, то тамъ рыбы словно каша. Тамъ вотъ ковырнулъ раза два бреднемъ— и сейчасъ тебѣ уха. Да что одна уха! Двѣ форменныя ухи выдутъ. Но нельзя къ нему забраться, потому чутокъ, муха его заклюй, сейчасъ выскочитъ. Я ужъ пробовалъ, но ничего не подѣлаешь. Выскочитъ, мужика своего по-

кличетъ, отниметъ рыбу. Ну, смотришь, и мололъ воду на воеводу. А то судиться. «Я, говоритъ, изъ-за справедливости хлопочу». Какая тутъ справедливость! Просто кляузникъ. И словно ему гвоздь въ бокъ, какъ на его берегъ съ бреднемъ пріѣдешь. Вонъ оконце-то въ усадьбѣ...—Указалъ Калистратъ.—Изъ этого оконца ему, ледащему, все видно.

— Что-же онъ самъ большой рыболовъ, что-ли?—спросилъ Укромновъ.

— Какое! Никогда не ловитъ. А просто какъ собака на сѣнѣ: самъ не ѣстъ и другому не даетъ. Вотъ отнять онъ—отниметъ, это точно. А то, если кому изъ крестьянъ дозволитъ половить, то изъ полу. То-есть половину тебѣ, а половину мнѣ отдай. И всегда самую крупную рыбу себѣ возьметъ, а мелочь оставитъ. Да и съ кѣмъ ему самому-то ловить? Одинъ у него мужикъ на все хозяйство. И вотъ ужъ праведникъ, можно сказать... Я про мужика вамъ, а не про самого Плюшкевича. Мужика Вавилой зовутъ. Работникъ на рѣдкость. И въ пяло онъ ему, и въ мяло. Все по дому. Комнаты Вавила убери, въ лавочку за хлѣбомъ на деревню Вавила сбѣгай, дровъ Вавила напили, дровъ наколи, печку затопи, обѣдъ состряпай, ночью съ трещеткой усадьбу карауль—все Вавила. Воды вѣдь тоже сколько надо натаскать изъ озера, а усадьба, сами видите, не на самомъ берегу. Дворъ подмести, дорожки въ саду отъ травы вычистить—все Вавила. Три, четыре раза въ день самоваръ надо ставить—опять Вавила. Прямо каторжный мужикъ, а служитъ.

— Не служить-то ему нельзя, потому у него за бариномъ шестьдесятъ цѣлковыхъ накопилось, а тотъ не отдаетъ,—замѣтилъ Уварка.—Я знаю Вавилу. Онъ въ лавочкѣ сказывалъ.

— Да, да... И это тоже...—подхватилъ Калистратъ.—

А ужъ платитъ онъ кому ежели—то хуже нѣтъ. Кто хоть рубль ему повѣритъ—годъ субботъ ходитъ. А самъ, коли ежели что—ему сейчасъ подай, вынь да положь, а то надъ душой стоять станетъ. Отдыха не дастъ и все точить будетъ. «Я во имя справедливости, я справедливый человѣкъ». А какая тутъ справедливость! Прямо невѣроятный человѣкъ. И такой человѣкъ, что развѣ... вотъ нехорошо говорить-то при рыбной ловлѣ... Прямо можно сказать, что только и стоитъ подарить его неумытому на кафтанъ подъ подкладку. Лавочники какъ съ него деньги получаютъ? Покосомъ. Ходитъ, ходитъ за деньгами и, наконецъ, скажетъ: «Анисимъ Христофорычъ... Да дайте мнѣ, наконецъ, какой ни-на-есть покосъ въ уплату». Ну, дастъ, а только ужъ на будущій годъ непремѣнно объегоритъ. Покосы у него всегда впередъ кому-нибудь сданы. Лавочника—ужъ на что тотъ кулакъ—и того на лѣвую ногу обдѣлаетъ. Ерыга, прямо ерыга. «Зачѣмъ, говоритъ, тебѣ деньги? Ты, говоритъ, у земскаго судиться какъ-нибудь будешь, а я тебя и защищу. Возьмешь меня въ защитники—мы и сквитаемся».

— Ахъ, такъ онъ адвокатъ?—воскликнулъ Укромновъ.

— Кляузникъ,—отвѣчалъ Калистратъ.—И по кляузамъ выше его нѣтъ. Пронюхаетъ, что гдѣ-нибудь крестьяне съ помѣщикомъ не въ ладахъ изъ-за выгона, что-ли, или изъ-за чего другого — сейчасъ къ нимъ на сходъ... «Давайте судиться съ бариномъ, а я буду защитникъ вашъ». Ну, и облапошитъ. Деньги возьметъ, начнетъ тянуть, на себя будетъ заставлять мужиковъ работать, ничего не сдѣлаетъ и ихъ-же продастъ барину. Палисадовскіе мужики какъ на него теперь плачутся! Клюквинскіе то-же самое.

Калистратъ вздохнулъ. Папироска давно уже была докурена. Онъ хлопнулъ себя по бедрамъ и произнесъ:

— Ну, гуляй дѣвушка гуляй, да дѣла своего не забывай. Надо ловить. Самый настоящій теперь часъ для рыбы. Пойдемъ къ вербѣ, Уварка. Теперича туда подъ берегъ новая рыба спать пришла,—сказалъ онъ парню и потащилъ за собой бредень.

Сзади послѣдовалъ Уварка, перетаскивая свою и Калистрата одежду и сапоги, а за Уваркой шествовалъ баринъ Константинъ Укромновъ съ ведромъ.

— А что этотъ Плюшкевичъ семейный человѣкъ?—спрашивалъ Калистрата Укромновъ.

— Вдовый. И одна только дочка вѣковуха при немъ,—отвѣчалъ старикъ.—Такая-же ягода, какъ и онъ самъ. Прямо будемъ говорить: вѣдьма.

— Что это значитъ—вѣковуха?

— А ужъ изъ такого сорта дѣвица, что надо ей отдумать, чтобъ замужъ выходить. Такіе года ей вышли. Вся въ родителя. Ищетъ, чтобы какъ-нибудь сдьяволить, прости, Господи, мое прегрѣшеніе.

— Ага! Самъ упомянулъ неумытое слово...—замѣтилъ ему Уварка.

— Да коли про этого человѣка говоришь, то невольно согрѣшишь. А только ты меня, старика, не учи. Молодъ еще... Я на ловлѣ никогда худого слова не скажу. А теперь мы пока еще не ловимъ, а только по берегу закидывать бредень идемъ,—отвѣчалъ Калистратъ и продолжалъ:—Вѣдьма-съ... форменная вѣдьма. Изсохла вся отъ злости. Какъ щепка тощая. Цѣлый день шипитъ, какъ змѣя. Вотъ теперича ягоды пошли... земляника... Усадьба у нихъ ничѣмъ не огорожена... Канавка только, а по канавкѣ ивнякъ засѣлъ. А на откосѣ канавки ягоды, земляника... простая полевая земляника... Ну, ребятишки идутъ мимо, и лестно имъ ягодъ пособрать. Присядутъ на канавкѣ и давай собирать. А она ужъ тутъ какъ тутъ. Выскочитъ на балконъ

и кричитъ сверху: «Не смѣть наши ягоды собирать! Не смѣть траву топтать! А то сейчасъ изловлю и въ чуланъ запру». А какая трава по канавѣ? И названія не стоитъ, что трава.

— Она-то у Плюшкевича и хозяйничаетъ?—поинтересовался Укромновъ.

— Да какое у него хозяйство! У него никакого хозяйства нѣтъ. Ни коровы, ни овцы. Куръ не держитъ изъ-за того, чтобы не кормить. «У бабы, говоритъ, на деревнѣ купить дешевле». Молоко для себя у бабы за покосъ выговорилъ. Собаки не держитъ, кошки не заводитъ изъ-за того, чтобы не кормить—вотъ какая жадность у человѣка. А вѣдьма его еще жаднѣе.

— А должно быть ужъ ты попадалъ къ нему въ хорошій передѣлъ, коли такъ про него разсказываешь!—замѣтилъ баринъ.

— А вы думаете, я вру про него? Истинную, сударь, правду. Дѣйствительно, хотѣлъ онъ меня засудить за рыбу, два раза хотѣлъ, да не удалось,—отвѣчалъ Калистратъ.—Однако, къ земскому пришлось прогуляться два раза, а земскій отъ насъ двадцать верстъ. Да съ вечера идти нужно было, а тамъ заночевать на постояломъ. Расходы.... Да что! Кляузникъ. Ну, заходи, Уварка, въ воду, заноси бредень. Господи благослови! — сказалъ Калистратъ парню.

Они стояли ужъ подъ большой раскидистой вербой.

III.

НАЛИМА хоть маленькаго поддѣть-бы такъ то-то уха была-бы хорошая!—сказалъ Укромновъ, когда старикъ Калистратъ и Уварка залѣзли въ воду съ бреднемъ.

Калистратъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Налимы, баринъ, на ночлегъ подъ берегъ не становятся.

— Отчего?

— Оттого, что у налима нора есть. Налимъ съ домомъ. У него въ берегѣ, гдѣ-нибудь между корнями нора—вотъ онъ тамъ и сидитъ. Самая хитрая рыба этотъ налимъ. Ой-ой-ой, какая хитрая! Ужъ на что баринъ Плюшкевичъ хитеръ! А налимъ его перехитритъ.

— А должно быть этотъ Плюшкевичъ порядкомъ тебѣ надолызъ!—замѣтилъ Укромновъ.

— Мнѣ что! А вотъ Клюквинскіе крестьяне, такъ тѣ свѣчки за него кверху ногами ставятъ, чтобы лихорадка его затрясла.

— Отчего-же онъ такъ клюквинскимъ крестьянамъ солонъ?

— Да изъ-за всего. А больше изъ-за скота.

— Какъ такъ изъ-за скота?

Калистратъ поднялъ палецъ и погрозилъ Укромнову.

— Повремените маленько разговаривать Константинъ Павлычъ,—тихо сказалъ онъ.—Кажется, щуку обошли, и матерую щуку. Тише... А то испугаете. Вылѣзай, Уварка, вылѣзай на берегъ... Довольно.

Парень выскочилъ на берегъ, придерживая одинъ конецъ бредня. Калистратъ ловко завернулъ бредень и проговорилъ:

— Готово. Если есть, подлюга, то ужъ теперь не уйдетъ.

— Тащить?—спрашиваетъ Уварка.

— Тащи.

Вытащили бредень. Въ сѣти лежала запутавшись щука фунтовъ въ шесть вѣсомъ.

— Господи Іисусе! Вотъ такъ рыбина! — удивился Уварка.

— Попалась, голубушка,—шепталъ Калистратъ.—Не вороши бредень, Уварка, не вороши. Постой... Надо ей прежде загривокъ свернуть. А то ускочетъ, какъ сѣть развертывать будемъ. Она хитра.

И Калистратъ, наступя колѣномъ на бредень, сломалъ позвоночникъ у головы рыбы.

— Щука? — спросилъ Укромновъ Калистрата, разсматривая рыбу сквозь очки.

— Она самая. Теперь не уйдетъ. Вотъ, ваша милость, у васъ не только на уху, а и на заливное будетъ. Видите, что значитъ верба! Видите, что значитъ подъ деревьями ловить! А будь Плюшкевичъ не собака на сѣнѣ, такъ мы теперь на его берегу подъ деревьями уйму-бы рыбы выловили. И мнѣ на двѣ селянки хватило-бы, не только вамъ.

— Я тебѣ дамъ, Калистратъ... Я тебѣ маленькихъ щукъ отдамъ, которыхъ раньше словили, — пообѣщалъ баринъ.

— Тутъ плотвы еще съ десятокъ есть! — вскричалъ Уварка, развертывая бредень и выбрасывая на траву большую щуку съ открытамъ зубастымъ ртомъ, уже уснувшую.—Ерши тоже есть, окунь...

— Уловъ богатый! что говорить! — любовался Калистратъ.—Еще закидывать будемъ или почивать ужъ отправляться?—спросилъ онъ барина.

— Еще-бы окуньковъ парочку для Еликаниды Ивановны. Маленькихъ щукъ, плотву я тебѣ отдамъ. Отъ плотвы уха горька. А окуньковъ парочку надо.

— Ну, пройдемъ еще разикъ-другой... вонъ тамъ къ каменьямъ-то поближе... Перетаскивай, Уварка, одежу. А я бредень понесу.

— Стали переходить на новое мѣсто.

— Такъ что-жъ ты давеча про клюквинскій скотъ-то сталъ говорить?—напомнилъ баринъ Калистрату.

— Ахъ, да... И задумалъ, изволите видѣть, этотъ Плюшкевичъ крестьянской потравой жить,—началъ Калистратъ.

— Какъ это такъ?—недоумѣвалъ баринъ.

— А чья скотина къ нему на лугъ зайдетъ, сейчасъ изловитъ ее, загонитъ и за потраву взыщетъ рубль серебра. А луга у него незагороженные. Да и сданы они у него подъ покосъ лавочнику и дворнику, что у насъ постоялый дворъ держитъ. Ну, разъ загналъ, два загналъ, три, четыре—крестьяне острастку насчетъ скота стали держать. Что-жъ, вы думаете, онъ съ своей дочкой-вѣдьмой придумывать началъ? Сталъ съ хлѣбомъ за кусты садиться. Сядетъ въ кусты да и манитъ проходящую корову или лошадь, высовываетъ ей изъ-за куста хлѣбъ съ солью. И дочка евонная также съ хлѣбомъ сидитъ. Въ одномъ кустѣ онъ, въ другомъ она. А какъ корова на хлѣбъ польстится, да на лугъ войдетъ—сейчасъ они кричатъ:—«Потрава! Свидѣтелей сюда!» Ну, загонитъ корову, а потомъ хозяева и иди ее выкупать. Да вѣдь такъ разлакомился, что не только коровъ, а куръ крестьянскихъ сталъ крупкой къ себѣ приманивать, утокъ, гусей. А съ этими ужъ безъ разговора... Какъ заманилъ—тутъ и голову долой, а завтра въ супъ. Смотришь, Личарда его вѣрный Вавила ужъ супъ ему варитъ изъ заманенной курицы... Такъ вотъ тутъ-то и завопіяли клюквинскіе крестьяне. Ну, Господи благослови! Берись, Уварка, и заноси! Здѣсь мѣсто окуневое. Авось, для барыни, Еликаниды Ивановны, окуньковъ выловимъ.

Калистратъ поплевалъ на руки, взялся за бредень и полѣзъ въ воду. Полѣзъ и Уварка, но оступился въ

водѣ въ яму, выпустилъ изъ рукъ бредень и ушелъ въ воду съ головой. Онъ тотчасъ-же вынырнулъ и закричалъ, фыркая:

— Батюшки, глубь-то тутъ какая! Какъ возможно тутъ рыбу ловить! Здѣсь совсѣмъ ловить невозможно. Да и тебѣ, дядя Калистратъ, тутъ не пройти. Тутъ яма. Лучше выходи. Надо на другое мѣсто перейти.

Они оба вышли на берегъ. Уварка стоялъ въ прилипшей къ тѣлу мокрой ситцевой рубахѣ, Калистратъ вытаскивалъ изъ воды пустой бредень и говорилъ:

— Эхъ, ты, рыбакъ! Ямы испугался! Это не яма, а омутокъ. Въ омуткѣ-то окуней и ловить.

— Нѣтъ, нѣтъ... И не подзадоривай его, Калистратъ,—сказалъ баринъ.—Въ такомъ глубокомъ мѣстѣ нечего ловить. Еще утонетъ, храни Господь. Лучше перейдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Да куда-же намъ теперь перейти-то?

Калистратъ стоялъ въ раздумьи и чесалъ затылокъ.

— Константинъ! — послышался гдѣ-то изъ-за кустовъ женскій голосъ.—Скоро вы кончите? Я безъ тебя спать не могу.

— Барыня!—воскликнулъ Уварка и сталъ обдергивать на себѣ мокрую рубаху.

— Да, она. Одѣвайтесь скорѣй...—проговорилъ Укромновъ Калистрату и Уваркѣ.—Довольно рыбу ловить. Для насъ на уху хватитъ.

— Константинъ! можно мнѣ къ вамъ?

Голосъ барыни слышался ужъ близко.

— Нельзя, душечка. Здѣсь полуголые. Повремени маленько!—закричалъ Укромновъ.—Я самъ къ тебѣ сейчасъ приду. Мы много, много рыбы наловили. Завтра можетъ быть отличная уха. И любимыхъ твоихъ окуней наловили.

Калистратъ, стоя, надѣвалъ на себя синіе нанковые штаны. Одѣвался и Уварка.

— Безъ сапогъ... Босой пойду. Все равно дома переодѣваться придется,—проговорилъ онъ.

— Приходи, Калистратъ, въ кухню къ намъ и я тебѣ отдамъ тамъ мелкихъ щукъ и плотву,—говорилъ Укромновъ.—Еликанидушка! Ты тутъ? Я иду къ тебѣ.

Онъ подхватилъ ведро съ рыбой и сталъ подниматься на берегъ.

ПРІѢХАЛИ.

I.

Кухарка Дарья, среднихъ лѣтъ женщина съ угреватымъ лицомъ, была уже давно на дачѣ и приготовлялась въ кухнѣ стряпать обѣдъ для господъ, когда пріѣхала горничная Аннушка, молодая дѣвушка съ вздернутымъ кверху носикомъ и быстрыми лукавыми глазами, очень миловидная и франтовато одѣтая. Она пріѣхала къ извозчичьей пролеткѣ.

— Безъ возовъ? А кто-же съ возами-то ѣдетъ?— встрѣтила кухарка горничную.

—А это ужъ дѣло не мое. Никогда я на возахъ не ѣздила и ѣздить не буду,—отвѣтила горничная, пощелкивая кедровые орѣхи.—Я себя совсѣмъ не такъ соблюдаю, чтобы мнѣ съ ломовиками якшаться. А вдругъ я знакомаго кавалера встрѣчу? Такъ, вѣдь, это одинъ срамъ.

— Нѣтъ, я къ тому, что, вѣдь, барыня наша хотѣла тебя съ возами отправить.

— Пусть она поблагодаритъ Бога, что я ее самое не отправила.

— Это барыню-то? Ну, ну, ну, потише.

— Я сама скоро буду барыней.

— Ну, Анютка, не сносить тебѣ головы!—развела кухарка руками.

— А куда-же она у меня съ плечъ дѣнется?

— Голова-то, пожалуй, у тебя на плечахъ останется, а что барыня протуритъ тебя съ мѣста, такъ ужъ это какъ пить дать.

— Вотъ тогда-то я и сдѣлаюсь барыней. Сейчасъ-же рядомъ съ вами мнѣ баринъ дачу найметъ. А ты тогда ступай ко мнѣ въ кухарки. Я рублемъ въ мѣсяцъ дороже дамъ.

— Что? что? Да ты никакъ съ ума сошла!—воскликнула кухарка.

— Отчего-же? И увѣряю тебя, что я супротивъ Марьи Павловны рубль прибавлю.

— Да меня хоть озолоти, такъ я тебѣ, подлюгѣ, служить не буду!—гордо отвѣтила кухарка.—Больно жирно будетъ, если такимъ сорокамъ служить.

— Прочванишься, мать моя,—спокойно проговорила горничная и, спохватясь, прибавила:—Однако, что-жъ я? Надо посмотрѣть, какая мнѣ комната будетъ.

— Да вотъ, мнѣ съ тобой комната подлѣ кухни.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я съ тобой спать не буду. Мнѣ баринъ отдѣльную комнату обѣщалъ дать, иначе я не согласна.

— Баринъ? Не знаю. А барыня мнѣ сказала, что ты будешь спать со мной.

— Чихать я хочу на барыню!

Горничная вышла изъ кухни и принялась ходить по комнатамъ дачи. Черезъ нѣсколько времени она вернулась.

—Отличная комната мнѣ есть, — сказала она. — Ты чего зубы-то скалишь? Чего ехидничаешь! Не можетъ-же горничная быть безъ комнаты, если она съ уборкой бѣлья. Гдѣ-же я бѣлье убирать буду? Гдѣ-же я бѣлье гладить буду?

Черезъ часъ пріѣхали возы съ мебелью. Извозчики начали разгружаться.

— Куда мебель-то ставить? — спрашивали они горничную.

— А ужъ это пускай сами господа вамъ указываютъ, когда пріѣдутъ, а я тутъ не при чемъ. Вотъ вамъ двугривенный отъ меня. Идите и выпейте покуда за мое здоровье. Да барынѣ не извольте говорить, что я на возу не ѣхала, если она спрашивать будетъ.

— Намъ что! Намъ какое дѣло! — махнулъ рукой одинъ извозчикъ.

— Намъ только, чтобы предоставить все въ правильности, — проговорилъ другой извозчикъ и прибавилъ: — А за угощеніе спасибо.

Оба отправились выпить.

Пріѣхала, наконецъ, извозчичья карета. На козлахъ вмѣстѣ съ извозчикомъ сидѣлъ маленькій гимназистъ. Онъ тотчасъ-же соскочилъ съ козелъ и началъ снимать изъ-подъ ногъ извозчика ящикъ съ морскими свинками. Баринъ Михаилъ Ивановичъ отворилъ дверцы и оттуда выскочили два мопса — Амишка и Мимочка, и залаяли. Баринъ выставилъ попугаячью клѣтку съ попугаемъ и крикнулъ стоявшей передъ каретой горничной:

— Принимай-же Аннушка! Чего-же ты стоишь, какъ истуканъ!

— Ну, вотъ... Ужъ и истуканъ! Я даже извозчикамъ мебель съ возовъ снимать помогала.

Горничная подскочила къ каретѣ и взяла попугаячью клѣтку.

Изъ кареты вылѣзла нянька съ ребенкомъ. Нянька осмотрѣла заросшій травой дворъ и съ неудовольствіемъ пробормотала:

— Ну, ужъ и дача! Гдѣ-же мы съ Оленькой гулять-

то будемъ? И желѣзной дороги даже нѣтъ, на которую ходить можно. То-ли дѣло въ Озеркахъ на этотъ счетъ! Тамъ одна станція чего стоитъ!

Вытащили изъ кареты три-четыре саквояжа, двѣ корзинки—одну съ часами, другую съ лампой, узелъ съ чѣмъ-то, и, наконецъ, показалась барыня Марья Павловна.

Нянька продолжала критиковать дачу:

— А гдѣ-же садъ-то при дачѣ? Это четыре-то сосны садомъ называются?

— Закаркала, закаркала ужъ! И не видала я женщины недовольнѣе нашей няньки! — воскликнула барыня.—Ты, милая, вѣдь еще и оглядѣться не успѣла, а ужъ хаешь.

— Да ужъ я вижу, что тутъ ребенку и на солнышкѣ погрѣться будетъ негдѣ.

— Возы пріѣхали? А гдѣ-же извозчики-то?—спрашивала барыня.

— А гдѣ! У извозчиковъ одно мѣсто, куда они ходятъ,—отвѣчала горничная.—А только, барыня, я вамъ прямо скажу, съ кухаркой въ одной комнатѣ мнѣ умѣститься и думать нечего. Гдѣ-же я тогда бѣлье-то убирать буду? Вѣдь вы спрашиваете, чтобъ все въ порядкѣ было.

— Опять насчетъ комнаты? Да не терзайте вы мою душу хоть сейчасъ при переѣздѣ-то.

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а тамъ даже гладильной доски не поставить! И чего вы сквалыжничаете изъ-за комнаты, я не понимаю!—не унималась горничная.— Я осмотрѣла дачу... Лишняя комната, какъ разъ, для меня есть.

— Сквалыжничаете! Какъ ты смѣешь говорить, что я сквалыжничаю! Михаилъ Иванычъ! А ты развѣсилъ уши

и слушаешь такъ, какъ будто-бы это не твое дѣло. Уйми эту наглянку.

— Анна! Если ты не замолчишь, то я... Что это такое!—слегка возвысилъ голосъ баринъ.

Горничная зашла за спину барыни и выставила ему языкъ. Извозчикъ, видѣвшій съ козелъ эту сцену, даже захохоталъ. Баринъ сконфузился, не зналъ, что сказать и убѣжалъ въ дачу.

— Ты чего смѣешься, дуракъ! Тебѣ чего смѣшно?— крикнула на извозчика барыня и стала съ нимъ разсчитываться за карету.

— Да какъ-же не смѣяться-то, барыня, коли она языкъ...

— А вотъ за то, что не умѣетъ языкъ держать на привязи, за это ей и досталось. Ну, молчи. А то я и на чай тебѣ не дамъ.

Появились ломовые извозчики.

— Съ пріѣздомъ, ваша милость...—кланялись они, снимая картузы.

— А вы чего по кабакамъ шляетесь?—встрѣтила ихъ барыня.—Гдѣ-бы мебель въ дачу вносить, а вы...

— Да мы и хотѣли для вашей чести вносить, а госпожа горничная говоритъ: господъ дожидайтесь. Пріѣдутъ и укажутъ, какъ и что...

— Дождется ужъ эта госпожа горничная, что я ее протурю за ея распоряженія. Тащите обѣденный-то столъ въ балконную комнату. Это столовая будетъ.

Барыня вошла въ дачу и прошла въ кухню. Тамъ кухарка чистила картофель.

— Ну, что, Дарьюшка, растопила плиту?—спросила ее барыня.

— Растопить-то растопила, принесъ дворникъ гнилую доску отъ забора вмѣсто дровъ. Но какая это плита,

помилуйте! Всего только въ двѣ канфорки...—плакалась кухарка.— Вотъ когда мы на дачѣ жили съ генеральшей, то тамъ плита...

— И эта недовольна дачей! И эта ноетъ!

— Да какъ-же довольной-то быть, если въ мелочной лавочкѣ даже кореньевъ къ супу нѣтъ.

Появилась горничная съ гладильной доской.

— Какъ хотите, барыня, а я гладильную доску въ ту маленькую комнату поставлю, которая около кабинета барина, потому, воля ваша, въ кухаркиной комнатѣ мнѣ гладить невозможно.

— Петенькѣ эта маленькая комната пойдетъ. Петенькѣ и подъ гостей. Тамъ два дивана поставятся.

— А баринъ ужъ позволили туда мнѣ доску поставить. Вѣдь имъ-же я сорочки-то гладить буду.

— Ахъ, вы меня извести хотите!—воскликнука барыня и схватилась за голову.

II.

Ломовики и извозчики вносили мебель въ комнаты. Кресло-качалка и нѣсколько стульевъ изъ гнутаго бука были поломаны. Оказалось, что ломовики, надѣясь на прочность этой мебели, настолько крѣпко прикрутили къ ней веревки, что даже цѣльный букъ не выдержалъ и переломился. Марья Павловна, увидавъ все это, такъ и всплеснула руками.

— Ну, скажите на милость, качалка и три стула поломаны!—воскликнула она.

— Что вы, барыня! Какой-же это поломъ! Не поломаны стулья вовсе, а просто ножки эти самыя у нихъ

изъ гнѣздъ вышли,—отвѣчали ломовики.—Винты плохи были. Теперича, ежели эти винты запусттить съ клеемъ...

— Михаилъ Иванычъ! Иди сюда... Посмотри, какъ извозчики твою качалку изувѣчили!—кричала Марья Павловна мужу.

— Мерзавцы! Подлецы! Денегъ за провозъ не заплачу!—набросился на ломовиковъ Михаилъ Ивановичъ, и безъ того раздраженный горничной Аннушкой, которая насѣдала на него, чтобы онъ требовалъ для нея отъ жены отдѣльную комнату, нужную, будто-бы, для глаженья и уборки бѣлья.

Одинъ изъ ломовиковъ, рыжебородый мужикъ, отвѣчалъ солидно и разсудительно:

— Эхъ, барыня! Да нешто ужъ совсѣмъ безъ поломки можно пріѣхать? Ни въ жизнь. Какъ у хлѣба не безъ крохъ, такъ и тутъ... Да изойди весь бѣлый свѣтъ, такъ перегрузки безъ поломки не найти. Перегрузка ужъ всегда изъянъ приноситъ. Даже и пословица есть, что три раза переѣхать—разъ погорѣть. А здѣсь и поломки нѣтъ. Гдѣ она, поломка? Все цѣло. Изъ гнѣздъ дерево вышло—это точно. А насчетъ качалки будьте безъ сумлѣнія! Мы ее свинтимъ.

— И у самовара бокъ проломили. Вотъ посмотрите...—подскочила кухарка съ самоваромъ.

— Гдѣ проломили? Гдѣ?—набросился на нее рыжебородый мужикъ.—Нешто это проломъ? Проломъ, такъ тогда дыра была-бы. А тутъ просто вогнули немножко, понадавили. Веревкой ужъ очень крѣпко перетянули. Тоже ваше-же добро берегли, чтобы оно съ воза не разсыпалось. А этотъ самоваръ теперича ежели мѣднику отдать, то онъ его вамъ за двугривенный въ лучшемъ видѣ исправитъ.

— Молчать!—закричала на него Марья Павловна.— Аннушка, поди сюда,—позвала она горничную.—Ты такъ за вещами на возу смотрѣла? Видишь, что они съ самоваромъ подѣлали! Вѣдь тебя, дуру, нарочно для этого и послали съ возами.

— Я говорила имъ, а нешто мужчинъ переспоришь!—пробормотала горничная.—Ну, вотъ и попортили.

— Да ничего не попортили, барыня,—опять заговорилъ мужикъ.—Нешто такъ портятъ? И труба цѣла, и кранъ цѣлъ. А просто онъ подъ закрутку попалъ. Его въ лучшемъ видѣ хоть сейчасъ наставляй и кипяти воду.

— Молчать, говорятъ тебѣ! А самоваръ этотъ, Анна, я тебѣ на счетъ поставлю. Нарочно прислугу на возъ съ мебелью посадили, чтобъ она за вещами наблюдала, а она, сидя на возу, должно быть, воробьевъ считала

— Никакихъ воробьевъ не считала. Это, можетъ статься, вамъ интересны воробьи, а мнѣ они не интересны. А что ежели самоваръ погнутъ, то сами вы виноваты. Никогда самовары на возъ не кладутъ, а берутъ ихъ съ собой въ карету.

— Поговори еще у меня, мерзкая!

— Да конечно-же... Я дѣло говорю. А самоваръ на возу, такъ за нимъ нешто усмотришь! Вѣдь не обнявшись-же съ нимъ сидѣть.

— Еще-бы... самоваръ не солдатъ.

— Пожалуйста, вы эти слова оставьте. Никогда мы на солдатъ не мѣтили, да и мѣтить не будемъ. Не такого я сорта дѣвушка. Совсѣмъ не въ ту точку...

— Ахъ, грубіанка! Михаилъ Иванычъ, послушай, что она говоритъ!

Подошла нянька.

— Воля ваша, сударыня, а въ той темной комнатѣ, которую вы подъ дѣтскую отвели, жить невозможно,—сказала она.

— Отчего невозможно? Что такое? И какъ это тебѣ не стыдно ныть ежеминутно! Изводишь ты меня своимъ нытьемъ.

— Да какъ-же, сударыня, не ныть-то. Нешто это комната? Это не комната, а гробъ.

— Тьфу! Тьфу! Типунъ-бы тебѣ на языкъ!

— Конечно-же, гробъ. Прямо подъ крышей и съ одной стороны потолокъ скошенъ. Точь-въ-точь крышка у гроба.

— Михаилъ Иванычъ, что она мелетъ?—отнеслась Марья Павловна къ мужу.

— Угловая комната въ мезонинѣ, ну вотъ потолокъ у ней и скошенъ,—отвѣчаетъ мужъ.

— Отчего-же вы горничной Анюткѣ отдаете комнату безъ скошеннаго потолка, а подъ дѣтей съ нянькой со скошеннымъ потолкомъ?—не унималась нянька.

— Какъ Анюткѣ? Анюткѣ вовсе никакой комнаты не будетъ!—закричала барыня.

— А безъ комнаты я жить не останусь. Тогда мнѣ разсчетъ пожалуйте!—объявила горничная.

— Ну, и я въ гробу жить не намѣрена,—подхватила нянька.—Тогда и мнѣ разсчетъ пожалуйте. Помилуйте, что это за потолокъ, о который по ночамъ лбомъ стукаться будешь! Надѣлаешь себѣ на лбу синяковъ и станутъ тебя, ни въ чемъ неповинную душу, за пьяницу считать.

— Съ какой-же стати тебѣ лбомъ-то стукаться?—понизила голосъ Марья Павловна.—Ты тамъ и ходить не будешь. У скошеннаго потолка мы твою кровать поставимъ.

— Здравствуйте! Еще того лучше! А вскочу я спросонья, да теменемъ въ птолокъ?... Воля ваша, а я не могу,

увольте меня. Да у меня и мѣсто есть въ Озерки. Тамъ все-таки у меня мой сродственникъ въ конюхахъ живетъ.

— Ну, не твою кровать къ скошенному потолку поставимъ, такъ кровать ребенка,—сказалъ баринъ.—А ты свою кровать у другой стѣны поставишь.

— Я не понимаю, отчего вы не хотите эту комнату Анюткѣ отдать.

— Понимаешь, Анюткѣ нужна комната для глаженья бѣлья. А какъ она изъ мезонина внизъ въ кухню съ утюгами будетъ бѣгать? Нельзя, душенька, Аннушкѣ безъ комнаты быть,—отнесся Михаилъ Ивановичъ къ женѣ.—Посуди сама, вѣдь мнѣ лѣтомъ каждый день чистая глаженая сорочка нужна. Лѣтомъ я потѣю, ѣзжу на службу и все такъ пылится на мнѣ.

— Баринъ, а баринъ! Не уговаривайте ихъ насчетъ комнаты, а лучше мнѣ разсчетъ и паспортъ пожалуйте. Право, такъ лучше будетъ. Полковница одна какъ звала меня къ себѣ въ Павловскъ на дачу! Вотъ туда и поѣду. Тамъ не захолустье, тамъ жить отлично.

Услыша категорическій отказъ горничной отъ мѣста и рискуя остаться безъ прислуги сейчасъ-же при переѣздѣ, когда столько уборки бываетъ въ домѣ, Марья Павловна сдалась.

— Да пускай занимаетъ комнату около твоего кабинета. Но я не знаю, куда мы нашего Петю дѣнемъ?—спросила она.—Вѣдь и его гдѣ-нибудь положить надо.

— А Петю съ нянькой въ комнату положимъ.

— Какъ? Еще третьяго въ этотъ проклятый гробъ?—завопила нянька.—Разсчетъ, сударыня, пожалуйте.

— Да не въ гробъ, не въ гробъ,—махнулъ ей рукой Михаилъ Ивановичъ.—Знаешь, Марья Павловна, что я придумалъ?—обратился онъ къ женѣ.—Дѣйствительно, дѣтямъ нужно больше воздуху. Поэтому мы отдадимъ

подъ дѣтскую ту большую комнату, которую назначили себѣ подъ спальню.

— А сами ляжемъ подъ скошенный потолокъ? Покорнѣйше благодарю

— Да не сами, не сами. А ляжешь только ты одна и будешь спать у высокой стѣны. Я-же переберусь съ своей кроватью къ себѣ въ кабинетъ.

— Бокъ-о-бокъ съ Анюткой?!—вырвалось у Марьи Павловны.

— Тс... Что за глупыя подозрѣнія!—остановилъ ее Михаилъ Ивановичъ.—Надо не уважать себя, чтобы такія мысли...

— Однако, не могу-же я допустить...

— Оставь, пожалуйста. Сама-же ты еще недавно высказала желаніе имѣть у себя отдѣльную спальную. Сама-же ты говорила, что я своимъ храпѣніемъ бужу тебя. А тутъ ты будешь одна въ комнатѣ. Для одной эта комната прелестна.

Марья Павловна задумалась.

— «Не уважать себя»... Много вы-то себя уважаете!—проговорила она.

— Полно. Брось... Я куплю тебѣ хорошенькаго кретона на окно и на пологъ,—продолжалъ Михаилъ Ивановичъ.—Къ высокой стѣнѣ ты поставишь свою задрапированную кроватку, а къ низкой стѣнѣ диванчикъ и столикъ, и выйдетъ у тебя прелестный будуарчикъ. Воздухъ... Такъ вѣдь тамъ широкое венеціанское окно... Лѣтомъ можно отлично окно отворять. Даже на ночь отворять.

— Мастеръ ты зубы-то заговаривать!—улыбнулась жена.

— Къ кровати твоей новый коврикъ куплю, а нашъ старый къ своей кровати въ кабинетъ возьму.... Да и

лучше такъ... Ты, нянька, дѣти—будете наверху, а я внизу.

— Да вѣдь, и Анютка внизу...—замѣтила супруга.

— Какъ тебѣ не стыдно! Ну, такъ вотъ... Хозяйка въ одномъ этажѣ, хозяинъ въ другомъ... Порядка больше. Я внизу присмотрю, чтобы всѣ окна на ночь были заперты, ты вверху... Согласна?

— Какъ хочешь...—выговорила супруга и сдѣлала гримасу.

— Ну, такъ я скажу прислугѣ, чтобы она оставалась. Эй, вы! Аннушка! Нянька! Всѣмъ будутъ хорошія комнаты. Оставайтесь!—крикнулъ Михаилъ Ивановичъ прислугѣ.

III.

Только что уставили въ дачѣ привезенную мебель и Михаилъ Ивановичъ и Марья Павловна съ чадами усѣлись на поломанныхъ при переѣздѣ стульяхъ за столъ поѣсть наскоро сваренныхъ кухаркой супу и манной каши на молокѣ, какъ вошелъ дачный дворникъ въ розовой ситцевой рубахѣ и жилеткѣ безъ пуговицъ, съ разодранной вдоль спиной.

— Хлѣбъ да соль вашей милости...—поклонился онъ, перебирая въ рукахъ замасленный картузъ.

— Кто ты такой? Что тебѣ?—спросилъ Михаилъ Ивановичъ, такъ какъ ни разу еще не видѣлъ его.

— Здѣшній дворникъ это,—сказала Марья Павловна, нанимавшая дачу и нѣсколько разъ передъ переѣздомъ ѣздившая въ нее для передачи распоряженій своихъ дворнику.

— Здѣшніе дворники мы...—въ свою очередь отре-

комендовался дворникъ.—Съ новосельемъ поздравляемъ вашу милость.

— Спасибо, голубчикъ. Только, что-же ты это лѣзешь во время обѣда!

Дворникъ переминался съ ноги на ногу.

— За обѣдомъ-то застать лучше. А то потомъ, можетъ статься, уйдете куда-нибудь... А тамъ и забудется. Теперича такъ какъ, значитъ, мы помогали ломовикамъ насчетъ мебели...—началъ онъ.

— Ломать помогали?—перебилъ его Михаилъ Ивановичъ и улыбнулся.

— Надо ему дать на чай—вотъ онъ зачѣмъ пришелъ,—сказала Марья Павловна, полѣзла въ кошелекъ, вынула оттуда двугривенный и подала ему, проговоривъ:—вотъ тебѣ...

Дворникъ вертѣлъ въ рукахъ двугривенный и смотрѣлъ на него.

— Мастеровые люди живали у насъ, и тѣ меньше полтинника-то съ новоселья не давали дворнику,—произнесъ онъ.

— Да ты, милый, прежде заслужи, тогда и больше получишь.

— То тогда... Мы это понимаемъ. А это съ новоселья должно быть отъ вашей милости положеніе. Это новосельныя...

— Возьми еще двугривенный и провались,—сказалъ ему Михаилъ Ивановичъ, подавая вторую монету.

— Благодаримъ покорно...—поклонился дворникъ и спросилъ:—А за доску, что я изъ забора для вашей чести вытащилъ, такъ госпожа кухарочка отдастъ?

— Какую доску? Про какую доску онъ говоритъ?—задалъ женѣ вопросъ Михаилъ Ивановичъ.

— А подъ плиту, чтобы вотъ для вашей чести обѣдъ состряпать,—пояснилъ дворникъ.

— Ахъ, да, да...—спохватилась Марья Павловна.— Вѣдь кухарка пріѣхала сюда безъ полѣна дровъ. Ну, вотъ тебѣ пятіалтынный за доску. Возьми...

Опять вертѣніе пятіалтыннаго въ рукахъ.

— Помилуйте, сударыня... Да вѣдь я за эту доску отъ хозяина одной ругани на два двугривенныхъ выслушать долженъ. Вѣдь доска-то изъ забора. Пріѣдетъ и спроситъ, куда доска дѣвалась.

— Ты лучше-бы дровъ пять-шесть полѣнъ далъ, а завтра, купивъ дрова, мы и возвратили-бы тебѣ натурой.

— А гдѣ ихъ взять, дрова-то? Никто изъ жильцовъ еще не переѣзжалъ. Вы первые. Да намъ и доски изъ забора не жаль, коли вы жильцы хорошіе. Кушайте на здоровье. Надо вамъ, такъ я завтра и другую доску на подтопку принесу. Дрова-то, вѣдь, тоже сразу вамъ не привезутъ.

Михаилъ Ивановичъ полѣзъ опять въ карманъ, вынулъ еще двугривенный и подалъ дворнику.

— Благодаримъ покорно...—опять поклонился дворникъ.—У насъ, ежели жильцы не сквалыжные, то мы для нихъ всей душой рады... Прикажете, такъ можно изъ хозяйскаго сада и кустъ кукушкиныхъ башмачковъ для вашего садика спереть.

— Спасибо, спасибо. А только зачѣмъ-же спирать-то? Не надо.

— Ну, ладно. Я вамъ и маргаритокъ нарою и цѣлую клумбочку посажу.

Дворникъ топтался и не уходилъ.

— Насчетъ воды переговорить надоть-бы...—сказалъ онъ наконецъ.

— Ахъ, да, да... Такъ сколько-же ты съ насъ возь-

мешь за воду?—спросилъ Михаилъ Ивановичъ.—Дрова наколоть и принести, помои вынести, воды доставить...

— Насчетъ воды мы въ здѣшнемъ мѣстѣ первые... У насъ колодецъ первый сортъ.

— Такъ сколько-же тебѣ въ мѣсяцъ за работу?

— У насъ положеніе: сколько душъ — столько и рублей.

— То-есть, считая съ прислугой?

— А то какъ-же? Иная прислуга больше господъ полощется.

— Ну, это много. Насъ семь душъ съ прислугой Вѣдь это—семь рублей.

— Это за воду. Да за дрова три. Вотъ десять рублей и будетъ. Счетъ ровный.

— Какъ, за дрова отдѣльно?—воскликнулъ Михаилъ Ивановичъ.

— А то какъ-же... Вѣдь не даромъ-же мнѣ ихъ таскать, — отвѣчалъ дворникъ. — Отъ жильцовъ живемъ. Вѣдь лѣтомъ хозяинъ намъ ни копѣйки жалованья не платитъ. «Будьте, говоритъ, сыты съ жильцовъ, берите съ нихъ».

— Но, вѣдь, это ужасъ что такое: десять рублей! Нѣтъ, я такихъ денегъ не дамъ,—сказалъ Михаилъ Ивановичъ.

Дворникъ усмѣхнулся.

— А какъ-же вы безъ воды жить-то будете?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ-же безъ воды? Да я горничной рубль въ мѣсяцъ прибавлю, такъ она мнѣ наноситъ воды, сколько нужно.

— Нѣтъ, ужъ благодаримъ покорно, а я воду носить не намѣрена! Носите сами, коли дворнику запла-

тить жалѣете,—откликнулась горничная Аннушка, прислуживавшая у стола.

— Зачѣмъ-же ты грубишь-то? Мы съ тобой ласково, а ты грубишь,—упрекнула ее Марья Павловна.

— А затѣмъ, что я и отъ стирки-то хочу отказаться, потому у меня нервы и голова кружится, когда я стираю. Вы такъ и знайте, и берите для стирки поденщицу. Стирка! Воду носить! У меня теперь другое воображеніе.

— Ну, потомъ, потомъ объ этомъ поговоримъ. Ахъ, что за наказаніе эта дѣвушка! Ну, не ты, такъ кухарка воду будетъ намъ носить, если ей жалованье прибавить.

Дворникъ усмѣхнулся снова.

— Странная вы барыня!—сказалъ онъ.—Да какъже кухарка вамъ изъ колодца воды принесетъ, ежели колодецъ у насъ на запорѣ?

— Ну, положимъ, ты колодезь запереть не смѣешь!—проговорилъ Михаилъ Ивановичъ.

— А вотъ запираемъ.

— А вдругъ пожаръ?

— Тогда отопремъ. А такъ не дамъ я вамъ, баринъ, самимъ изъ колодца воду таскать, не дамъ. Помилуйте... А вдругъ ваша прислуга, по злобѣ ко мнѣ, отраву какуюнибудь въ колодецъ подсыплетъ? А вы вотъ что... Такъ какъ вы жилецъ хорошій, то зачѣмъ намъ ссориться? Лучше по хорошему сойтись. Извольте: восемь рублей за воду и дрова я съ васъ возьму.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это разбой... Пять рублей я тебѣ еще могу дать.

— Невозможно этому быть, баринъ. Помилуйте, мы за зиму-то оголодали, такъ надо-же намъ поправиться. Жильцовъ-то ждемъ какъ! А тутъ вдругъ...

— Пять рублей довольно. Пойду къ хозяину и попрошу его вступиться.

— Да тутъ хозяинъ нашъ не при чемъ. Онъ отдалъ мнѣ и женѣ моей колодецъ и сказалъ: «теребите съ жильцовъ, а отъ меня ничего ужъ не требуйте». Намъ и корова разрѣшена... Мы двухъ коровъ держимъ, чтобы отъ жильцовъ питаться. Вы, баринъ, по скольку бутылокъ молока отъ моей дворничихи брать будете?

— Надо знать цѣну, надо знать, какое молоко.

— Молоко первый сортъ, а цѣна двѣнадцать копѣекъ за бутылку. Вотъ ежели молока по двѣ кринки будете отъ моей дворничихи въ день брать, то хорошо— извольте, семь рублей за носку воды и дровъ я возьму съ вашей милости. А безъ молока—другая цѣна. Желаете?

— Нѣтъ, я завтра пойду къ хозяину дачи и переговорю съ нимъ. Отдавать жильцовъ во власть дворника нельзя,—твердо отвѣчалъ Михаилъ Ивановичъ.

— Ну, а коли такъ, то покуда сидите безъ воды. Прощенья просимъ.

Дворникъ повернулся и вышелъ изъ комнаты.

IV.

Было десять часовъ вечера. Смеркалось. Спускались блѣдно-лиловыя сумерки, замѣняющіе въ Іюнѣ на сѣверѣ ночь. Посвѣжѣло. Стала ощущаться сильная сырость. Въ саду скамейки и перила террасы покрылись росой.

— Фу, какъ я устала!—проговорила Марья Павловна, провозившаяся вмѣстѣ съ горничной Аннушкой около узловъ съ подушками и одѣялами и указывавшая ей для кого гдѣ устраивать постели.—Руки, ноги подломи-

лись—вотъ какъ я устала! Напиться поскорѣе чаю, да и лечь спать. Что не успѣли разобрать изъ корзинъ— завтра разберемъ. Куда торопиться!

— Да и я усталъ,—проговорилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Вамъ-то съ чего уставать?—усмѣхнулась горничная.—Только ходили и папиросы курили. А насчетъ работы, такъ даже ни чуточку ни до чего не дотронулись.

— Какъ ты смѣешь такъ съ бариномъ разговаривать, дерзкая!—закричала на нее Марья Павловна.

— А что-жъ я сказала? Я правду сказала. Конечно-же...

— Иди и ставь сейчасъ самоваръ.

— Нѣтъ, ужъ благодарю покорно. Пусть кухарка сегодня поставитъ. А мнѣ надо бѣжать въ мелочную лавочку, пока не заперли. У меня ни капли помады нѣтъ на завтра. Помаду свою я въ городѣ забыла.

— Михаилъ Ивановичъ, да она совсѣмъ отъ рукъ отбивается

— Ахъ, матушка! Справляйся сама, какъ знаешь. У меня голова кругомъ идетъ... Матрена! Ставь самоваръ, пожалуйста!—крикнулъ Михаилъ Ивановичъ кухаркѣ.

— Самоваръ поставленъ,—послышался отвѣтъ.

— Ну, такъ живо. А ты ступай въ лавочку за помадой, да скорѣй назадъ,—обратилась Марья Павловна къ горничной.—Бобы-то не разводи тамъ.

— Да, да... Поторапливайся,—подхватилъ Михаилъ Ивановичъ.—Я запираться буду. Запоры-то здѣсь ой-ой-ой!

— Да никакихъ нѣтъ,—отвѣчала кухарка.—Я давеча, когда вы еще не пріѣзжали, за хлѣбомъ къ обѣду въ лавочку бѣгала, такъ ужъ ладила какъ-нибудь кухню запереть, чтобы посуду не украли, и ни ключа, ни замка, ни даже пробоя. Ничегошеньки нѣтъ.

— Да что ты! Не можетъ быть! — воскликнулъ хозяинъ.

— А вотъ извольте сами посмотрѣть. На ночь въ кухнѣ нельзя будетъ никакой посуды оставить— все уворуютъ. Еще если-бы на сегодня можно было мнѣ самой въ ней спать лечь, а то кухня такая, что въ ней и не повернешься.

Михаилъ Ивановичъ бросился къ наружнымъ дверямъ въ кухнѣ.

— Такъ и есть. Никакихъ запоровъ. И у лицевого, и у задняго входа ни задвижки, ни крючка,—сказалъ онъ.—Даже дверныя скобки отвинчены. Какъ-же мы спать-то будемъ, не запершись! Все у насъ разворуютъ. Матрена! Зови сюда скорѣй дворника.

Является дворникъ, и уже пьяный.

— Послушай, любезный, какъ-же вы сдаете дачу, если ни у одной двери запоровъ нѣтъ!—встрѣчаетъ его Михаилъ Ивановичъ.—Надо ложиться спать, и не знаемъ, какъ запереться. Ни задвижки, ни крючка—ничего нѣтъ.

Дворникъ покачнулся на ногахъ и отвѣчалъ:

— Какъ нѣтъ? Что вы! Помилуйте... Запоры должны быть въ аккуратѣ.

— Знаю, что должны быть въ аккуратѣ, но ихъ нѣтъ. Вотъ посмотри.

— Что за шутъ! И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ. Ужъ это не домовой-ли подшутилъ? А только, сударь, не извольте сомнѣваться. Теперича, ежели сюда плевую задвижку или крючекъ ледащій... то въ лучшемъ видѣ...

— Ну, давай сюда крючекъ, давай задвижку

— А это ужъ, сударь, завтра. Теперь какія-же задвижки къ ночи!

— Какъ, какія задвижки къ ночи! Какъ-же мы

спать-то будемъ, не запершись? Къ ночи-то задвижки и нужны, а то наши вещи разворуютъ.

— Вещи? Насчетъ этого, сударь, не сомнѣвайтесь. У насъ здѣсь мѣсто спокойное, и ни—Боже мой! Я вотъ семь годовъ въ здѣшнихъ мѣстахъ дворникомъ, а чтобы какое баловство—Боже избави!

— Да что ты мнѣ говоришь! Зачѣмъ ты меня утѣшаешь? Я все равно не могу спать не запершись. Ни у балконной двери нѣтъ запора, ни у кухни. И кухня безъ замка.

— И кухня безъ замка?—удивился дворникъ.—Ну, это, надо полагать, кто-нибудь отвинтилъ и пропилъ.

— Вотъ видишь, даже замки дверные воруютъ, а ты говоришь, чтобы я не боялся баловства.

— Насчетъ баловства—ни-ни... Истинно говорю. Замокъ не вещи, а чтобъ вещи воровать—ахъ, оставьте. Лѣтось, правда, съ углового балкона вонъ съ той дачи парусину ободрали, а чтобъ насчетъ вещей, такъ у насъ даже и не слыхано.

Михаилъ Ивановичъ начиналъ горячиться.

— Какъ хочешь, а мнѣ чтобъ запоры были! Сейчасъ чтобъ были!—закричалъ онъ.—Слышишь?

— Завтра мы задвижечку и крючки привинтимъ, ваше высокое благородіе. А сегодня откуда-же? Судите сами. Надо тоже хозяину доложить.

— Иди и докладывай своему хозяину, а я безъ запоровъ спать не буду.

— Позвольте, ваша милость. Хозяинъ въ городѣ. Нашъ хозяинъ здѣсь не живетъ. Нешто онъ можетъ въ такихъ дачахъ существовать? У него квартира-то ой-ой! Что дворецъ... А вмѣсто дачи онъ за границу на кислыя воды. Да чего вы... сударь, сомнѣваетесь-то? Только печенки себѣ портите. Ужъ коли ежели что, то вотъ сей-

часъ взялъ задвинулъ двери мебелью, и никто васъ не тронетъ. Мѣсто здѣсь спокойное, баловства никакого, а вы сомнѣваетесь.

— Ну, дачи!—всплескиваетъ руками Михаилъ Ивановичъ.—Бѣги ты сейчасъ въ лавочку и принеси мнѣ крючковъ. Или... нѣтъ. Что я! Ты еле на ногахъ стоишь.

— Въ лучшемъ видѣ добреду...—бормочетъ дворникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Тебѣ если дать деньги на крючки, то ты попадешь въ винную лавку и, вмѣсто крючковъ, мерзавчиковъ себѣ накупишь.

— Ни въ жизнь. Заперта теперь винная лавка.

— Аннушка!—кричитъ Михаилъ Ивановичъ и спохватывается.—А, чортъ возьми! Она только что сейчасъ въ лавочку убѣжала. Придется вторую прислугу туда-же отправлять. Матрена! Сходи за крючками.

— Не извольте, сударь, безпокоиться. Въ здѣшней лавочкѣ нѣтъ крючковъ. Но гвозье, если для вашей милости желательно...

— Долженъ-же я какъ-нибудь запереться!

— Гвозьемъ, самое лучшее гвозьемъ. Теперича, ежели здѣсь полуторный гвоздь запустить, то и замка не надо. Лучше замка. У насъ капитанъ стоялъ, такъ всегда такъ, всегда гвозьемъ. Позвольте, сударь, я вамъ запущу въ дверь гвоздь, а вы мнѣ за это на чай, чтобы выпить за здоровье вашей милости.

Дворникъ взялъ гвоздь и молотокъ и сталъ забивать балконную стеклянную дверь, но, покачнувшись на ногахъ, наперъ плечемъ на стекло и оно зазвенѣло, вылетѣвъ въ видѣ осколковъ изъ рамы.

— Ну, что ты надѣлалъ мнѣ, мерзавецъ!—вопiялъ Михаилъ Ивановичъ.—Теперь мы и безъ запоровъ, и безъ стекла!

— Не въ часъ взялся. Это домовой, сударь, подпа-

жилъ. А только вы не обижайтесь. Теперича если взять подушку и заставить ею вотъ это самое мѣсто...

— Вонъ отсюда! И чтобъ духу твоего здѣсь не было!—затопалъ на дворника раздраженный Михаилъ Ивановичъ.

Дворникъ не уходилъ. Онъ стоялъ посреди комнаты, разводилъ руками и говорилъ:

— Ну, господа! Поищи другихъ такихъ безпокойныхъ господъ.

Его вытолкали за дверь.

Черезъ часъ семейство, забивъ гвоздями обѣ двери и заткнувъ дыру въ стеклѣ подушкой, а также наставивъ отъ воровъ вездѣ капканы изъ мебели, улеглось спать.

Сонъ былъ тревожный.

КВАРТИРНАЯ СТРАДА.

I.

Баринъ! Вставайте! Семь часовъ...—стучалась въ полуотворенную дверь кабинета горничная и будила спавшаго тамъ дачника.

— М-м-мъ...—послышалось изъ кабинета.

Произошла пауза. Горничная мела полъ въ столовой и умышленно стучала счеткой и громко передвигала стулья. Минутъ черезъ пять она снова подошла къ двери кабинета и заговорила:

— Баринъ! А баринъ! На службу пора. Скоро семь часовъ.

Изъ кабинета послышалось:

— М-м-мъ... Хорошо, хорошо... Покажи... Показывай...

— Что вамъ показать?—улыбнулась горничная.—Вотъ тоже странные-то... Какъ заспались! Вставайте.

— А во сколько комнатъ?—раздалось изъ кабинета.

— Ахъ, какъ заспались-то! Это просто удивительно. Неизвѣстно, что говоритъ. Вставайте, баринъ!

— Покажи, покажи... У тебя съ дровами?

— Ну, вотъ, еще того лучше! Баринъ, да вѣдь вы опоздаете на службу и потомъ сами будете сердиться,—проговорила горничная.—Вставайте!

*

м-мъ... Хорошо, хорошо... Встаю.

чная опять отошла отъ двери кабинета и на- бирать комнаты. Въ кабинетѣ было попрежнему

ъ спальной выплыла барыня. Она была съ заспанными глазами, съ папильотками на лбу, въ юбкѣ и кофтѣ.

— Самоваръ подала?—спросила она горничную.

— Сейчасъ подамъ-съ. Кипитъ и слегка крышкой прикрытъ,—засуетилась горничная, бросая щетку и тряпку.

— Баринъ встаетъ?—задала вопросъ барыня.

— Три раза будила. Говорятъ: «хорошо, хорошо», а сами не встаютъ.

— Боже мой! Вѣдь онъ хотѣлъ сегодня до службы съѣздить на Пески и квартиру Ломатовыхъ посмотрѣть, а въ двѣнадцать часовъ у него докладъ,—воскликнула барыня и бросилась въ кабинетъ.—Максимъ Семенычъ! Что-же ты до сихъ поръ дрыхнешь!

— Сейчасъ, сейчасъ... Ты говоришь, что швейцару надо отдѣльно платить?

— Вставай. Какой тутъ швейцаръ!

— Постой... Погоди... Вѣдь въ четвертомъ этажѣ?

— Экъ, тебя! Вставай-же, Максимъ Семенычъ!

Жена схватила его за руку и стала трясти.

— Постой... Дай кухню посмотрѣть...—бормоталъ онъ.

— Боже милостивый! Можно-же такъ заспаться! А все винтъ, проклятый винтъ! Зачѣмъ вчера до бѣлаго свѣта просидѣлъ у Колотушкина? Вставай!

Супругъ поднялся, спустилъ ноги съ дивана, смотрѣлъ на жену посоловѣлыми отъ сна глазами и бормоталъ:

— Кухня только мала. Кухаркѣ отгородиться будетъ негдѣ.

— Вставай, вставай! Какая тутъ кухня! Очнись. Одѣвайся. Кухня какая-то...

— А въ этомъ домѣ.

— Въ какомъ домѣ? Вотъ тоже...

— А въ угловомъ.

— Да ты прежде очнись. Вотъ мокрое полотенце... Протри глаза.

Жена шлепнула ему въ лицо намоченнымъ въ водѣ полотенцемъ.

— Шестьдесятъ рублей съ дровами...—продолжалъ онъ бормотать.

— Фу ты, пропасть! Утирайся, утирайся полотенцемъ-то. И много водки на ночь пьешь. Это тоже нехорошо.

— Швейцару только отдѣльно платить, а полотеры хозяйскіе.

— Трись, трись мокренькимъ-то, такъ полотеры грезиться и перестанутъ.

Жена сама начала отирать ему лицо мокрымъ полотенцемъ.

— Фу-у-у!—послышался протяжный вздохъ.—Въ четвертомъ этажѣ, но всего шестьдесятъ семь ступеней.

— Ужъ и ступени сосчиталъ!—улыбнулась жена.— Можно-же такъ спать!

Мужъ пришелъ въ себя отъ сна и умолкъ, начавъ одѣваться. Жена вышла въ столовую заваривать чай. Онъ шлепалъ въ кабинетѣ стоптанными туфлями и говорилъ:

— Вѣдь, вотъ, во снѣ сейчасъ найдешь подходящую квартиру, а наяву вторую недѣлю по Петербургу бѣгаю и ничего подходящаго найти не могу. Ахъ, Танечка!

Если-бы ты видѣла, какой хорошенькій кабинетикъ съ каминомъ! И прямо изъ прихожей...

— Да вѣдь во снѣ...—откликнулась жена.

— Во снѣ, во снѣ. Гдѣ-же наяву такое удобство найти! Спальная тоже въ два окна, и изъ спальной...

— Да будетъ тебѣ. Что тутъ разсказывать! Разсказываетъ, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ нашелъ подходящую квартиру!

— Но, вѣдь, какъ я явственно все это видѣлъ во снѣ! Ахъ, кабы удалось сегодня что-нибудь наяву! Не смотрѣлъ я еще въ Чернышевомъ переулкѣ, не ходилъ по Лештукову...

— Ты, вотъ, на Пески-то съѣзди, Ломатову квартиру посмотрѣть,—сказала жена.

— Не поѣду я туда.

— Отчего?

— Да что-жъ зря ѣздить! Навѣрное квартира—дрянь. Вѣдь изъ-за чего-нибудь эти Ломатовы передаютъ ее другому.

— Вотъ дуракъ-то! Понимаешь, Ломатова говоритъ, что они оттого ищутъ случая сдать ее, что она мала имъ. У нихъ приращеніе семейства, и имъ одной комнаты не хватаетъ.

— Вздоръ!

— Ломатова говоритъ: «я чуть не со слезами рѣшаюсь сдать эту квартиру».

— Крокодиловы слезы. По нынѣшнимъ временамъ, матушка, у кого хороша квартира и недорога, тотъ ея держится и не ломаетъ мебель перевозкой.

— Да вотъ мы, напримѣръ.

— Экъ, хватила! На насъ набавили, десять рублей въ мѣсяцъ набавили. Кабинетъ мой угловой, и въ немъ зимой волковъ морозитъ. Надъ нами пѣвунья каждый ве-

черъ воетъ, рядомъ за стѣной собаки подпѣваютъ, снизу сквозь полы кислыми щами воняетъ.

Послышался всплескъ воды. Супругъ умывался.

Супруга продолжала:

— Однако, не убудетъ тебя, если ты въ Пятую улицу Песковъ съѣздишь.

— Съ Песковъ-то мнѣ въ министерство, языкъ выставя, бѣгать придется. Ты разочти, даль-то какая!

— Конки есть. Ломатова говоритъ, что у нихъ и при кухнѣ маленькая комнатка для кухарки имѣется. Съѣзди.

— Да хорошо, хорошо.

Супругъ вышелъ въ столовую одѣтый и сѣлъ къ чайному столу. Жена налила ему чаю. Онъ макнулъ въ него сухарь и проговорилъ:

— Ахъ, какъ хороша эта квартира, которую я видѣлъ! Игрушечка...

— Да вѣдь во снѣ...

— Во снѣ, во снѣ. Вотъ это-то и обидно. Строго говоря, ни одной комнаты нѣтъ проходной. Всѣ въ корридоръ. Кухня маловата, но...

— Брось. Какая польза говорить о томъ, что видѣлъ во снѣ,—остановила его жена.—Вѣдь это пустословіе.

— Пустословіе-то пустословіе, но такъ жалко, такъ жалко! Жалѣю даже, что ты меня разбудила. Ужъ я хотѣлъ и задатокъ дать.

— Ахъ, какой глупый! Во снѣ видѣлъ, и разговариваетъ!

— Да ужъ я радъ, что хоть во снѣ-то меня порадовало. А то наяву ищемъ-ищемъ, и не можемъ ничего подходящаго найти.

Черезъ десять минутъ онъ надѣлъ пальто, чмокнулъ

жену, схватилъ портфель и сталъ уходить изъ дома. Жена вышла проводить его и остановилась на террасѣ.

— Заѣзжай на Пески-то!—крикнула она ему еще разъ.

— Хорошо, хорошо!—откликнулся онъ на ходу.

II.

Швейцаръ! Послушайте... Это не по этой лѣстницѣ квартира въ шесть комнатъ?—окликаетъ толстенькій, коротенькій господинъ широкоплечаго дѣтину въ фуражкѣ съ позументомъ, дѣтину, которому по справедливости слѣдовало-бы не лѣстницу караулить, а перетаскивать тяжести.

Швейцаръ сидѣлъ въ подъѣздѣ и игралъ въ шашки съ хозяиномъ изъ сосѣдней табачной лавочки.

— Здѣсь, здѣсь... Всякія квартиры у насъ покуда есть,—отвѣчалъ швейцаръ, не глядя на господина, и говоритъ своему партнеру:—Ѣшь, ѣшь, что подставлено, а я трехъ съѣмъ, да и въ дамки...

— Да мнѣ всякихъ не надо, а есть-ли вотъ въ шесть-то комнатъ?—снова повторяетъ вопросъ толстенькій господинъ, отдуваясь, снимаетъ съ головы шляпу и вытираетъ платкомъ потное лицо и крупную лысину.

— И въ шесть комнатъ есть. Пожалуйте.

— Ну, покажите. Въ которомъ этажѣ?

А швейцаръ ужъ не обращаетъ вниманія на толстенькаго, коротенькаго господина. Онъ тыкаетъ пальцемъ въ шашечную доску и говоритъ своему партнеру:

— Ѣшь, ѣшь... Опять ѣшь. Да нельзя назадъ, нельзя... Сходилъ ужъ... Что схожено, то свято... Послѣ смерти нѣтъ покаянія. Съѣлъ? Ну, вотъ и сиди тутъ взаперти. Заперъ я тебя. И вотъ еще разъ запру.

— Послушайте, швейцаръ! Покажете вы мнѣ квартиру, или нѣтъ? Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое!—горячится толстенькій господинъ.

— А какъ-же не показать-то? Въ лучшемъ видѣ... Афимья!.. Принеси сюда ключи отъ квартиры!—кричитъ швейцаръ въ сторожку женѣ, а самъ всетаки не отрывается отъ игры.—Пожалуйте, господинъ, кверху по лѣстницѣ, а я за вами слѣдомъ...—говоритъ онъ толстенькому господину.

— А ванная при квартирѣ имѣется?

— Въ трехъ мѣстахъ теперича ужъ заперъ. Сдаешься?

— Нѣтъ, ходи,—отвѣчалъ партнеръ.

— Да чего-жъ тутъ ходить-то, дура съ печи! Вѣдь ужъ кругомъ вода... Вынимай гривенникъ.

— Нѣтъ, ходи еще.

— А коли такъ, то садись еще въ четвертое мѣсто. Сѣлъ? А теперь самъ ходи. Ну, куда сходишь? Ну, вылѣзай!

— Швейцаръ! Будетъ-ли этому конецъ! Вѣдь вы здѣсь приставлены, чтобы квартиры показывать, а не въ шашки играть!—строго говоритъ толстенькій господинъ.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь нельзя-же безъ ключей въ квартиру попасть. Афимья! Вѣдьма! Скоро-ли ты тамъ?

— Да вотъ не знаю, куда ты ихъ запропастилъ!—слышится изъ сторожки.

— Ищи въ спинжакѣ.

— Да ужъ и то всѣ карманы обшарила.

— Ну, въ сундукѣ ищи. Сію минуту, господинъ. Она найдетъ. Давеча я съ малярами по квартирамъ ходилъ и принесъ ихъ... Ключи, то-есть. Ну, съ тебя, Иванъ

Евстратьевичъ, тридцать копѣекъ,—произноситъ швей- обращаясь къ партнеру.

— Это еще откуда? Откуда тридцать-то?

— Давай, давай... Полно куражиться-то. Деньги не щепки.

— Захаръ! Да не забылъ-ли ты ключи-то тамъ наверху въ дверяхъ?—выскакиваетъ изъ сторожки швейцариха.—Вѣдь нигдѣ нѣтъ.

— А что ты думаешь? Вѣдь, пожалуй, что и забылъ. Продвигайтесь, господинъ, наверхъ. Ключи отъ квартиры наверху. А ты, Иванъ Евстратьичъ, тридцать копѣекъ...

— Будетъ съ тебя и двугривеннаго. На, подавись...

Партнеръ швейцара кидаетъ на шашечную доску двугривенный.

— Эхъ, жила! Вотъ жила-то!—произноситъ швейцаръ, взявъ деньги.

— Послушай, швейцаръ! Да ты покажешь, наконецъ, мнѣ квартиру?—горячится толстенькій господинъ.

— А то какъ-же... Вѣдь иду ужъ съ вами. Пожалуйте впередъ...

— Какіе вы невѣжи! Олухи!—вырывается у толстенькаго человѣка.

— Это чѣмъ-же, господинъ?...Позвольте... Это что въ шашки-то?... Такъ, вѣдь, сидишь-сидишь одинъ день-то деньской, такъ инда одурь возьметъ... Время теперь лѣтнее. Жильцы на дачѣ.

— Съ ванной эта квартира?—задаетъ вопросъ толстенькій господинъ.

— У насъ всѣ съ ванной. Домъ на отличку.

— И съ хозяйскими дровами.

— У насъ всѣ съ дровами.

— Семьдесятъ рублей?

— Нѣтъ, восемьдесятъ пять,—отвѣчаетъ швейцаръ.—И швейцару отдѣльно.

— А какъ-же на воротахъ у васъ вывѣшено, что семьдесятъ рублей?

— Да та ужъ сдана. И та не въ шесть комнатъ была.

— Отчего-же билетъ не снятъ? Вѣдь, вотъ, мнѣ восемьдесятъ пять дорого.

— А кто-же ихъ вѣдаетъ, отчего дворники не сняли! Имъ-бы только по портернымъ...

— Ну, да ужъ всѣ хороши. Послушайте... Да куда-жъ вы меня ведете? Который это этажъ?

— Пятый.

— А вѣдь сказано, что въ третьемъ.

— Въ третьемъ маленькая. Всего четыре комнаты! А я вамъ въ семьдесятъ пять подсодобить хочу.

— Сколько комнатъ?

— Пять. Но за то съ балкономъ и съ каминомъ.

— Да я со своимъ семействомъ въ пяти комнатахъ не помѣщусь. Кромѣ того, для меня это высоко. Зачѣмъ-же вы меня привели? Ахъ, какой вы глупый! Тогда ужъ ведите меня въ квартиру, которая о шести комнатахъ, въ восемьдесятъ пять рублей.

— Такъ та внизу, во второмъ этажѣ. Что-жъ вы раньше-то не сказали!

— Да развѣ съ тобой можно разговаривать, если у тебя башка шашками занята.

Толстенькій господинъ снова переходитъ на «ты».

— Ужъ и шашками! — обидчиво отвѣчаетъ швейцаръ.—Я вотъ ключей не могу найти. Такъ и есть... Нѣтъ ихъ въ дверяхъ. Что за оказія! Ахъ, чтобъ тебѣ! Куда-же это ключи-то дѣлись? Словно чортъ ихъ взялъ,—разводитъ онъ руками и кричитъ въ пролетъ лѣстницы:— Афимья! Ключей здѣсь нѣтъ!... Ищи ихъ въ сторожкѣ.

— Да не отдалъ-ли ты ихъ старшему дворнику, когда въ трактиръ съ полотеромъ ходилъ?—слышится снизу женскій голосъ.

— А и то, можетъ быть, отдалъ. Поди спроси у него.

Толстенькій господинъ, взобравшись въ пятый этажъ, обливается потомъ. Онъ отираетъ платкомъ лысину и вопитъ:

— Ну, зачѣмъ, спрашивается, ты меня въ пятый этажъ втащилъ!

— Ахъ, господинъ! Да вѣдь кто-же зналъ, гдѣ эти самые ключи... Да вотъ баба сейчасъ принесетъ. Афимья! Ты нашла что-ли?... Пожалуйте, господинъ, внизъ.

— Такъ восемьдесятъ пять рублей, шесть комнатъ, во второмъ этажѣ? — спрашиваетъ толстенькій господинъ, спускаясь по лѣстницѣ.

— То-есть оно, будемъ такъ говорить, что комнатъ-то не шесть, а пять только, но онѣ большія! А за шестую мы корридоръ считаемъ. Теперича зала...

— Ну, такъ мнѣ тогда и квартиры не надо. Мнѣ нужно ни больше, ни меньше шести комнатъ.

— За то съ балкономъ. Вездѣ паркетъ... Въ паркетѣ звѣзда по срединѣ.

— Все равно не годится.

— А въ четыре не годится? Только та по другой лѣстницѣ.

— Дуракъ!

Толстенькій господинъ быстро сбѣгаетъ съ лѣстницы. Въ подъѣздъ вбѣгаетъ швейцариха.

— Нѣтъ у старшаго дворника ключей!—восклицаетъ она, запыхавшись.

— Какъ нѣтъ? Не можетъ быть! Гдѣ-же они?— задаетъ себѣ вопросъ швейцаръ, начинаетъ ощупывать

свои карманы и восклицаетъ:—Вотъ они! Въ карманѣ! А я-то... Господинъ! Господинъ! Куда-же вы?... Позвольте... Посмотрите квартирку-то! Ключи нашлись!—кричитъ онъ толстенькому господину.

Но тотъ уже выскочилъ изъ подъѣзда.

III.

Ведь, вотъ, въ три дня двѣ улицы обѣгали, тысячъ десять ступеней измѣрили...

— Ужъ и десять тысячъ! Скажешь тоже...

— Ну, восемь. Да дѣло не въ этомъ...

— И пяти тысячъ ступеней не измѣрили.

— Ну, пять, пять... Пусть будетъ по-твоему.

— Да нѣтъ пяти тысячъ.

— Ну, четыре. Вѣчно ты любишь спорить. Ахъ, ужъ эти женщины!—вздохнулъ тучный, небольшого роста мужчина, снявъ шляпу и сталъ вытирать платкомъ потное лицо и лобъ.

Онъ только вышелъ въ сообществѣ жены изъ воротъ каменнаго дома на улицу.

— Четыре тысячи ступеней измѣрили,—продолжалъ онъ.—Квартиръ тридцать осмотрѣли...

— Да и четырехъ нѣтъ, — снова возразила она. — Если считать тридцать квартиръ по шестидесяти ступеней...

— Фу, какъ ты любишь, Лизочка, спорить! Это чортъ знаетъ что такое!

— Но зачѣмъ-же преувеличивать? Три тысячи... Да и того не будетъ.

— Три, три тысячи. Пусть будетъ по-твоему. Мнѣ все равно. Три тысячи ступеней измѣрили, разъ пять

съ тобой поссорились, и все-таки не нашли даже мало-мальски подходящей для себя квартиры. Вотъ ужъ когда можно сказать, что Питеръ-то клиномъ сошелся!

— А все оттого, что мы не такъ ищемъ. Ну, зачѣмъ намъ непремѣнно Владимірская, Пушкинская и Николаевская улицы!

— Чтобы было мнѣ къ мѣсту службы поближе, къ мѣсту службы. Понимаешь?—старался пояснить мужъ.

— Да вѣдь ты все равно на службу на извозчикахъ ѣздишь.

— Ахъ, какъ трудно такъ разговаривать! Тебя, душечка, въ ступѣ не утолчешь!

— Тебя не утолчешь. А меня-то всегда можно утолочь,—отвѣчала жена и спросила:—Ну, что-жъ, такъ ты и будешь битый часъ стоять за воротами на улицѣ и отираться платкомъ? Вѣдь, при такихъ порядкахъ, квартира не найдется.

— Усталъ. Какъ ломовая лошадь усталъ. Ноги подламываются,—проговорилъ мужъ.—Вѣдь, я все-таки постарше тебя годковъ на шесть.

— Ужъ и на шесть! Прямо на десять,—замѣтила жена.

— Ну, на десять, на десять. Не хочу спорить. Господи, хоть-бы присѣсть гдѣ-нибудь и отдохнуть.

— А вотъ ваше высокоблагородіе, у насъ напротивъ портерная,—проговорилъ стоявшій у воротъ дворникъ, только что сейчасъ показывавшій супругамъ квартиры и слышавшій весь разговоръ.

— Дуракъ! Видишь, я съ дамой...

— У насъ и съ дамскимъ поломъ въ эту портерную ходятъ. Портерная чистая.

Взглядъ презрѣнія былъ отвѣтомъ.

— Ну, что-жъ, двигайтесь-же впередъ, а то и не то еще услышите,—сказала мужу жена.

Онъ надѣлъ на голову шляпу и разбитыми ногами, переваливаясь съ ноги на ногу, пошелъ по тротуару, сильно опираясь на палку. Жена слѣдовала сзади.

— Господинъ! А господинъ! Ваше высокоблагородіе! А что-же дворнику-то на чай? Все ужъ слѣдовало-бы дать что-нибудь,—послышалось имъ вслѣдъ.

— За что? За какія блага?—обернулся къ нему тучный человѣкъ.

— Да какъ-же... Квартиры я вамъ показывалъ, по тремъ лѣстницамъ вашу милость водилъ.

— Да вѣдь мы квартиры у васъ не сняли. Даже подходящей квартиры у васъ въ домѣ намъ не нашлось.

— Это ужъ не отъ нашей причины. А всегда дворникамъ даютъ. Помилуйте, мы этимъ живемъ. Давеча ужъ на что нѣмка смотрѣла квартиру—и та... А вы русскій человѣкъ.

— Ну, дай... Ну, пусть его подавится. Дай ему пятіалтынный,—сказала мужу жена.

— Вотъ наказаніе!—вздохнулъ мужъ.—Это прямо за грѣхи какіе-нибудь. И ноги себѣ ломай, и за это еще на чай дворникамъ давай.

Онъ полѣзъ въ карманъ и далъ дворнику мелкую монету.

— Не нами, ваша милость, это заведено, не нами и кончится,—проговорилъ дворникъ, принимая монету.—Благодаримъ покорно. Вѣдь, и наша тоже должность... Эхъ!

Онъ махнулъ рукой.

— Ахъ, русскій мужикъ!—продолжалъ вздыхать мужъ, шествуя по тротуару.—Когда-то онъ сознаетъ...

— Поди-ты... За границей то-же самое. Вѣдь ѣзди-

ли, видѣли. Тамъ безъ пуръ-буаръ тоже шагу не сдѣлаешь,—проговорила жена, смотря по сторонамъ и отыскивая объявленія о сдачѣ квартиръ.—Постой, постой. Вонъ въ домѣ черезъ улицу на окнахъ билетики налѣплены. Перейдемъ на ту сторону и посмотримъ эту квартиру.

— Ни, ни, ни... Не могу больше... Домой. Не въ силахъ... Меня и то ноги еле носятъ!—замахалъ руками мужъ.—До завтра,—сказалъ онъ.—А теперь поѣдемъ на дачу.

— Но ежели мы такъ будемъ искать, то мы никогда не найдемъ себѣ квартиры. И съ чего это ты усталъ такъ, я не понимаю!

— Матушка! Да вѣдь это ежели верблюда двухгорбаго послать, а не только статскаго совѣтника, такъ и тотъ...

— Какой вздоръ! Отчего-же я такъ не устала? Ну, устала я, а чтобы измучиться—нисколько.

— Ты это говоришь для того, чтобы противорѣчить мнѣ. Но, съ другой стороны, твоя корпуленція или моя! А тутъ шесть тысячъ ступеней... Во мнѣ вѣсу вдвое больше, чѣмъ въ тебѣ.

— Ѣшь много, пиво пьешь, водку пьешь... Я тебѣ сколько разъ говорила: «брось водку».

— Довольно, довольно. Пошли наставленія. Такъ ужъ и быть, пойдемъ смотрѣть квартиру,—перебилъ жену мужъ и сталъ переходить черезъ улицу.—Но только, пожалуйста, чтобы на сегодня это была ужъ послѣдняя квартира.

— А насчетъ водки—сколько разъ я тебѣ говорила, что при твоей тучности пора тебѣ водку бросить,— снова начала жена.

— Довольно, довольно! Пожалуйста, оставь.

— Два раза ты пьешь водку дома передъ каждой ѣдой. А внѣ дома? Бѣгаете вы въ полдень со службы закусывать пирожки—пьете. Пріѣдешь ты на станцію желѣзной дороги, чтобы ѣхать на дачу,—передъ поѣздомъ опять въ буфетъ... Это вы называете червячка заморить передъ обѣдомъ.

— Да вѣдь ужъ я иду смотрѣть квартиру, послушался тебя, такъ чего-же точить-то меня! Измучился жарко, дворники и швейцары раздражаютъ, да еще жена точитъ!.. Вѣдь это муки Тантала!

Мужъ стоялъ около воротъ дома, гдѣ были прилѣплены билетики объ отдачѣ квартиръ, и остервенительно дернулъ за колокольчикъ, вызывая дворника.

— Да и помимо того, тебѣ надо водку бросить,—не унималась жена.—Ты еще пенсіи не выслужилъ, а у тебя жена, трое дѣтей. Хватитъ тебя кондрашка, такъ что я съ ребятами буду дѣлать!

Мужъ стиснулъ зубы и дернулъ еще разъ за звонокъ.

— Еще если-бы у тебя капиталъ былъ,—продолжала жена.—А то сумѣлъ прикопить только три выигрышные билета трехъ займовъ, да и то они заложены.

— Лизавета Андреевна, пощади!

Мужъ въ третій разъ дернулъ изо всей силы за звонокъ, но дворникъ все еще не показывался. Жена была неумолима и не прекращала словоизверженіе.

— А эта игра въ кегли по вечерамъ на дачѣ,—не унималась она.—Сколько ты тамъ пивища-то выхлещешь!

— Да вѣдь сама-же ты меня надоумила въ кегли играть, чтобы былъ моціонъ отъ толщины...—стоналъ мужъ, разсердился, крикнулъ: «Куда-же это дворникъ запропастился!» и опять дернулъ за звонокъ.

Выбѣжала за ворота босая баба съ растрепанными волосами, взглянула на звонившихъ и плюнула.

— Фу, ты пропасть! А я думаю, что околодочный и со всѣхъ ногъ бѣгу!—воскликнула она.—Чего-жъ это вы звонки-то рвете! По десяти разъ звонитесь. Чего надо?

— Дворника намъ... Квартиру будемъ смотрѣть.

— Нѣтути его. Старшій дворникъ въ портерной сидитъ, а младшіе дворники у насъ насчетъ квартиръ ничего не знаютъ, да и тѣ теперь по сѣноваламъ спятъ.

— Такъ сбѣгай за старшимъ, голубушка,—проговорила дама.

Мужъ замахалъ руками.

— Знаю, знаю я, что значитъ дворника по портернымъ разыскивать! Это битыхъ полчаса пройдетъ, потомъ онъ явится пьяный... Нѣтъ, не желаю. Довольно! Поѣдемъ домой на дачу. Мочи моей нѣтъ!—завопилъ онъ и сталъ нанимать извозчика на желѣзную дорогу.

— Останемся мы безъ квартиры.. Зазимовать намъ на дачѣ...—плакалась жена.

IV.

Около печатнаго ярлыка «Отдаются квартиры», вставленнаго въ деревянную рамку подъ стекломъ и вывѣшеннаго у воротъ дома, сталкиваются два субъекта: полный въ шляпѣ котелкомъ, въ бакенбардахъ, въ пальто-крылаткѣ и въ пенснэ на носу, и тощій, въ свѣтломъ пиджакѣ, въ сѣрой шляпѣ, съ портфелемъ и съ сложенной клеенчатой накидкой, перекинутой черезъ плечо на ремнѣ, и съ бородкой травками. Оба пожилые.

— Боже мой! Кого я вижу! Иванъ Иванычъ!—восклицаетъ субъектъ въ пальто-крылаткѣ.

— Ахъ, Петръ Иванычъ!—откликается субъектъ съ портфелемъ и спрашиваетъ:—Квартиру?...

— Квартиру, чортъ-бы ее побралъ! Пятый день ищу.

— А я такъ ужъ восьмой... И все безъ толку. Каждый день послѣ службы два часа времени употребляю. Да кромѣ того у меня жена черезъ день пріѣзжаетъ съ дачи и ходитъ по городу.

— Ну, а моя жена въ послѣднемъ мѣсяцѣ гуляетъ, такъ ужъ ей не до квартиры.

— Опять?!.

— Что-жъ... Богъ благословляетъ. Пять лѣтъ ничего не было. Думали, что ужъ совсѣмъ покончили, анъ нѣтъ. Вотъ изъ-за этого обстоятельства и перемѣняю квартиру. Тѣсно. Мамка-кормилица понадобится. А вы знаете, что такое мамка? Вѣдь ее кой-куда не положишь.

— Знаю, знаю... Самъ плясалъ подъ мамкину дудку. Захотѣла разъ, чтобы чай ей отъ стола подавали на серебряномъ подносѣ, и нарочно для этого мельхіоровый подносъ купилъ. «А то, говоритъ, уйду»...

— Ну, вотъ видите. А у меня въ дѣтской и такъ три кровати, да четвертая нянькина, такъ ужъ будущаго новорожденнаго съ мамкой и некуда дѣвать. Комната большая, при нуждѣ можно-бы... Но мамка...

— Знаю, знаю.. Самъ собственноручно солдата ея въ казармахъ разыскивалъ и двѣ кумачевыя рубахи ему вручалъ, чтобъ у мамки молоко не пропало.

— А жарища-то! И вдругъ, по этой жарищѣ квартиру искать!

— Каторга. Я считаю, что отысканіе по этакой жарищѣ квартиры—это одна изъ казней египетскихъ.

— Хуже-съ. Танталовы муки. Вотъ вамъ жизнь-то! Служишь, получаешь чины, ордена, а тутъ квартира— и... Тьфу! Наказаніе... И если-бы у меня не кончался срокъ старой квартиры пятнадцатаго Августа...

— И у меня пятнадцатаго Августа. Но вамъ что! Вамъ съ полъ-горя, вы человѣкъ тощій, но намъ, толстякамъ...

— Батенька, я хоть и не толстъ, но у меня ревматизмы въ рукахъ и ногахъ, такъ каково мнѣ по лѣстницамъ-то! Да ежели съ портфелемъ...

— Поручили-бы портфель-то курьеру привезти. Онъ и привезъ-бы вамъ къ подъѣзду.

— Отецъ родной, у насъ только два курьера, и ищутъ квартиру для его превосходительства.

— Ахъ, и онъ перемѣщается?

— Перемѣщается. Квартиры нѣтъ подходящей, и черезъ это золъ, какъ цѣпной песъ. Вѣдь изъ-за этого-то у меня и портфель. Потребовалъ, чтобъ къ завтра одно дѣло... А и дѣло-то не спѣшное. А меня сегодня вечеромъ, какъ на зло, на винтъ звали. Фу!—отдувается тощій субъектъ, выхватываетъ изъ кармана платокъ и, снявъ шляпу, отираетъ со лба и съ лица потоки пота.

— Фу-у-у!—повторяетъ полный субъектъ и, вытащивъ платокъ, тоже отирается.

Пауза.

— Ну, что-жъ, звоните дворника,—говоритъ тощій субъектъ.

— Да я ужъ и то два раза звонилъ, но никакого толку.

— Звоните въ третій разъ. Надо-же дозвониться. Или, наконецъ, обратимся къ швейцару.

— Да вамъ-то собственно что?—спрашиваетъ полный субъектъ.—Я хочу немножко поотдохнуть и поотды-

шаться. Я только что сейчасъ въ домѣ рядомъ три лѣстницы смѣрилъ.

— Какъ, что мнѣ? Тоже квартиру. Будемъ вмѣстѣ смотрѣть.

— Нѣтъ, Иванъ Иванычъ, это неудобно.

— Отчего неудобно?

— Да какъ-же, помилуйте. Я раньше васъ къ этому дому подошелъ. Здѣсь для меня окажется подходящая квартира, а вы у меня ее отобьете.

— Вы раньше сюда подошли, а я нарочно къ этому дому пріѣхалъ, потому что мнѣ нашъ экзекуторъ еще сегодня утромъ на этотъ домъ указалъ. Онъ для своей тещи въ домѣ квартиру смотрѣлъ, но тещѣ его оказалась квартира въ пять комнатъ велика, а мнѣ именно въ пять-то и надо.

— Да и мнѣ въ пять. Нѣтъ, Иванъ Иванычъ, я ужъ прошу васъ отойти и смотрѣть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Помилуйте, что-же это такое! Мучился я, мучился, бродилъ, только набрелъ на подходящее—и вдругъ вы...

— Позвольте... Да, вѣдь, это вашъ экзекуторъ набрелъ вчера, а вовсе не вы... Вы даже не нашего вѣдомства.

— Плевать мнѣ на вашего экзекутора! Что мнѣ вѣдомство! Никакого я экзекутора не знаю и знать не хочу!

Полный субъектъ уже начиналъ горячиться. Тощій субъектъ схватился за ручку колокольчика и изо всей силы сталъ звонить дворника, тоже раздраженно приговаривая:

— Экзекутора можете и не знать, на экзекутора можете плевать, но ежели онъ указалъ на подходящую мнѣ

съ дровами квартиру въ пять комнатъ, то я до тѣхъ поръ не успокоюсь, покуда не осмотрю ее! Да-съ...

— Вы можете послѣ меня смотрѣть.

— Съ какой-же это стати? Лучше ужъ вы послѣ меня ее осмотрите, ежели ужъ на то пошло.

— Но, вѣдь, это-же съ вашей стороны не благородно. Я ужъ стоялъ у дома, когда вы подъѣхали къ нему!—кричалъ полный субъектъ и въ свою очередь сталъ звонить дворника.

— Какое имѣете право, милостивый государь, говорить мнѣ, что я неблагородно поступаю!—тоже возвысилъ голосъ тощій субъектъ.—Мнѣ указали квартиру, а вы сами набрели.

— Скажу больше: свинство!

— А вы нахалъ послѣ этого!

— Что? Что? Повторите!

— Нахалъ! Да-съ... Нахалъ! Я ему изъ учтивости предлагаю вмѣстѣ квартиру посмотрѣть, а онъ эту-же квартиру мнѣ и запрещаетъ смотрѣть! Нахалъ!

— А вы? Вы... мерзавецъ, коли такъ...

— Самъ мерзавецъ! Самъ съѣшь!

У воротъ стоялъ дворникъ безъ шапки съ заспанной рожей и съ всклокоченной головой

— Чего-жъ вы это господа, колокольчики-то рвете? Не стыдно вамъ? Колокольчикъ сейчасъ оборвали,—говорилъ онъ, почесываясь подъ мышками.—Надо чинно, благородно...

— Квартира въ пять комнатъ есть?—быстро спросилъ его полный субъектъ.

— Квартира въ пять комнатъ въ третьемъ этажѣ не сдана еще? Та, которая восемьсотъ сорокъ стоитъ?—въ свою очередь задалъ вопросъ тощій субъектъ.

— Не сдана, не сдана еще. А все-таки проволоку у колокольчика рвать не слѣдъ,—наставительно произнесъ.

— Веди меня! Показывай! — крикнулъ полный субъектъ.

— Пожалуйте, пожалуйте. Вотъ, только ключи у бабы возьму.

Оба—и тощій, и полный субъекты ринулись за дворникомъ подъ ворота. Оттуда доносились ихъ возгласы:

— Нѣтъ, я вамъ не позволю первому смотрѣть!

— Нѣтъ, ошибаетесь. Это я вамъ не позволю первому смотрѣть!

— А вотъ увидимъ чья возьметъ!

— А вотъ поглядимъ! Я себѣ на ногу никому не позволю становиться!

— И я самъ съ усамъ! Будьте покойны!

V.

Къ подъѣзду многоэтажнаго каменнаго дома подъѣхала четырехмѣстная извозчичья карета, въ окнахъ которой виднѣлись кардонки со шляпами, узлы и двѣ клѣтки съ попугаемъ и канарейкой. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, стояла ручная швейная машина. Читавшій на подъѣздѣ газету швейцаръ лѣниво подошелъ къ каретѣ, отворилъ дверцу и сказалъ въ карету:

— Съ пріѣздомъ честь имѣю поздравить.

— Спасибо...—откликнулся изъ кареты женскій голосъ. — Вынимайте, швейцаръ, кардонки и узлы, а то намъ не выйти.

Швейцаръ вынулъ двѣ кардонки и узелъ, и тогда показалась голова кормилицы въ кокошникѣ. На рукахъ кормилицы пищалъ ребенокъ.

— Выходи, мамка,—проговорилъ изъ-за птичьихъ клѣтокъ тотъ-же женскій голосъ.—Только осторожнѣе выходи. Не урони ребенка. Швейцаръ, помогите ей выйти.

Швейцаръ высадилъ кормилицу и принялъ двѣ клѣтки—съ канарейкой и попугаемъ. Показалась фигура молодой дамы, нарядно одѣтой. Рядомъ съ ней сидѣлъ мальчикъ лѣтъ трехъ въ пальто со свѣтлыми пуговками и въ матросской фуражкѣ, и въ рукахъ у него былъ котенокъ.

— Швейцаръ, выньте изъ кареты ребенка, пожалуйста,—продолжала дама.

Швейцаръ вынулъ ребенка, поставилъ его на тротуаръ и покосился на котенка.

Наконецъ, изъ кареты вышла сама дама и за ней выскочилъ прелестный песъ сетеръ, котораго она держала на цѣпочкѣ. Швейцаръ такъ и впился глазами въ собаку.

— Мой мужъ пріѣхалъ уже со службы?—спрашивала дама швейцара.—Мы новые жильцы... Мы съ дачи...

— Понимаемъ, сударыня... Я запомнилъ вашу милость, когда квартиру сдавалъ,—отвѣтилъ швейцаръ, не спуская взора съ собаки.

— Такъ мужъ мой ужъ въ квартирѣ?

— Никакъ нѣтъ еще. Не пожаловали. А вотъ собачка-то...

— Что такое собачка? Что она сдѣлала?

— Да ничего-съ... А только...

— Ну, такъ нечего на нее и смотрѣть такими глазами. Собака, какъ собака. Снимите, пожалуйста, съ козелъ кучера швейную машинку. Только поосторожнѣе.

— Машинку снимемъ. А вотъ насчетъ собаки...

— Иди, мамка... Входи въ подъѣздъ. А тамъ въ тре-

тій этажъ. Володенька, иди за мамкой, а я возьму клѣтку съ канареечкой,—распоряжалась дама, продолжая держать на цѣпочкѣ собаку.—Прислуга наша уже въ квартирѣ?—задала она вопросъ швейцару.

Швейцаръ снялъ швейную машинку и, продолжая смотрѣть на собаку, проговорилъ:

— Въ квартирѣ-то въ квартирѣ, и кухарка и горничная пріѣхали, но съ собачкой я не могу допустить.

— То-есть что такое? Въ чемъ дѣло? Что вы это все: собака, да собака?—недоумѣвала дама.—Дѣлайте ваше дѣло: вносите наверхъ въ квартиру наши вещи или покараульте ихъ здѣсь, а я вышлю сверху прислугу за ними. Да надо съ извозчикомъ разсчитаться. Сейчасъ, извозчикъ... Сейчасъ я вышлю... И за карету, и на чай вышлю... Пойдемъ, Трезоръ.

Дама направилась въ подъѣздъ и потянула за собой собаку, но швейцаръ ухватился за собачью цѣпочку.

— Позвольте, сударыня. У насъ съ собаками нельзя.

— Какъ, нельзя? Что это такое? Эта собака наша... Собака мужа...—удивилась дама.

— Все-равно-съ... У насъ жильцы не имѣютъ права собакъ держать. Ни подъ какимъ даже видомъ... Помилуйте... домъ чистый... лѣстница помпейская... ковры... и все эдакое...—говорилъ швейцаръ.

— Что вы за вздоръ городите! Пустите мою собаку!

Дама дернула за цѣпочку и направилась въ подъѣздъ. Швейцаръ загородилъ ей дорогу.

— Не могу впустить-съ по парадной лѣстницѣ... У насъ даже жильцамъ приказано внизу калоши снимать. Хозяинъ строжайше запретилъ. У насъ даже съ кошками не дозволяется...

Дама остановилась.

— Отчего-же вы, сдавая квартиру, объ этомъ не пре-

дупредили? Если-бы мы знали объ этомъ, мы и квартиру не снимали-бы... А теперь деньги за три мѣсяца впередъ заплочены.

— Не знаю-съ. У насъ объ этомъ даже въ квартирной книжкѣ обозначается.

— Въ книжкѣ? Ну, а мы никакой еще книжки не подписывали. Пустите!

— Не могу пустить, сударыня! У насъ отъ домового хозяина строжайше...

— Плевать мнѣ на вашего хозяина. Вотъ пріѣдетъ мужъ, тогда съ нимъ и разговаривайте. А мнѣ не стоять-же здѣсь на улицѣ съ собакой!

— Въ такомъ разѣ пожалуйте по черной лѣстницѣ. А по парадной я не могу впустить.

— Меня-то? Ко мнѣ-то въ квартиру?

— Точно такъ-съ... За это я буду въ отвѣтѣ. Пожалуйте по черной лѣстницѣ.

На глазахъ дамы показались слезы.

— Ну, хорошо,—сказала она.—Я пойду по черной лѣстницѣ, но вотъ за это-то вы и будете въ большомъ отвѣтѣ, чѣмъ передъ хозяиномъ. Показывайте, гдѣ черная лѣстница.

— А вотъ во дворъ пожалуйте. И сейчасъ направо, первая лѣстница,—проговорилъ швейцаръ.—Вы, сударыня, извините, а по парадной я не имѣю права...

— И пришлите ко мнѣ сейчасъ-же управляющаго домомъ.

— Дама направиласъ къ воротамъ, но швейцаръ ее окликалъ:

— Да вотъ управляющій... Неугодно-ли?

Передъ дамой выросла борода въ пальто и въ фуражкѣ съ кокардой. Борода приподняла фуражку.

— Швейцаръ не пускаетъ меня съ собакой по лѣ-

стницѣ и говоритъ, что жильцамъ здѣшняго дома собакъ держать не дозволяется,—обратилась дама къ управляющему.

— Точно такъ-съ, сударыня. Ни собакъ, ни кошекъ, ни куръ... потому у насъ домъ чистый,—далъ отвѣтъ управляющій.—Такія ужъ правила. У насъ лѣстницы вездѣ помпей. Камины, ковры, статуи... Господинъ Пафнутьевъ, жилецъ изъ пятаго номера, ужъ генералъ, а и то...

— Отчего-же вы при сдачѣ квартиры объ этихъ правилахъ не предупредили?

— Да вѣдь книжки квартирной еще не подписывали, а въ книжкахъ у насъ полностью...

— И не подпишемъ. Деньги съ насъ взяли за три мѣсяца, и мы теперь знать ничего не хотимъ. А за то, что вы меня по парадной лѣстницѣ не пускаете въ мою квартиру, вы отвѣтите. Мужъ такъ это не оставитъ.

Управляющій нѣсколько опѣшилъ.

— Вернитесь. Пожалуйте по парадной... А только съ собаками у насъ жить нельзя,—сказалъ онъ.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—воскликнула дама, направляясь къ парадному подъѣзду.

— Такія правила-съ...—крикнулъ ей вслѣдъ управляющій. Такой уставъ-съ... А въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

— Я въ свой монастырь иду, а не въ вашъ. Если я деньги заплатила, то это мой монастырь,—обернулась дама къ управляющему и затѣмъ вошла въ подъѣздъ.

Швейцаръ втаскивалъ за ней по лѣстницѣ швейную машину и бормоталъ:

— У насъ генеральша Мурлова ужъ какая была собачница, а побилась-побилась да и отдала собакъ. Нѣ-

мецъ въ восьмой номеръ тоже силой въѣхалъ въ квартиру съ кошкой и собакой, а гдѣ теперь кошка, гдѣ собака? Всѣхъ дворники извели, потому—правила.

Дама молчала и не оборачивалась.

VI.

Только что переѣхали съ дачи на зимнюю квартиру въ новый домъ. Комнаты маленькія. Пахнетъ краской, сыростью, стекла въ двойныхъ рамахъ запотѣли. Въ комнатахъ безпорядокъ. Въ гостиной на столѣ стоитъ желѣзное ведро и изъ него выглядываетъ фарфоровая лампа, обложенная сѣномъ. На стульяхъ шторы, обмотанныя шнурками. Изъ свернутаго ковра торчатъ зонтики, трости, складная удочка, собачій арапникъ. Посреди комнаты стоитъ кабинетный рояль, прикрытый двумя байковыми одѣялами. Суетится молодая хозяйка, вынимая изъ корзины посуду, и разставляетъ ее на мебель.

У наружныхъ дверей дребезжащій электрическій звонокъ. Шаговъ прислуги не слышно.

— Даша! Отворите хоть дверь-то!—кричитъ хозяйка горничной.—Вы хоть и отказались отъ мѣста, но сегодня все-таки еще должны служить.

Отвѣта никакого.

Звонокъ повторяется. Хозяйка сама идетъ отворять дверь. Показывается въ дверяхъ мужъ, среднихъ лѣтъ человѣкъ въ очкахъ, въ пальто, въ шляпѣ и съ портфелемъ.

— Здравствуй. Ну, что, благополучно переѣхали?—спрашиваетъ онъ жену и чмокаетъ ее въ щеку.

Жена дѣлаетъ кислую мину.

— Какъ тебѣ сказать...

— А что? Развѣ много мебели поломали?

— Нельзя сказать. Но съ прислугой бѣда...—отвѣчаетъ жена.

— Что такое?

— Горничная отказывается работать. Не хочетъ служить. Требуетъ разсчета. Зачѣмъ, видишь-ли ты, ей отдѣльной комнаты нѣтъ.

— Какъ отдѣльной комнаты? Вѣдь для кухарки съ горничной есть клѣтушечка, отдѣленная отъ кухни. Тамъ двѣ кровати свободно могутъ помѣститься.

— И помѣстились. Но вотъ зачѣмъ она будетъ вмѣстѣ съ кухаркой.

— Не въ спаньѣ дѣло,—слышится изъ другой комнаты голосъ горничной.—Что мнѣ спанье! А придетъ въ гости человѣкъ, такъ его принять некуда, негдѣ кофеемъ напоить.

— Ну, матушка, по нынѣшнимъ квартирнымъ цѣнамъ, если отдѣльную комнату для каждой прислуги имѣть, такъ больно жирно... Лишняя комната въ одно окно, и сейчасъ ужъ на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ квартира дороже,—отвѣчаетъ хозяинъ, снимая съ себя пальто.—Да и квартиръ нѣтъ. Мы ужъ и такъ-то рады радехоньки, что хоть такую-то квартиру нашли.

— А она капризится, фордыбачитъ, — замѣчаетъ жена.

— Молебенъ благодарственный будемъ служить, что хоть такую-то квартиру удалось нанять,—продолжаетъ хозяинъ.— Ты знаешь, Лизочка, эта квартира взята прямо съ боя,—обращается онъ къ женѣ.—Да, съ боя. А то не видать-бы намъ ее какъ своихъ ушей, и должны

были-бы мы остаться на зиму въ дачномъ помѣщенiи въ Лѣсномъ. Я пять рублей лишнихъ домохозяину нанесъ. Пять рублей въ мѣсяцъ. Произошло въ родѣ торговъ.

— Ты разсказывалъ,—вяло бормочетъ жена.

— Такъ вотъ... И когда я вышелъ изъ квартиры домовладѣльца, давъ ему задатокъ, я перекрестился. Нашъ одинъ столоначальникъ въ Царскомъ Селѣ на зиму остался. Нѣтъ квартиръ, нѣтъ и нѣтъ. Даша! Да что-жъ ты не идешь? Возьми-же мое пальто.

— Отказывается работать. И двери не пошла отворять. Посуду не хочетъ со мной разбирать,—сообщаетъ жена.

— И все изъ-за комнаты?

— Все изъ-за комнаты. Разсчитай ты ее пожалуйста скорѣй. Вѣдь это-же несносно. Сколько она мнѣ грубостей надѣлала. Пусть ее уходитъ сейчасъ-же. Что толку въ такой прислугѣ.

— Если такъ, пусть ее убирается.

Мужъ вѣшаетъ на вѣшалку свое пальто. Изъ сосѣдней комнаты доносится:

— Не имѣете права гнать. По закону я имѣю право три дня.

— Да... Но тогда ты эти три дня обязана работать.

— А я работать не желаю.

Мужъ и жена пожимаютъ плечами.

— Что ты подѣлаешь съ нахалкой!—говоритъ мужъ и входитъ изъ прихожей въ комнаты.

— Осторожнѣе въ дверяхъ-то, — замѣчаетъ ему жена.—Двери крашены и еще не высохли. Я ужъ и такъ себѣ плюшевую кофточку замарала.

— Ужасное дѣло съ этой отдѣлкой квартиры!—

вздыхаетъ мужъ.—Три недѣли домовладѣлецъ съ этой отдѣлкой насъ за носъ водилъ.

— Да и по сейчасъ еще не кончено. Въ дѣтской только завтра полъ будутъ второй разъ красить. Въ столовой на обояхъ бордюра еще нѣтъ,—сообщаетъ жена.

— Да неужели? А вѣдь онъ хотѣлъ еще третьяго дня все кончить. Это чортъ знаетъ что такое!—негодуетъ мужъ, останавливается въ гостиной и говоритъ:—Отчего-же рояль посреди комнаты? Отчего ты не велѣла ломовымъ извозчикамъ поставить его прямо къ стѣнѣ?

— Да не устанавливается. Ни къ какой стѣнѣ рояль не устанавливается.

— Вотъ тебѣ здравствуй! Какъ-же намъ быть-то?

— Надо посреди комнаты поставить. Задомъ мы его чуть-чуть примкнемъ къ стѣнѣ... А направо и налѣво по стѣнѣ мебель.

— Вотъ такъ штука!—скоблитъ затылокъ мужъ.—Конечно, это оригинально, съ одной стороны, но съ другой стороны... Комната-то ужъ очень крохотная.

— И кровати наши въ спальнѣ по стѣнѣ не устанавливаются,—сообщаетъ жена.

— Ну-у-у.... Вотъ такъ штука!

— Если дверь въ корридоръ наглухо запереть, то пожалуй...

— Нельзя, душечка, быть безъ выхода въ корридоръ.

— Тогда кровати придется поставить посрединѣ комнаты. А посрединѣ комнаты поставить, то алькова нельзя сдѣлать. Не хватаетъ мѣста. Въ комнатѣ совсѣмъ стѣнъ нѣтъ.

— Мой письменный столъ влѣзъ въ кабинетъ?—спрашиваетъ мужъ.

— Влѣзть-то влѣзъ, но къ окну никакъ не устанавливается. Придется бокомъ...

Изъ сосѣдней комнаты опять раздается голосъ горничной:

— Вотъ въ какую квартиру въѣхали! Не только для прислуги, а и для самихъ-то удобства нѣтъ!

— Молчать! Но буфетъ-то, я надѣюсь, всталъ по стѣнѣ въ столовой?

— Только тогда можетъ встать, если карнизъ у него спилить съ боку. Ужасъ какая квартира!

На глазахъ жены слезы. Мужъ утѣшаетъ ее.

— Ну, спилимъ карнизъ... Эка важность! Спилимъ. Карнизъ съ боку и не нуженъ. Онъ и не замѣтенъ на буфетѣ... Придется онъ къ окну... За то у насъ при этой квартирѣ ужъ что хорошо, такъ это лѣстница! Прелесть что за лѣстница! Коверъ... Каминъ... Швейцаръ... Статуя... Цвѣты...

— А швейцаръ нахалъ. Я давеча иду по лѣстницѣ, а швейцаръ мнѣ: «Калоши извольте снять, сударыня, у насъ коверъ новый»—и загораживаетъ мнѣ дорогу.

— Ну, и ты все-таки не сняла?

— Конечно-же, не сняла. Что-жъ мнѣ въ рукахъ нести калоши что-ли? А онъ мнѣ вслѣдъ: «такъ у насъ, барыня, не дѣлается. Придется домовладѣльцу доложить».

— Ну, что тутъ! Онъ и мнѣ сейчасъ сказалъ: «потрудитесь, баринъ, калоши у меня оставить». А я ему: «дуракъ». Онъ не понимаетъ, кому говоритъ. Вѣдь это относится до постороннихъ посѣтителей, а отнюдь не до квартирантовъ. А онъ дуракъ, прямо дуракъ... Ты не обращай на него вниманія...

Входитъ кухарка.

— Позвольте ужъ и мнѣ, сударыня, отъ васъ уволиться,—говоритъ она.

— Что такое? Ты-то что?—восклицаетъ хозяйка.

— Да гдѣ-же въ такой крохотной комнаткѣ вдвоемъ жить!.. Я про нашу коморку. Конечно, мы прислуга, но тоже люди. Ни комода поставить, ни столика... Я женщина обстоятельная. Ко мнѣ даже чиновникъ одинъ изъ почтана ходитъ... Сегодня я переночую, а завтра пожалуйте разсчетъ.

Кухарка повернулась и вышла изъ комнаты.

КУХАРКИ.

I.

ВЪ МЯСНОЙ ЛАВКѢ.

Утро. Въ мясной лавкѣ тароторятъ другъ съ дружкой о томъ, о семъ кухарки, пришедшія за мясомъ, и, разумѣется, ругаютъ хозяекъ. Мясники въ грязныхъ отъ крови и сала передникахъ рубятъ говядину для покупательницъ. Паренекъ-подростокъ принимаетъ деньги за стойкой и сдаетъ сдачу. Около стойки слышенъ кухарочій возгласъ:

— Пять копеекъ съ тебя, паренекъ... Давай давай... Не зажиливай... Нечего тебѣ хозяина-то своего беречь. Не кумъ онъ тебѣ, ни братъ, ни сватъ. А ужъ кухарки безъ халтуры невозможно...

— Да вѣдь ты вчера двѣнадцать копеекъ не додала,—улыбается мальчикъ подростокъ.

— Вчера одна покупка, а сегодня другая. Вчера отъ рубля двѣнадцать копеекъ, а сегодня пятачокъ отъ полтины. Это на помаду и на кофей. Самъ, вѣдь, знаешь, что такое кухарочное положеніе. Давай, давай. Не стыдись.

— Дѣлать нечего... Получите пятачокъ. А только, какой вы строгой жизни, госпожа кухарочка!

— Будешь съ вами, чертями, строгъ, когда вы правиловъ не знаете! Анисьюшка! Анисья Матвѣевна, го-

лубушка! Здравствуй, мать моя! Какими ты здѣсь, ангелка, судьбами?

— Ззравствуй, Дарья Силантьевна.

Чмокъ, чмокъ—и двѣ кухарки расцѣловались. Одна была черноволосая въ сѣромъ байковомъ платкѣ на головѣ и съ усиками надъ верхней губой, другая—рыжая, скуластая и въ темно-желтомъ платкѣ съ разводами.

— Какимъ это вѣтромъ тебя съ Песковъ-то къ намъ занесло?—повторила вопросъ черная кухарка.

— Да вотъ уже третій день живу здѣсь у васъ на мѣстѣ въ угловомъ домѣ. Мой пострѣлъ сюда перебрался, и я съ стараго мѣста соскочила, чтобъ поближе къ нему быть.

— Подарочекъ-то рождественскій все-таки у хозяекъ слизнула-ли?

— Взяла, взяла. Только подарка и ждала, а то мой пострѣлъ давно уже въ здѣшнихъ мѣстахъ околачивается. Что-жъ послѣ подарка я всѣ святки у нихъ прожила. Я честь-честью.

— Шерстяное платье взяла?

— Шерстяное, и два рубля денегъ на кофей. Я все-таки съ ними по благородному... Я имъ праздники отработала. Гости у нихъ два раза были, такъ я честь честью бламанже даже сдѣлала,—сообщала рыжая кухарка.— Ну, а вотъ здѣшнее-то мѣсто было у меня раньше припасено.

— Не стоитъ баловать-то хозяевъ. И такъ ужъ они... Ну, а я, дѣвушка, также думаю съ мѣста уходить.

— Тоже на другое мѣсто норовишь?

— Нѣтъ, Богъ съ ними, съ мѣстами, покудова. Думаю мѣсяцъ, другой въ своемъ уголкѣ побаловаться.

— Отдохнуть?

— Да чего-жъ мнѣ себя не потѣшить, дѣвушка! Ве-

щи, которыя у меня заложены были, теперь я всѣ выкупила, восемнадцать рублей у меня прикоплено есть, хорошій кусокъ шерстяной матеріи на платье въ сундукѣ лежитъ, на цѣлую подушку я себѣ пера отъ птицы накопила, такъ чего-жъ мнѣ такъ ужъ очень лямку-то по хозяевамъ тянуть! Можно и на своей волѣ пожить. Я всегда такъ... Я семь-восемь мѣсяцевъ на мѣстѣ сижу, а потомъ ужъ мѣстомъ не дорожу. Плевать мнѣ.

— Тебѣ хорошо такъ разсуждать, коли у тебя изверга нѣтъ,—сказала рыжая кухарка.—А поговори-ка ты съ моимъ извергомъ.

— Какъ изверга у меня нѣтъ? Извергъ у меня есть, а только онъ самъ по себѣ и не особенно меня тиранствуетъ.

— Ну, да не вышибаетъ.

— Боже избави! Да я сама ему глаза выцарапаю. Нѣтъ, милушка, онъ слесарь, вагонный слесарь, и иногда по два съ полтиной въ день зарабатываетъ.

— Вотъ, вотъ... Скажи, какая счастливая! А я-то сирота!

— И давно-бы мы съ нимъ, дѣвушка, обзаконились, продолжала черная кухарка:—да у него жена въ деревнѣ есть. Хорошій слесарь. Ну, придетъ, возьметъ иногда на похмелье, а такъ, чтобъ силой вышибать—этого у насъ нѣтъ. Онъ даже, вонъ, въ прошломъ году въ Дарьинъ день мнѣ кофейникъ мѣдный принесъ и чашку расписную... «Вотъ, говоритъ, тебѣ, Дарьюшка, въ день ангела».

— Скажи на милость, какой! Это ужъ, значитъ, человѣкъ обстоятельный! А мой-то, мой-то эѳіопъ какой! На прошлой недѣлѣ, душечка, прямо пришелъ и хорошій платокъ у меня уволокъ.

— Такъ чего-жъ ты такого при себѣ держишь?—спросила черная кухарка.

— Да все думается, что вотъ, вотъ... А только ужъ теперь отъ него и не отбояришься. Нѣтъ, не отбояришься. Онъ на днѣ моря сыщетъ.

— Да какое ужъ тутъ отбояриванье, коли сама къ нему поближе переѣхала.

— Изсушилъ, изсушилъ, тиранъ!—вздохнула рыжая кухарка и даже отерла слезу.—А ты, Дарьюшка, за сколько у господъ живешь?—спросила она.—Не передашь-ли мнѣ свое мѣстечко, коли сбираешься уходить? Можетъ статься, твое-то выгоднѣе.

— За восемь рублей живу, и горячее отсыпное.

— Ну, и я тоже. А я пуще изъ-за помѣщенія думаю уходить. Комнаты мнѣ нѣтъ, и сплю я въ кухнѣ за перегородкой. Придетъ мерзавецъ-то, посидитъ-посидитъ, и некуда его спрятать. Все на юру, все на юру. Войдетъ барыня въ кухню, и онъ передъ ней какъ на ладони.

— У насъ тоже помѣщеніе-то не ахти. Хоть и есть комната, да вмѣстѣ съ горничной.

— Ну, все-таки... Все-таки его можно посадить туда, подлеца, чтобъ передъ хозяйкой-то онъ не торчалъ. Пожалуйста, Дашенька, передай мнѣ это мѣсто, когда уйдешь.

Черная кухарка подумала и отвѣчала:

— Да пожалуй, бери. А только мнѣ еще надо съ барыней поругаться, чтобъ уйти, а то какъ-же...

— Да зачѣмъ-же ругаться-то? Ты честью уходи.

— Неловко, милая.

— Отчего неловко?

— Станетъ уговаривать: «останься, да останься. Чего, молъ тебѣ!» А тутъ сразу... Разругалась—и дѣлу конецъ. «Пожалуйте, сударыня, жалованье и паспортъ». Да ты не бойся. Не долго тебѣ ждать придется. Я скоро... Она ужъ скалыжничать въ провизіи начинаетъ, а я этого терпѣть

не могу. Вчера я беру семь фунтовъ ссѣку и приношу семь, а она въ претензіи, зачѣмъ семь, а не пять. «Я, говоритъ, пять приказывала». А мнѣ, говорю, мясникъ семь отрубилъ». Ну, сейчасъ разговоры, ворчанье. А я этого терпѣть не могу.

— Пожалуйста, ангелка, дай знать, какъ отходить будешь.

— Хорошо, хорошо.

— Ты гдѣ, милая, живешь-то?

— Да вотъ тутъ въ семнадцатомъ номерѣ у доктора.

— А я въ двадцать третьемъ у купца. Купецъ-дровяникъ. Ивановъ... Одинъ только и есть въ домѣ купецъ. Пожалуйста, какъ что—и добѣги.

— Ладно, ладно. Я скоро поругаюсь. Надоѣли, черти... Все гости да гости, и баринъ сталъ самъ провизію покупать. То, тутъ какъ-то, привезъ двѣ пары тетерекъ, и хвастается, что на гривенникъ за штуку дешевле меня купилъ, а то языковъ пару приволокъ. А я этого терпѣть не могу. Не господское это дѣло. Барыня, тутъ, тоже какъ-то по полуящику макаронъ и вермишели купила на сторонѣ. Зачѣмъ кухарку обижать? Это не благородно. Кухарка должна доходъ имѣть... И всѣ это знаютъ. Нѣтъ, я скоро. Чуть только еще что-нибудь сами купятъ—готова карета. Подниму крикъ, что свалыжники, грошовники, что довѣрія ко мнѣ не имѣютъ—и пожалуйте разсчетъ. Ну, прощай, душечка. Мнѣ еще надобно на живорыбный садокъ,—сказала черная кухарка, поцѣловала рыжую и стала уходить.— Приходи кофейку-то попить! Живу у доктора. Семнадцатый номеръ!—крикнула она въ дверяхъ, обертываясь къ рыжей кухаркѣ.

— Зайду, зайду, Дарья Силантьевна,—откликнулась рыжая кухарка.

Передъ ней ужъ стоялъ освободившійся отъ покупатель-

ницъ бородатый приказчикъ съ ножомъ, висящимъ на поясѣ, вопросительно глядѣлъ на нее и спрашивалъ:

— Чѣмъ прикажете васъ, госпожа кухарочка, руководствовать?

II.

ВЪ ГОСТЯХЪ.

Боже мой! Дарьюшка! Какими судьбами?—воскликнула рыжая кухарка въ пестромъ передникѣ, рѣзавшая въ кухнѣ на столѣ говядину и бросившая маленькій кусочекъ большому толстому коту, стоявшему на дыбахъ, мяукавшему и царапавшему ее за платье.

— Да вотъ навѣстить тебя пришла,—проговорила черная кухарка, одѣтая въ праздничный платокъ съ разводами и синее суконное пальто.

— Спасибо, душечка, спасибо.

Чмокъ, чмокъ—и двѣ кухарки расцѣловались.

— На мѣстѣ или безъ мѣста?—просила рыжая кухарка.

— Ушла, ушла. Вотъ уже шестой день, какъ ушла я съ мѣста. Ну ихъ... На своей волѣ, Анисьюшка, теперь живу. Да что! Рай красный увидѣла.

— Еще-бы... Что говорить! Въ подневольномъ житьѣ жить да брань и попреки отъ хозяйки терпѣть, или самой себѣ госпожей жить! А только, что-же ты меня на свое мѣсто не предоставила? Вѣдь обѣщалась.

— И, мать моя! Вѣдь я со скандаломъ ушла. Какъ дѣло дошло до разсчета—«ну, говоритъ, сдавай кухонныя полотенца и передники». Это, то-есть, хозяйка-то. А я ей: «какіе, говорю, передники? Они, говорю, давнымъ давно

износились. Вотъ вамъ рваный фартукъ, что на мнѣ. Его и берите». Сняла съ себя фартукъ и бросила ей. Тутъ и пошло. Слово за слово, и наговорили другъ дружкѣ разныхъ тонкостей и комплиментовъ. Плюнула я, да не простясь и ушла. Такъ какъ-же я могла тебя-то на свое мѣсто предоставить? Да что! Не горюй. Сквалыга она. Изъ-за полотенцевъ скандалъ подняла. А и полотенцевъ-то всего было три. Ну, ужъ и я-жъ ее отчитала! Не скоро забудетъ. Наговорила, напѣла...

— Конечно, ежели куплетовъ разныхъ другъ дружкѣ напѣли, такъ ужъ гдѣ-же тутъ на мѣсто отъ себя ставить. Ну, а послѣ тебя теперь тамъ мѣсто свободное? Ежели свободное, то пошла-бы я хоть отъ себя наниматься или мясника попросила, чтобъ меня рекомендовалъ.

— Гдѣ тутъ свободному быть! Соколъ съ мѣста, а ворона на мѣсто. Какъ только я со двора—сейчасъ-же ей ейная невѣстка кухарку и предоставила.

— Взяли ужъ?

— Взяла, взяла. Я, разумѣется, минуты не осталась, а къ вечеру ей другая кухарка стряпала. А только ужъ и кухарка-же! Чуть не матка изъ фабричной артели. И взялась она, дурища, съ тѣмъ, чтобы, кромѣ кухни, еще двѣ другія комнаты по субботамъ мыть. Значитъ—съ поломойствомъ.

— Оголодавши ужъ очень, что-ли?

— Песъ ее загрызи. Не знаю. А только взялась. Въ двухъ комнатахъ, кромѣ кухни, полы мыть и горничной въ большую стирку въ прачешной помогать.

— Ахъ, батюшки! Еще и въ прачешной помогать!— воскликнула рыжая кухарка.—Да ужъ у насъ на что сквалыжники, а я только кухонныя полотенца да передники съ своимъ бѣльемъ стираю. Ну, садись, милушка, садись,

такъ гостья будешь. Сейчасъ я тебѣ кофейку... Гдѣ-же ты теперь-то живешь, яхонтовая?

— А въ томъ-же домѣ, въ углу, на дворѣ. У сапожника свѣтлый уголъ за три рубля снимаю,—отвѣчала черная кухарка, присаживаясь на табуретку.—И хорошо, и пріятно, и на радость себѣ живу. Кроватку поставила свою, комодикъ, ситцевой занавѣсочкой отгородилась, и чудесно... Вотъ сегодня, не торопясь, въ девять часовъ встала, умылась, Богу помолилась и за кофей сѣла. На три копѣечки сухариковъ, на двѣ копѣечки сливокъ, я и сыта себѣ. А теперь ты покормишь.

— Покормлю, покормлю. Еще-бы не покормить! Я тебѣ даже бифштексъ выкрою, душенька.

— Ну, вотъ видишь. Сегодня ты покормишь, завтра другая кухарка, послѣзавтра третья, я и сыта. А у меня знакомыхъ-то кухарокъ, слава Богу, до Москвы не перевѣшаешь. Сама всѣхъ безмѣстныхъ кормила, такъ ужъ неужто меня-то!.. Вѣдь люди тоже... Такъ вотъ я, милушка, мѣсяца три и отдохну въ своемъ уголкѣ отъ злой неволи.

— А вотъ перво-наперво я тебя кофейкомъ попою,—суетилась рыжая кухарка.—Вѣдь выпьешь, что-ли?

— Отъ денегъ да отъ кофею никто не отказывается. Заваривай.

Рыжая кухарка бросилась къ мѣдному кубу съ кофейникомъ и заговорила:

— Гляжу я на тебя, Дарьюшка, и сердце мое радуется. А я-то, горькая!

— Соблюдай себя, и ты можешь на своей волѣ пожить.

— Да какъ себя соблюдешь, ангелка, коли человѣкъ-то мой, который вокругъ меня, очень несоотвѣтственный! Ты, вотъ, отъ своего сама берешь, а я своему все дай, дай

и дай. Вѣдь, вотъ, и сегодня онъ приходилъ утречкомъ: подай сорокъ копѣекъ на бутылку. Понедѣльникъ у насъ сегодня, такъ онъ узенькое воскресенье справляетъ. Ну, и подавай ему.

— А ты не давай.

— Какъ возможно, умница, не давать! Онъ не уйдетъ, покуда я не дамъ. Смертнымъ боемъ вышибетъ и скандалъ сдѣлаетъ. Заплакала я даве и вынула два двугривенныхъ. Да это еще ничего. Ушелъ онъ. А я глядь, поглядь, шерстяного головного платка нѣтъ. А платокъ новый, восемь гривенъ заплаченъ. Охъ, тяжело такъ жить, коли такое нетечко навяжется!

— Сама себя раба бьетъ, коли плохо жнетъ. Сама-же ты мнѣ разсказывала, что нарочно поближе къ нему мѣсто себѣ искала. Ну, сама себѣ и врагъ лютый.

— Ахъ, милый другъ, да вѣдь девять лѣтъ я съ нимъ, мерзавцемъ, маюсь! Девять лѣтъ. Все нѣтъ, нѣтъ, да и думается: авось, изъ безчувственнаго человѣка чувственный сдѣлается.

— Дождешься, какъ-же!

— А почемъ ты знаешь? Вдругъ на мое счастье? И потомъ я тебѣ прямо скажу: вѣдь онъ холостой, да и я не замужняя, ну, и думается, что вотъ, вотъ законъ принять предложитъ.

— Поди ты! Мужнинъ-то кулакъ, слаще, что-ли?

Рыжая кухарка подумала, улыбнулась и произнесла:

— Ну, какъ возможно! Все-таки пріятнѣе отъ мужа, чѣмъ отъ беззаконника.

— Одинъ вкусъ!—махнула рукой черная кухарка.

— Да вѣдь ты, ангелка, не пробовала. У тебя твой хоть женатый, но на другой женатый, а не тебѣ.

Рыжая кухарка помѣшала въ кофейникѣ заваренный кофе и начала его переливать. Черная разсказывала:

— Вчера на кладбищѣ была. Къ тетенькѣ на могилку ходила. Занесено страсть какъ снѣгомъ. Съ жилицей съ нашей одной ходила. У ней мужу годовой день—ну, а я-то ужъ съ ней за компанію. Ну, дома пирогъ она испекла, бутылочку... ветчинки... пиво было... и честь честью помянули душеньку упокойную. Я-то не знавала его, упокойничка, ну, да такъ ужъ, за компанію. А послѣзавтра у насъ опять пиръ. Портниха, что надъ нами, замужъ выходитъ за ундера изъ окружного суда. Хорошій такой ундеръ, не старый и основательный, сурьезный мужчина. При вѣшалкахъ онъ. Ну, такъ вотъ свадьба. И меня звали. Я даже имъ за милую душу постряпать хочу. Сдѣлаю имъ заливное изъ поросенка, пирогъ съ рисомъ и съ рыбой. Танцы даже будутъ, потому гармониста пригласили.

— Счастливица ты, Дарьюшка!—вздохнула рыжая кухарка.—Сама себѣ госпожа, отдыхаешь.

Кофе былъ сваренъ. Рыжая кухарка налила двѣ чашки и принялась его пить вмѣстѣ съ гостьей. Черная кухарка резонерствовала:

— Наплюй на своего нетечку, прикопи рублей пятнадцать, уйди съ мѣста, и ты такой-же госпожей будешь, какъ я.

ВЪ ХОРОШЕМЪ ТѢЛѢ.

I.

Дѣло было на святкахъ, сейчасъ послѣ новаго года.

Дворникъ Кондратій Ивановъ, осанистый рыжебородый мужикъ среднихъ лѣтъ, грамотный и бывшій солдатъ, только что вернулся изъ трактира, куда ходилъ пить чай съ домовымъ подрядчикомъ-мусорщикомъ изъ подгородныхъ крестьянъ. Въ трактирѣ они просидѣли до самаго закрытія его, то-есть до одиннадцати часовъ ночи, при чемъ подрядчикъ далъ Кондратію Ивановичу три рубля на праздникъ, чтобы Кондратій не притѣснялъ его передъ домохозяиномъ и выгораживалъ за неисправную иногда очистку двора отъ нечистотъ и снѣга. Кондратій требовалъ отъ подрядчика пять рублей, потомъ четыре, но подрядчикъ торговался и далъ только три, угостилъ его водкой, пирогомъ и чаемъ и обѣщался «бабѣ» дворника, то-есть женѣ, привезти, кромѣ того, въ слѣдующій разъ на поклонъ ситцевый платокъ.

Кондратій вернулся домой въ дворницкую трезвый (онъ выпилъ только маленькій «мазурикъ» водки) и въ самомъ благодушномъ настроеніи. Баба его спала вмѣстѣ съ груднымъ ребенкомъ за ситцевой занавѣской, которой былъ отгороженъ уголъ у печки, и онъ слышалъ

ея сопѣніе. По эту сторону занавѣски покоился на ларѣ его подручный Силантій, дальній родственникъ, растянувшись на брюхѣ и уткнувъ лицо въ розовую ситцевую грязную подушку, а на полу лежалъ землякъ Иванъ Бархатовъ, пріѣхавшій въ Питеръ на заработки и пока, до пріисканія мѣста, остановившійся у Кондратья. Бархатовъ спалъ на подосланной рогожѣ, положивъ подъ голову овчинный полушубокъ. Въ дворницкой коптѣла жестяная лампочка съ припущеннымъ огнемъ. Натоплено было страшно. Воздухъ былъ удушливый: пахло людьми, керосиновой копотью, сапожнымъ товаромъ. Послѣ хорошаго воздуха Кондратья ударило этими запахами по носу.

— Вишь, какъ начадили, дуй ихъ горой!—проговорилъ онъ.—И къ чему было убавлять огонь? Хозяйскаго керосина жалко!

Онъ прибавилъ огня и подумалъ:

«А на лѣстницахъ, поди, огонь не потушили. Да и навѣрное не потушили. Спросить надо».

— Эй, Силантій! Ты потушилъ огонь на лѣстницахъ?—толкнулъ онъ въ бокъ спавшаго подручнаго.

Тотъ приподнялся сфинксомъ и посмотрѣлъ на Кондратія заспанными, прищуренными глазами.

— Нѣ... Зачѣмъ-же я буду гасить, коли ты всегда гасишь!—пробормоталъ Силантій и опять уткнулся въ подушку.

— Всегда гасишь! А если я отлучился? Паршивый чортъ! Только-бы дрыхнуть, лѣшему! Наѣлъ голодное-то брюхо послѣ деревни, да и въ лѣнь играетъ.

Кондратій нахлобучилъ шапку на голову и снова вышелъ изъ дворницкой, чтобы погасить лампы на лѣстницахъ. Гася лампы, на одной изъ лѣстницъ онъ встрѣтилъ хмѣльного жильца въ шубѣ, тащившаго къ

себѣ въ квартиру узелъ съ чѣмъ-то, помогъ ему дотащить этотъ узелъ до квартиры и получилъ пятіалтынный на чай.

«Все прибываетъ да прибываетъ къ нашему капиталу», мысленно проговорилъ онъ, сходя съ лѣстницы, и даже самодовольно прищелкнулъ языкомъ. «Съ жильцовъ я получилъ праздничныхъ тридцать девять рублей, съ хозяина пять—сорокъ четыре, маляръ далъ два рубля — сорокъ шесть, печникъ два, мусорщикъ три— пятьдесятъ одинъ. Полсотни рублей и рубль!.. Печникъ-то, подлецъ, мало далъ. Сколько ему съ осени-то работы было! Одна печка съ котлами въ прачешной чего стоитъ! Ну, да я съ него на Пасху... Да... Изъ свѣчной лавки еще... И свѣчникъ за керосинъ всего на все далъ только два рубля. А какъ керосинъ-то вѣситъ, лысый чортъ! А я, вѣдь, и не смотрю, не провѣряю. Пятьдесятъ одинъ и два—пятьдесятъ три. Да такъ, по пятіалтыннымъ да по двугривеннымъ съ комнатныхъ жильцовъ рубля три съ полтиной набралъ—пятьдесятъ шесть. А что истратилъ? Выпита четвертуха на праздникахъ, ну, да закуски хоть на полтину. Пятьдесятъ два, стало быть, чистыхъ у меня отъ праздниковъ осталось. Да раньше въ коробцѣ двадцать шесть прикоплено было. Выходитъ всего семьдесятъ восемь. Въ деревню на работника послано, бабѣ заячья шуба справлена, сапоги есть, у бабы—тоже, на подати послано, паспортъ до Сентября. Все есть, и семьдесятъ восемь рублей чистыхъ, такъ чего-же мнѣ! Какого еще лыски надо? Богатый я мужикъ», закончилъ Кондратій.

На лѣстницѣ Кондратій увидалъ кошку, поднялъ кусокъ валявшагося кирпича и швырнулъ въ нее имъ, крикнувъ:

— Пшш, проклятая! Чужая чья-то забралась.

Онъ вышелъ на дворъ, заглянулъ въ окно нижняго этажа и увидѣлъ пишущую у стола, при свѣтѣ лампы подъ зеленымъ абажуромъ, молодую дѣвушку въ ночной бѣлой кофточкѣ, и проговорилъ:

— Горе... Пишетъ, пишетъ, а никакого толку... Всѣ вечера пишетъ, а вчера прихожу къ ней насчетъ паспорта, а у ней и на больничную марку рубля нѣтъ. Вотъ, говорятъ, что по письменной части лучше, чѣмъ по нашей... Пустое дѣло! И что она изъ себя такое? Ни одеженки на ней настоящей, ни Боже мой! Всякая горничная куда чище ходитъ. А вѣдь, вотъ, эта-то ученая.

Кондратій прошелъ по двору къ воротамъ, вышелъ за ворота, посмотрѣлъ на сосѣдскаго дворника въ тулупѣ и съ мѣдной бляхой и спросилъ его, чтобы что-нибудь спросить:

— Сидишь?

— Сижу.

— Пьяные были?

— Даве городовой давалъ свистокъ, но въ участокъ не водили. Туточный чей-то. Сосѣди его признали и повели. Уши ему потерли—онъ и попрочухался.

— Ну, я спать... Дежурство у насъ завтра съ семи часовъ утра...

Кондратій взглянулъ на виднѣвшуюся за деревяннымъ домомъ главу церкви съ крестомъ, снялъ шапку и сталъ креститься.

Черезъ минуту онъ былъ у себя въ дворницкой. Запахъ человѣкомъ опять ударилъ его по носу. Онъ отворилъ дверь, подержалъ ее немного отворенной и, опять притворивъ, переобулся изъ валенокъ въ старые сапожные опорки. Поставивъ валенки сушить къ печкѣ, онъ взялъ жестяную лампочку, перешагнулъ черезъ спавшаго на полу земляка и зашелъ за занавѣски.

Свѣтъ лампы упалъ на спавшую на кровати жену Кондратья, и она, полуоткрывъ глаза, спросонья заговорила:

— Господи Іисусе! Что это такое!

— Нишкни, нишкни... Это я... Я только въ сундукъ хочу сходить,—сказалъ ей Кондратій, досталъ ключъ, прикрѣпленный у него на пояскѣ, отперъ висячій замокъ и открылъ сундукъ. На внутренней сторонѣ крышки сундука были налѣплены портреты генераловъ, вырѣзанные изъ какого-то иллюстрированнаго журнала, раскрашенная картинка дѣвочки съ котенкомъ на рукахъ, очевидно, съ крышки бонбоньерки. Кондратій, поставивъ лампу на табуретку около сундука, сталъ рыться въ сундукѣ.

Онъ вынулъ изъ сундука, лежавшую сверху, пеструю жилетку съ синими стеклянными пуговицами, затѣмъ новый картузъ, аккуратно сложенный «спинжакъ», запустилъ на дно сундука руки и изъ-подъ ситцевыхъ рубахъ извлекъ жестяную коробку отъ леденцовъ. Открывъ эту коробку, онъ положилъ къ имѣющимся уже тамъ деньгомъ полученнаго отъ мусорщика трехрублевку и сказалъ самъ себѣ вслухъ:

— Семьдесятъ восемь теперь должно быть... Семьдесятъ восемь...

Онъ хотѣлъ уже закрыть коробку, но подумалъ:

«Да такъ-ли? Семьдесятъ-ли восемь? Давай, посчитаю».

И тутъ-же, вынувъ деньги, медленно сталъ считать бумажки, усердно мусоля пальцы. Денегъ онъ, однако, насчиталъ восемьдесятъ одинъ рубль, еще разъ пересчиталъ и задумался.

«Откуда-же еще-то три рубля? Вотъ оказія! Кто-же еще-то далъ мнѣ три рубля? Вотъ это ловко! Неужто

это я отъ кого-нибудь спьяна на праздникахъ?.. Да пьянъ я такъ, чтобы ужъ очень, не былъ».

— Дашь, а Дашь!—крикнулъ онъ было жену свою Дарью, чтобы спросить ее, не помнитъ-ли она что-нибудь объ этихъ трехъ рубляхъ, но тотчасъ-же опомнился и сказалъ себѣ мысленно: «Впрочемъ, что-жъ я! Все наше... А больше, такъ даже лучше».

Закрывъ коробку и запрятавъ ее опять на дно сундука, Кондратій прикрылъ все это жилеткой и пиджакомъ, заперъ сундукъ и задвинулъ его на прежнее мѣсто, бормоча:

— Восемьдесятъ одинъ рубль... Восемьдесятъ одинъ... Кто-бы это далъ мнѣ трешницу? Должно быть, я при получкѣ съ жильцовъ сбился. Генералъ изъ второго номера далъ мнѣ два рубля, чиновница—два, изъ колбасной лавки два... Рубль... полтора... рубль...

Онъ перебиралъ по пальцамъ, но сбился, зѣвнулъ и сбросилъ съ ногъ опорки.

Черезъ пять минутъ онъ лежалъ около жены на кровати, обернувшись къ ней спиной и мечталъ:

«Какъ до двухсотъ рублей къ будущей зимѣ накоплю—сейчасъ-же себѣ енотовую шубу сошью—и знай нашихъ!»

II.

ДВОРНИКУ Кондратью не спалось. Онъ лежалъ съ открытыми глазами, щурясь на свѣтъ лампочки, и слышалъ, какъ шелестятъ полужесткими крылышками черные тараканы, собравшіеся около водопроводнаго крана, какъ попискиваетъ сверчокъ за печкой, пріютившійся на сыромъ, принесенномъ изъ бани, вѣникѣ,

какъ сопитъ лежащая рядомъ съ нимъ жена, какъ чмокаетъ во снѣ губами грудной ребенокъ, какъ тикаютъ дешевые московскіе часы съ мѣшкомъ песку вмѣсто гири, какъ по временамъ всхрапываетъ его подручный Силантій, какъ бредитъ во снѣ землякъ, растянувшійся на полу на рогожѣ. Землякъ бредилъ какой-то телкой, раза три произнеся мысленно: «телка, лѣтошняя телка, Мартыхина телка». Кондратій улыбнулся и произнесъ мысленно:

«Нѣтъ, ужъ мы какъ шубу енотовую себѣ сошьемъ, о телкѣ мечтать не будемъ. Что намъ тогда телка? Опитеримся хорошенько, такъ плевать намъ и на деревню. Матушка помретъ, такъ зачѣмъ намъ деревня? Неужто я буду брату семьдесятъ рублей на работника въ деревню высылать? Лучше эти деньги здѣсь... Здѣсь онѣ въ лучшемъ видѣ пригодятся. Запишусь въ мѣщане, да и шабашъ. А братъ какъ знаетъ».

«Пальто надо еще себѣ къ веснѣ сшить суконное съ костяными пуговицами», мелькнуло у него въ головѣ. «А пальто-то я могу сшить не на эти деньги, что въ сундукѣ лежатъ, а на тѣ праздничныя, которыя получу на Пасхѣ. На Пасху тоже хорошо даютъ жильцы. Да и съ подрядчиковъ урву. Съ керосина урву, съ водопроводчика урву. А послѣ Пасхи ремонтъ по дому начнется. Опять подрядчики. Сегодня хозяинъ маляру говорилъ, что лѣтомъ домъ будетъ красить. Съ дома ужъ мнѣ маляръ долженъ дать основательно. А то ужасно мало даетъ. За домъ десять рублей долженъ дать. Меньше не возьму, потому и домъ, и крышу будутъ красить. А на крышѣ мой надсмотръ. Хозяинъ на крышу не полѣзетъ окраску смотрѣть. Шутка-ли, сколько маляръ тутъ барыша возьметъ! Нѣтъ, братъ, дѣлись... Дѣлись съ дворникомъ, коли хорошо хочешь наживать. Дворникъ тебѣ

мирволитъ, ремонтъ твой передъ хозяиномъ не хаитъ, лишнее позволяетъ къ счету приписывать, такъ ты и дѣлись. Лѣтось въ окнахъ переплеты въ семнадцатомъ номерѣ, ей-ей, только по разу онъ краской помазалъ, а въ счетъ поставилъ, что два раза. А я молчокъ... Вотъ и дай за молчокъ. Двери тоже по одному разу... А что далъ дворнику? Лѣтомъ пятерку, да вотъ на новый годъ два рубля... Нѣтъ, я такъ разсуждаю, что и десять-то рублей нынче лѣтомъ съ него будетъ дешево взять. И съ кровельщика возьму лѣтомъ. А то, что онъ за святой? Вотъ рабочіе его ужъ сбрасывали снѣгъ съ крышъ, а что онъ мнѣ далъ? А нынче лѣтомъ передъ окраской будетъ починка крыши. Съ кровельщика тоже пятерку. Непремѣнно пятерку... Потомъ плотникъ... Хозяинъ говорилъ, что въ подвалѣ полы перестилать будемъ. Вотъ съ лѣсного двора я ничего не получилъ. Надо-бы сходить на лѣсной дворъ, гдѣ мы лѣсъ для ремонта беремъ. Должны дворнику дать. Беремъ со двора лѣсу не мало».

«Нѣтъ, я такъ разсуждаю, что если праздничныя на Пасху, да ремонтъ, то я хоть и пальто себѣ къ веснѣ сдѣлаю, къ осени я все равно съ шубой. Ну, хоть не енотовую, такъ лисью справлю. А какъ пальто новое да шубу себѣ справлю, я ужъ и дровъ жильцамъ таскать не стану. Ну ихъ... Надо тогда быть ужъ настоящимъ старшимъ дворникомъ. Домовыя книги, участокъ, паспорты, а остальное наплевать. Подручные пусть дрова таскаютъ и мусоръ выносятъ. Силантій говоритъ, что ему и теперь одному трудно—ну, тогда другого подручнаго возьмемъ. А то дворникъ при хорошей шубѣ, да вдругъ съ дровами или, еще того хуже, съ бадейками помоевъ на коромыслѣ! Не фасонъ!... И при серебряной цѣпочкѣ, и при серебряныхъ часахъ ужъ не фасонъ, а тутъ еще при шубѣ!»

Кондратій крякнулъ и закинулъ руки за голову.

«Хозяинъ нашъ сквалыга, а то въ другихъ-то домахъ развѣ такъ дворники наживаются!» мысленно проговорилъ онъ. «Вотъ тоже насчетъ собаки... Вездѣ по домамъ, коли ежели при домѣ есть собака, положеніе три рубля въ мѣсяцъ на прокормъ, а онъ ничего не даетъ. «Она, говоритъ, отъ жилецкихъ кухарокъ сыта». Насчетъ песку для посыпки тротуаровъ тоже скупъ. Охъ, какъ скупъ! А вѣдь отъ каждаго воза песку у дворника всегда долженъ четвертакъ къ пальцамъ прилипнуть. Надо будетъ завтра сказать ему, что у насъ песокъ на исходѣ и что намъ пять-шесть возовъ непремѣнно нужно. Нынче я вотъ какъ это дѣло сдѣлаю. Пускай нашъ мусорщикъ привезетъ намъ пять возовъ песку, а я хозяину скажу, что онъ семь привезъ. Нужно только сказать ему, чтобы онъ ночью или рано утромъ возилъ, пока хозяинъ спитъ. Въ сарайчикъ-то какъ свалимъ его, такъ пусть хозяинъ усчитываетъ, сколько возовъ привезли. Много усчитаешь! Глины печной намъ тоже нужно. Глины пусть два воза привезетъ, а скажетъ три».

— Охъ, грѣхи, грѣхи!—со вздохомъ тихо проговорилъ Кондратій и мысленно прибавилъ: «Впрочемъ, всѣ мы люди—человѣки и во грѣхахъ рождены».

«А хозяинъ нашъ нешто не надуваетъ кого-нибудь? Въ лучшемъ видѣ надуваетъ, и такъ ужъ это все устроено, что одинъ отъ другого тщетится».

— Помилуй насъ грѣшныхъ, Господи Іисусе!—проговорилъ Кондратій вслухъ, зѣвнулъ и перекрестился.

Сонъ началъ уже смыкать его вѣжды, но мечты все-таки обуревали его.

«А лѣтомъ можно будетъ для жены лавченку какую-нибудь въ заборѣ открыть», мечталъ Кондратій. «Баба все равно зря мотается, такъ пусть яйцами, печенкой да

колбасой торгуетъ По крайности при дѣлѣ будетъ и мужу отъ нея подмога станетъ. Право слово, открою ей лавченку. Чего тутъ! Вотъ у сапожника съ нашего двора тетка печенкой, рубцомъ и картофелемъ около винной лавки торгуетъ изъ корзинки и хвастается, что барыша менѣе полтины домой не приноситъ. Хвастается, что стаканъ даетъ для выпивки изъ казенной посуды, такъ и отъ стакана гривенникъ въ день выручаетъ. Такъ, вѣдь, торгуетъ сапожникова-то тетка изъ корзинки... А я лавочку въ заборѣ для жены лажу открыть. Пряники заведемъ... яблоки, апельсины, лимоны, яйца въ крутую... спички... Папиросы даже можно. Право слово, можно».

«Она въ лавочкѣ, а я чистякъ—дворникъ по своимъ дѣламъ. Вдвоемъ будемъ наколачивать. И жизнь будетъ хорошая».

Кондратій улыбнулся и сталъ засыпать.

«Хорошая»... пронеслось еще разъ въ его мозгу. Потомъ почему-то представились бутылки съ пивомъ, портерная, трактиръ съ расписными обоями, чашки съ цвѣтами и позолотой, затѣмъ замелькало передъ глазами что-то радужное и онъ заснулъ.

ОКОЛО ЖЕНИХОВЪ.

I.

По галлереѣ рынка, около лавокъ выступаетъ маленькими шажками пожилая, но еще красивая женщина въ козровомъ платкѣ на головѣ и въ черномъ суконномъ пальто съ собольимъ воротникомъ. Стоящіе на порогахъ лавокъ приказчики всѣхъ торговъ и хозяйскіе сынки такъ и козыряютъ ей, раскланиваясь и выкрикивая на всѣ лады ея имя:

— Арина Тимофеевна, здравствуй! Аринѣ Тимофеевнѣ почтеніе! Здорова-ли сердцемъ, Арина Тимофеевна?

А она важно идетъ впередъ, головой киваетъ и улыбается.

Кто-то изъ приказчиковъ бакалейнаго торга остановилъ ее и спрашиваетъ:

— Какіе товары есть? Хвастай... Красная горка не за горами...

— Да для тебя никакихъ товаровъ нѣтъ. Какіе такіе тебѣ товары, коли у тебя двое ребятишекъ отъ папиросницы на сторонѣ имѣются,—отвѣчаетъ Арина Тимофеевна.—Я женщина честная. Съ какой-же мнѣ стати дѣвушку-то загубить!

Приказчикъ нѣсколько смущается.

— О? А тебѣ ворона на хвостѣ эти извѣстія-то принесла, что-ли?—говоритъ онъ.

— Зачѣмъ ворона? Я, милый мой, весь вашъ рынокъ насквозь знаю. Всѣ здѣшніе приказчики и хозяйскіе сынки у меня вотъ какъ на ладони и вся мнѣ ихъ подноготная извѣстна. Такъ и про тебя, непутеваго.

— Будто? Ужъ и непутеваго!

— Да ужъ правильно. Ты свой товаръ знаешь въ лавкѣ, а вы, приказчики, для меня такой-же товаръ, потому я этимъ дѣломъ занимаюсь. Ты лучше свой грѣхъ съ папиросницей-то прикрой на Красную горку.

— О? А тебѣ какая забота? А я вотъ хочу съ папиросницей прикончить и тыщенку-другую за настоящей невѣстой клюнуть, чтобы въ люди выйти. Сватай.

— Полно тебѣ. Не прикончишь. Далеко зашло. Да и что я за ворогъ лютый, что буду женщину съ дѣтьми обижать! За что? Да и передъ моимъ товаромъ совѣстно... Я про женскій товаръ... Я за тебя товаръ высватаю, а папиросница твоя въ церковь придетъ, да скандалъ надѣлаетъ, а то и вѣнчанье остановитъ. Нѣтъ, ужъ ты веди себя безъ сватовства хорошенько. Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Прощай.

Женщина протянула ему руку, улыбнулась и пошла дальше.

Вотъ молодой франтикъ изъ хозяйскихъ сынковъ съ закрученными усиками, въ бобровой шапкѣ и въ пальто съ бобровымъ воротникомъ.

— Аринѣ Тимофеевнѣ...—раскланивается онъ, улыбаясь и приподнимая шапку.

Женщина останавливается.

— Ну, что? Все еще холостымъ бѣгаешь? Не пріялъ кончину праведную?—спрашиваетъ она и сама отвѣчаетъ:—Больно разборчивъ, милый.

— Давай двадцать пять тысячъ чистогану—на Красную горку и кончину приму,—отвѣчаетъ франтикъ.

— Да вѣдь тебѣ двадцать двѣ давали.

— Давали, да съ тряпками. А мнѣ тряпки тряпками, а двадцать пять на бочку—вотъ какъ я хочу.

— Дорого берешь, домой не донесешь.

— Отчего?

— Оттого, что купцу по нынѣшнимъ временамъ такихъ денегъ не дадутъ. Такія деньги за невѣстой развѣ доктору съ хорошей практикой взять, или инженеру при постройкахъ—вотъ это такъ.

— Доктору... Инженеру... А чѣмъ-же купецъ-то хуже? Ты мнѣ невѣсту изъ купеческаго быта и подавай.

— Я про купеческій бытъ и говорю. По нынѣшнимъ временамъ невѣсты изъ купеческаго быта раскусили, что купецъ, хоть и богатый, хуже доктора или инженера.

— Да почему?

— Будто ты не знаешь! У тебя своя купеческая родня есть. Купецъ на рискъ свое дѣло ведетъ, онъ обанкрутиться можетъ и въ праздношатающуюся команду попасть, потому его послѣ хозяйствованія даже и въ приказчики не возьмутъ, а докторъ или инженеръ—никогда.

— Вотъ какой анахронизмъ! Такъ....

— Кромѣ того, докторъ или инженеръ благородные. Они въ большіе чины могутъ выйти, а при нихъ и супруга будетъ вашимъ превосходительствомъ. Купеческія невѣсты все это очень чудесно понимаютъ, а ихъ папеньки съ маменьками еще того лучше.

— Анахронизмъ, совсѣмъ анахронизмъ... А не считаютъ они, что инженеръ за хапанцы подъ судъ можетъ попасть?

— Ну, инженеръ еще туда-сюда. А доктору съ практикой по нынѣшнимъ временамъ большая цѣна.

— Если не врешь, то правду говоришь.

— Да что ты притворяешься-то, молодецъ! Ты вѣдь самъ знаешь, что доктора да архитектора вашему брату, купцу, дорогу загораживаютъ. Еще недавно я одному доктору сироту-трактирщицу съ пятьюдесятью тысячами высватала. Теперь трактирщица-то ваше превосходительство. Женился онъ — былъ полугенераломъ, а теперь въ настоящіе генералы вышелъ. Да... Хорошіе архитекторы теперь у купцовъ тоже въ цѣнѣ...—продолжала женщина.— Здорово также можетъ клюнуть при женитьбѣ и желѣзнодорожный человѣкъ, ежели онъ при участкѣ состоитъ.

— Ну, желѣзнодорожные-то нынче тоже, ой-ой, какъ верхнимъ концомъ да внизъ летятъ!

— Врешь. Желѣзнодорожный человѣкъ хоть и полетитъ кверху тормашками съ хорошаго мѣста—все-таки онъ при капиталѣ останется. Понятное дѣло, я не о начальникахъ станцій говорю и не о контролерахъ—этимъ цѣна небольшая; но и на этихъ у меня невѣсты больше зарятся, чѣмъ на купцовъ. Некрупнымъ кускамъ, дѣвочкамъ въ пять, шесть, семь тысячъ, только подавай такихъ. А купеческая дѣвочка съ тридцатью, сорока тысячами, такъ она на купца-то и не взглянетъ. Ты ей о купцѣ-то и не заикайся,—фыркаетъ. Трактирщицы фыркаютъ— вотъ какіе времена пришли.

— Кажется, врешь, баба...—покачалъ головой франтикъ.

— Погоди...—тронула его за плечо женщина.—Вѣдь у тебя сестры есть?

— Есть пара. Одна-то еще махонькая, а другая...

— Знаю, знаю. Я вѣдь ей купцовъ предлагала.

— Ну, какихъ ты предлагала!

— Глядя по куску. Вѣдь и кусокъ она не великъ: при десяти тысячахъ съ тряпками. А вотъ спроси ее, на

кого она охотится? Также спроси и папеньку съ маменькой.

— Да мнѣ это извѣстно. Я вижу, что у насъ студента-технолога прикармливаютъ.

— Такъ вотъ видишь.

— Позволь. На десять тысячъ купца хорошаго трудно поймать, но я другой коленкоръ. Я одинъ сынъ у отца и при фирмѣ.

— Ну, и что-жъ изъ этого? Только что при фирмѣ, а у самого у тебя на рукахъ ничего нѣтъ. Изъ отцовскихъ рукъ глядишь. Нѣтъ, купцы нынѣ не въ цѣнѣ, купцамъ нынче та-же цѣна, что и чиновникамъ. Нынче конторщикъ изъ страхового общества или изъ банка больше цѣнится, чѣмъ чиновникъ и мелкій купецъ. А офицеръ—ни по чемъ не идетъ. Я ужъ не берусь сватать.

— Ну, что офицеръ!

— А я вотъ что тебѣ про тебя скажу. Только ты не сбидься на мои слова. Ты дуракъ былъ, что двадцать-то двѣ тысячи не взялъ.

— Да вѣдь съ тряпками и мѣховыми вещами. Какая ты чудачка!

— Все равно, дуракъ.

— Погожу. Авось, побольше наклюнется. Куда торопиться! Надъ нами не каплетъ.

— Нѣтъ, каплетъ. Теперь такъ пошло, что чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Твой-то двадцатидвухтысячный кусокъ за гражданскаго инженера вылетѣлъ, а тотъ при хорошемъ казенномъ мѣстѣ, да постройки на сторонѣ имѣетъ. А тебѣ... Тебѣ теперь и въ пятнадцать тысячъ куска не найти.

— Ну, ты говорить говори, да не заговаривайся!

— Вѣрно я... Чѣмъ дальше, тѣмъ для купца хуже.

Всѣ ужъ раскусили и понимаютъ. Скажу прямо, и въ двѣнадцать тысячъ тебѣ трудно кусокъ выклюнуть.

Франтикъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Поживемъ—увидимъ. Питеръ не клиномъ сошелся. Да, наконецъ, можно и въ окрестностяхъ пошарить. Тамъ народъ еще не очень умудрился.

— Ну, прощай! Дай Богъ тебѣ счастливо по окрестностямъ пошарить!—насмѣшливо сказала женщина, протянула ему руку и пошла маленькими шажками дальше.

II.

Около рыбной лавки свахѣ кланяется другой молодой приказчикъ въ передникѣ поверхъ бараньей чуйки и въ картузѣ.

— Арина Тимофѣевна! Салфетъ вашей милости! Красота вашей чести...—говоритъ онъ.

— Ты кто такой? Что-то не припомню я тебя,—отвѣчаетъ она, щурясь.

— Что вы, что вы... А у Ивана Назарыча Муходавлева на свадьбѣ-то... Вѣдь вы ему невѣсту сватали... Неужто не припомните?

— Какъ не помнить Муходавлева! Очень чудесно помню Муходавлева. Обѣщался мнѣ куную муфту подарить, а вмѣсто оной бѣличью всучилъ, да и насчетъ денежной милости, когда до разсчета дѣло дошло, такъ сунулъ мнѣ красненькую и на порогъ указалъ, а допрежъ того за сватовство горы сулилъ.

Приказчикъ нѣсколько смутился.

— Не знаю-съ...—пробормоталъ онъ.—А между прочимъ, Муходавлевъ мнѣ такія слова сказалъ: «послѣ всего

снаго происшествія я ей сотенную бумажку вынулъ». Это вамъ, то-есть...

— Плюнь ему отъ меня въ глаза его безстыжіе, милый человѣкъ, — вотъ что я тебѣ скажу. Такъ-таки и плюнь.

— Позвольте, тетенька... Онъ мнѣ братанъ двоюродный приходится.

— Тѣмъ лучше. По крайности, по-родственному плюнешь.

— Ахъ, какой пассажъ неожиданный! А вѣдь я у него былъ дружкой. Да неужто вы меня-то не припомните? Когда я пріѣзжалъ за невѣстиной периной и вся ваша дамская команда подгулявши была, вы мнѣ изъ-за моей трезвости бокалъ донского за шиворотъ вылили.

— Мало-ли что, другъ мой, не въ своемъ видѣ дѣлаешь.. Самъ знаешь, что баба на грошъ выпьетъ, такъ на рубль веревокъ потребуется, чтобъ угомонить ее.

— Зачѣмъ-же такъ? Это были шутки съ вашей стороны, и намъ было очень пріятно.

— Не помню тебя, не помню. Такъ что-жъ тебѣ надо, молодецъ?—спросила сваха.

Юный приказчикъ снова поклонился и отвѣчалъ:

— Къ великой искусницѣ всѣхъ свадебныхъ дѣлъ обращаемся, такъ ужъ, знамо дѣло, пятидюймовыхъ гвоздей просить не будемъ, а будемъ просить того, чему вы самая лучшая специвалистка. Жребія солдатскаго я не вынулъ, свободный человѣкъ, такъ примите меня подъ свое покровительство, Арина Тимофеевна. Я хоть двоюродный братъ Муходавлева, а по его поступкамъ поступать не буду. Мы даже впередъ хорошимъ шелковымъ платкомъ поклонимся и будетъ оное происшествіе какъ-бы въ задатокъ вамъ.

— Невѣсту, стало быть, просишь посватать?

— Точно такъ-съ. Оное руководство и есть. Явите божескую милость и поруководствуйте въ ономъ происшествіи. А что до братана, то я ему скажу, что это даже очень низко такъ почтенную даму обижать, что вдругъ вмѣсто куницы бѣлку...

— У насъ, братъ, такъ всегда: тонешь, такъ топоръ сулишь, а вытянутъ, такъ топорища жаль. Только на посулѣ, какъ на стулѣ..

— А вотъ ужь въ нашихъ мысляхъ воображеніе совсѣмъ другое. Да я-бы, кажется, такую даму, какъ вы...

— Ну, ну, ну... Оставь.,. Всѣ вы передъ свадьбой какъ разглагольствуете,—перебила его сваха.—Всѣ. И ты не святой...

— Кланяюсь еще разъ. Человѣкъ я теперь свободный, какъ птица. Солдатомъ не буду. Такіе люди, Арина Тимофеевна, теперь въ цѣнѣ.

— Въ цѣнѣ-то въ цѣнѣ, да только не изъ приказчиковъ, а изъ хозяйскихъ дѣтей. Вѣдь ты въ приказчикахъ служишь?

— То-есть, я больше у моего дяденьки въ племянникахъ, такъ какъ хозяинъ нашъ двоюроднымъ дядей мнѣ приходится, но имѣю уже сдающуюся лавку на примѣтѣ, и ежели при вашемъ руководствѣ доброму дѣлу быть, при хорошей невѣстѣ съ приданымъ, то сейчасъ-же хозяиномъ сдѣлаться можно.

— Такъ, вѣдь, это на женины деньги.

— Точно такъ-съ... Но вѣдь и братанъ мой, Муходавлевъ, такимъ-же порядкомъ съ вашего руководства... Хозяевами, Арина Тимофеевна, никто не родится. И Муходавлевъ точно также...

— Не говори ты мнѣ о Муходавлевѣ! Слышать я о немъ, подлецѣ, не могу!—перебила его сваха.

— Пардонъ-съ. Какъ учтивый кавалеръ, передъ да-

мой молчу. Теперь мнѣ остается только кланяться. Помогите, Арина Тимофеевна. Заставьте за васъ вѣкъ Бога молить. Немногаго прошу. Намъ ежели-бы пятокъ тысячъ чистогану, да на три тряпокъ, такъ съ насъ и довольно. Люди маленькіе.

— Вишь, у тебя губа-то не дура! А у тебя у самого-то много-ли?—вотъ что ты мнѣ скажи. Много у тебя спереди, сзади и съ боковъ?

— Тетенька есть съ домомъ на Лиговкѣ, и какъ только имъ ихъ смертность придетъ...

— Ну, это пока капиталъ не великъ и, по нашему, буки называется.

— Обѣщали подмогу въ тысячу рублей. «Ты, говоритъ, мнѣ вексель на двойную сумму дашь, а какъ женишься, то и отдай тысячу съ законными процентами. Да и такъ-съ... Неужто ужъ мнѣ самому никакой цѣны нѣтъ?

— Какая-же цѣна щелкоперу!

— Позвольте-съ... Во-первыхъ я личность не пьянственная, у хозяина съ мальчиковъ живу, четвертый годъ при жалованьѣ, всегда чисто одѣмшись и за хозяиномъ триста рублей имѣю... То есть, за дяденькой... Вотъ, изволъте посмотрѣть, какіе часы съ цѣпочкой себѣ скопировалъ отъ трудовъ моихъ праведныхъ. На тринадцати камняхъ ходятъ. Опять-же и физіономія личности у насъ не богопротивная. Явите, Арина Тимофеевна, божескую милость!

Юный приказчикъ снялъ шапку и снова поклонился.

— Да ладно, ладно...—сказала сваха.

— Такъ позвольте къ вамъ зайти въ воскресенье во время обѣдни и узнать, какой каталогъ у васъ есть на оные предметы. А послѣ Пасхи, если пожелаете меня облагодѣтельствовать, то можно и свадьбу сыграть.

— Заходи, заходи. Можетъ быть, что-нибудь и най-

дется на твою руку. Только ужъ теперь я не буду такъ глупа, какъ тогда съ Муходавлевымъ.

— И я не хочу васъ съ сумнѣніе вводить. Какъ только Богу помолимся съ невѣстой—сейчасъ вамъ отъ меня платокъ шелковый и пятьдесятъ рублей въ руки. Къ вѣнцу поѣдемъ—истинникъ отъ родителей невѣсты въ карманъ, а вамъ второе происшествіе въ пятьдесятъ рублей въ руки. А на свадебномъ пиру ваше здоровье будемъ пить наравнѣ съ родственниками. На другой-же день—куню муфту, которую Муходавлевъ не додалъ. Не ко времени мѣховые-то дары,—ну, да ужъ надо вашу обиду утѣшить.

— Ой, надуешь! Никому я нынче не буду вѣрить въ посулы послѣ свадьбы!—воскликнула сваха.

— Тогда возьмите съ меня росписку, что вотъ, такъ и такъ, обязуюсь послѣ свадьбы съ дѣвицей такой-то куню муфту...—предложилъ приказчикъ.

— Ну, пожалуй. А только въ это воскресенье ко мнѣ лучше не заходи. Я вотъ теперь сообразила, и оказывается, что невѣсты-то пока на твою цѣну нѣтъ.

— Поразнюхайте тогда къ слѣдующему воскресенью.

— А мнѣ къ тебѣ на квартиру пріити нельзя?

— Неловко-съ. Хозяинъ этого не любитъ. Да и здѣсь въ рынкѣ будетъ неудобно разговоры съ вами разсыпать, потому, хорошо, что теперь въ лавкѣ дяденьки нѣтъ, а случись онъ тутъ—я и разговаривать съ вами не могу. Можетъ выйти большое междометіе. Человѣкъ онъ подчасъ дикій...

— Ну, тогда черезъ воскресенье ко мнѣ... Квартиру мою, вѣдь, знаешь.

— Да какъ-же не знать-то! Вѣдь я по дѣлу Муходавлева два раза къ вамъ бѣгалъ.

— Только съ пустыми руками и на этотъ разъ не

приходи. Я не люблю пустыхъ рукъ. Приходи съ гостинцемъ. Ну, пастилы, пряниковъ, апельсиновъ...

— Насчетъ этого дѣла будьте покойны. Я не сквалыжникъ.

— Ну, вотъ. А я тебя кофейкомъ попою. Да тебѣ, можетъ, и трехтысячную невѣсту довольно?

— Маловато, Арина Тимофеевна.

— Сирота есть съ тремя тысячами. Другіе любятъ сиротъ.

— Сирота хуже, Арина Тимофеевна. У сироты напредки ничего быть не можетъ, а намъ такъ, чтобы и послѣ родительской смерти имѣть упованіе.

— Вишь, какъ разсуждаешь! Ну, прощай.

— Нельзя иначе, Арина Тимофеевна, человѣкъ я торговый. Желаю вамъ всего хорошаго.

Эти слова молодой приказчикъ крикнулъ ужъ вслѣдъ свахѣ.

ХРИСТОСЛАВЫ.

РАЗА два просыпался Никитка въ долгую Рождественскую ночь, будилъ спавшую съ нимъ на кровати мать и спрашивалъ съ тревогой:

— Мама, не пора-ли? Кажется, пора ужъ идти?

— Фу, Боже мой! Что такое? Что ты меня теребишь?—спросонокъ бормотала мать.

— Не пора-ли идти Христа славить...—повторялъ Никитка.

— Какое теперь славленіе, ежели еще и пѣтухи не пѣли. Спи!

Никитка заснулъ, но черезъ нѣсколько времени опять проснулся и опять тронулъ мать за бокъ.

— Мама! А мама! Я встану. Акинфьевна ужъ копошится въ своемъ углу, должно быть сбирается въ церковь.

— Вотъ мальчишка-то неугомонный! И чего ты меня будишь, подлецъ!

— Акинфьевна ужъ встала. Я пойду Христа славить.

— Ну, куда ты теперь пойдешь? Все еще заперто. Всѣ спятъ. Акинфьевна вѣдь сбирается къ заутрени, а тебѣ ежели сейчасъ послѣ ранней обѣдни—и то будетъ въ самый разъ. Спи.

Никитка лежалъ, но заснуть сразу не могъ. До подвала, гдѣ онъ квартировалъ съ своей матерью, прачкой, доно-

сился слабый звонъ колокола приходской церкви. Акинфьевна, старуха, занимавшая въ томъ-же подвалѣ уголъ, отгороженный ситцевой занавѣской, продолжала копошиться, и вскорѣ за ситцемъ занавѣски показался свѣтъ ея маленькой керосиновой лампочки.

— Который теперь часъ, бабушка? — спросилъ ее Никитка.

— Спи, спи. Еще рано. Пятый часъ. Слышишь, къ заутрени звонятъ...—прошамкала старуха.

Вскорѣ старуха вышла изъ-за занавѣски уже одѣтою въ ветхую заячью кацевейку и въ платкѣ на головѣ, держа въ рукѣ жестяную лампочку и освѣщая себѣ путь.

— Я, бабушка, Христа славить сбираюсь,—сказалъ ей Никитка.—Вотъ изъ-за чего проснулся.

— Рано еще. Какое теперь славленье! Кто не у заутрени, тотъ спитъ.

Старуха ушла. Въ подвалѣ опять воцарилась темнота. Никитка лежалъ около матери съ открытыми глазами и думалъ:

«Ежели мы съ Давыдкой за славленье рубль наберемъ—сейчасъ себѣ салазки куплю. Вѣдь ежели рубль, то это, стало быть, по полтинѣ на брата... По полтинѣ... А салазки стоютъ три гривенника... На заднемъ дворѣ, около помойной ямы, гору устроимъ. У Давыдки лопатка есть для снѣгу... Его лопатка, а мои салазки... Да нѣтъ, я ему не дамъ кататься... Развѣ чуточку... А то онъ сломать можетъ. Пусть свои салазки покупаетъ. И Васюткѣ поварову не дамъ. А возить онъ меня на салазкахъ можетъ... Пусть возитъ. Я даже такъ... Пусть онъ меня съ Давыдкой вмѣстѣ возитъ—и будетъ пара лошадей. Вотъ какъ докторскій кучеръ ѣздитъ на парѣ, что у насъ въ домѣ живетъ. И возжи... И веревки имъ въ ротъ... Вотъ такъ и я», мечталъ Никитка.

— Но глаза его мало-по-малу закрылись. Въ его воображенiи мелькалъ Давыдка и поваровъ Васютка, бѣгущiе передъ нимъ, взнузданные веревками и тащущiе салазки. Затѣмъ замелькали какiе-то радужные круги, превратились во что-то сѣрое, и онъ заснулъ.

Когда заутреня кончилась и старуха Акинфьевна вернулась уже изъ церкви, мать Никитки проснулась и сама уже начала его будить.

— Вставай-же,—толкала она его въ бокъ.—Чего ты? Ночью угомону на тебя не было, спать мнѣ не давалъ, а теперь дрыхнешь. Вставай, Никитка. Христа славить пора идти. Вставай! Экъ разоспался-то какъ! Вставай! А то ковшъ воды холодной за пазуху вылью...

Мать подняла его и посадила на кровати. Онъ сидѣлъ, почесывался и заспанными глазами смотрѣлъ на мать, которая накидывала на себя ватную юбку.

— Очнись, олухъ! Или забылъ, что Христа славить сбираешься идти!—повторила мать.

— Нѣтъ, я помню...—заспаннымъ голосомъ отвѣчалъ Никитка.—Гдѣ мои валенки?

— Гдѣ обронилъ, тамъ и стоятъ. Чего-жъ ты, дурашка, не слѣзаешь съ кровати? Слѣзай, ступай въ кухню къ ушату, мойся у рукомойника и живо очухаешься.

— Сейчасъ.

Никитка слѣзъ съ кровати, опустился на колѣна и заглянулъ подъ кровать—лежитъ-ли тамъ спрятанная съ вечера его бумажная звѣзда съ фонаремъ изъ бумаги,

— Тутъ... Цѣла звѣзда-то.

— А то куда-жъ ей дѣться-то? Здѣсь воровъ нѣтъ. Иди, умывайся, а потомъ я тебѣ голову деревяннымъ маслицемъ отъ Бога помажу и расчешу гребешкомъ.

— Ты, мама, дай мнѣ еще стерлиновый огарокъ, а то я боюсь, что этотъ скоро сгоритъ,—сказалъ Никитка.

— Да откуда-же мнѣ взять-то еще? Вѣдь у меня не стерлиновый заводъ. Сгоритъ этотъ огарокъ—зайдешь въ лавочку и купишь полъ-свѣчки. Вѣдь деньги будутъ у тебя... Получишь деньги-то за славленье.

Никитка натянулъ валенки на ноги и пошелъ въ кухню къ рукомойнику умываться. Со сна его пошатывало. Черезъ минуту онъ вернулся съ мокрымъ лицомъ и съ растопыренными руками.

— Мама, дай полотенца утереться...

Мать утерла его и пошла сама умываться. Вернувшись умытая, она застала Никитку совсѣмъ уже очнувшимся. Онъ вытащилъ изъ-подъ кровати звѣзду и разсматривалъ ее. Она была сдѣлана изъ картона и оклеена цвѣтной бумагой отъ папиросныхъ обложекъ. Прилѣплены были на цвѣтную бумагу то тамъ, то сямъ кусочки фольги съ шоколадныхъ конфектъ. Коробка изъ-подъ табаку, прикрѣпленная сзади звѣзды, изображала изъ себя фонарь, изъ котораго, сквозь промасленную бѣлую бумагу, долженъ сквозить свѣтъ огарка. Звѣзду эту смастерилъ онъ при помощи проживающаго въ томъ-же подвалѣ на квартирѣ и ожидающаго мѣста писаря, который выговорилъ себѣ за это съ Никитки на стаканчикъ.

— Ну, давай сюда скорѣй свою голову,—сказала мать, достала изъ божницы полубутылку изъ-подъ сельтерской воды съ остатками деревяннаго масла, налила себѣ на руки и стала мазать сыну голову.

— Скорѣй, маменька... Давыдка, я думаю, ужъ ждетъ меня,—торопилъ Никитка.

— Ну, и подождетъ. Не велика птица! Такой-же прачкинъ сынъ.

Причесавъ сына, мать надѣла на него новую розовую ситцевую рубашку, которая стояла коломъ и сказала:

— Ну, иди. Да не баловаться по улицамъ! Прежде всего зайдите въ мелочную лавку и тамъ прославьте. Потомъ въ булочную.

— Мы, маменька, и по чужимъ лавкамъ пойдемъ,— сказалъ Никитка, накидывая на себя пальто.

— Можете. Въ мясную зайдите.

— Мы и въ портерную, и въ погребокъ.

— Портерная и погребокъ будутъ сегодну утромъ заперты. И лавочки-то только послѣ обѣдни. Такъ вотъ... Лавочки обойдете—по жильцамъ нашего дома ступайте. Къ купцу, что во второмъ этажѣ, не забудьте зайти. Я вѣдь его знаю, я вѣдь у него прежде стирала. Теперь только они другую поденщицу длястирки берутъ. Онъ добрый и она добрая...

Но Никитка ужъ нахлобучилъ на себя шапку, схватилъ звѣзду и помчался вонъ изъ подвала.

На дворѣ было еще совсѣмъ темно, горѣлъ фонарь. Въ окнахъ дома свѣтились огоньки. Было еще рано, но уже по двору сновали дворники. Пробѣжала горничная изъ булочной съ булками въ салфеткѣ, кучеръ Пантелей несъ два ведра воды въ конюшню.

— Съ праздникомъ, Пантелей!—крикнулъ ему Никитка.—Христа славить иду.

— Иди, иди... иди къ намъ на кухню. Прославь Христа кухаркѣ Василисѣ.

— А какая-же мнѣ польза отъ Василисы? Вѣдь она мнѣ пятачка не дастъ?

— Ахъ, ты корыстный! корыстный! Маленькій, а смотри какой корыстный,—сказалъ кучеръ.

— Даромъ зачѣмъ-же?..—проговорилъ Никитка, вбѣжалъ въ подъѣздъ черной лѣстницы и сталъ взбираться по ступенкамъ на чердакъ къ Давыдкѣ, гдѣ Давыдка жилъ

съ отцомъ своимъ слесаремъ и матерью, ходящей поденщицей по стиркамъ.

На чердакъ онъ вбѣжалъ запыхавшись. Многочисленная семья слесаря была уже вставши. Ревѣли маленькіе ребятишки. Мать варила въ русской печкѣ на шесткѣ кофе на таганѣ, подкладывая подъ таганъ щепокъ. Самъ слесарь въ опоркахъ на босую ногу сидѣлъ у стола, на которомъ горѣла лампа, и кормилъ кашей плачущаго ребенка.

— Здравствуйте,—сказалъ Никитка.—Я за Давыдкой. Давыдка дома?

— Сейчасъ придетъ. Онъ въ булочную за сухарями посланъ,—отвѣчала мать Давыдки.

— Пора ужъ Христа славить идти.

— Вернется изъ булочной, такъ и пойдете,—проговорилъ слесарь.—Покажи-ка звѣзду-то...

— Звѣзда хорошая, только не вертится. Нашъ Кузьмичъ хотѣлъ ее сдѣлать мнѣ, чтобъ вертѣлась, но не смогъ.

— Живетъ и эта...

— Дяденька, голубчикъ, нѣтъ-ли у васъ стеринноваго огарочка для Давыдки, а то все я, да я?.. Моя и звѣзда, мой и огарокъ, а отъ Давыдки ничего...—просилъ Никитка.

— Откуда у насъ огарки! Видишь, керосинъ горитъ.

— Ну, что-жъ это такое! Идемъ вмѣстѣ, а отъ Давыдки ничего...

— А какъ-же бы ты одинъ-то пошелъ? Нешто одному пѣть сподручно?—спросилъ слесарь.—Фасону настоящаго не выйдетъ, коли одинъ. По одному христославы не ходятъ. Еще и двухъ-то мало.

— Я не просилъ-бы, дяденька, но у меня огарокъ малъ. Весь сгоритъ, такъ какъ намъ тогда?

— Ну, и безъ огня хорошо! Сгоритъ—и безъ огня славить будете.

Прибѣжалъ Давыдка съ сухарями въ корзинкѣ.

— Пришелъ? А я тебя ужъ давно жду,—проговорилъ онъ, увидавъ Никитку, поставилъ корзинку на столъ и прибавилъ:—Я одѣвшись, я давно уже готовъ даже въ пальтѣ. Пойдемъ.

— Да выпей ты, пострѣленокъ, прежде хоть кофею-то-съ сухариками,—сказала мать.

— Нѣтъ, маменька, мы пойдемъ. А три сухаря я съ собой... По дорогѣ съѣмъ.

Давыдка закусилъ одинъ сухарь, два другіе опустилъ въ карманъ пальто и выбѣжалъ съ Никиткой на лѣстницу.

— Булочникъ ждетъ насъ,—сказалъ Давыдка Никиткѣ.—Я сказалъ ему, что мы придемъ Христа славить. Онъ сказалъ, что по сладкой булкѣ намъ дастъ.

Они стали спускаться съ лѣстницы.

«Христосъ раждается, славите,»

запѣлъ Никитка, репетируя.

Давыдка сталъ ему подтягивать.

II.

Въ нижнемъ этажѣ отворилась дверь на лѣстницѣ. Дворникъ Панкратъ въ новой полосатой шерстяной фуфайкѣ и чистомъ передникѣ выносилъ изъ кухни ведро разныхъ отбросовъ, накопившихся съ вечера.

— Съ праздникомъ, дяденька Панкратъ!—хоромъ крикнули ему Никитка и Давыдка.

— А, христославы!—откликнулся дворникъ.—Ну,

здравствуйте, здравствуйте! И васъ съ праздникомъ... Куда? По жильцамъ?.. Да спятъ еще всѣ.

— Прежде по лавкамъ норовимъ.

— Зайдите въ полковницкую-то кухню. Тамъ всѣ вставши, кофе пьютъ.

Панкратъ распахнулъ двери въ кухню и крикнулъ:

— Надо вамъ христославовъ? Христославы на лѣстницѣ. Давыдка слесаревъ и Никитка.

— Ну, что-жъ... пусть зайдутъ,—послышалось изъ кухни.—Трешенку дадимъ.

Никитка ужъ чиркалъ спички о коробку и зажигалъ звѣзду.

Вотъ они въ кухнѣ. За большимъ некрашенымъ кухоннымъ столомъ, наполовину накрытымъ красною скатертью, сидѣли за кофеепитіемъ кухарка—полная женщина, молодой лакей—тщедушный человѣкъ съ усами и по утреннему не во фракѣ, а въ гороховомъ пиджакѣ и горничная—рябоватая женщина. Горничная разсматривала подаренную ей съ вечера съ елки господами шерстяную матерію и говорила кухаркѣ:

— Какъ хочешь, Афимья, а твоя матерія, что тебѣ подарили, куда лучше. Твоя, прямо я скажу, на пятіалтынный въ аршинѣ дороже.

— Полно, полно тебѣ. Въ чужихъ рукахъ всякій кусокъ больше кажетъ,—отвѣчала кухарка.

Христославы стали передъ образомъ и запѣли «Христосъ раждается», потомъ «Дѣва днесь»... Кухарка выдвинула ящикъ въ кухонномъ столѣ и гремѣла мѣдяками, перебирая ихъ. Наконецъ, христославы кончили пѣть, поклонились и произнесли:

— Съ праздникомъ!

— Спасибо, спасибо, и васъ также...—отвѣчала кухарка. Вотъ вамъ три копейки... Спрячьте.

Давыдка посмотрѣлъ на трехкопѣечную монету и сказалъ лакею:

— Анисимъ Павлычъ, прибавь и ты хоть что-нибудь.

— По загривку—изволь,—проговорилъ лакей.

— Зачѣмъ-же по загривку-то? вступилась за христославовъ кухарка.—Дай имъ мѣдячекъ.

— Ну, вотъ... Изъ какихъ доходовъ? Я съ лавочниковъ на праздникъ не получалъ.

— Съ гостей сегодня получишь. У каждаго свой доходъ.

Лакей вынулъ изъ брючнаго кармана портмоне, долго рылся въ немъ, нашелъ двѣ копѣйки и далъ мальчикамъ.

— Дай имъ и за меня, Афимьюшка, двѣ копѣйки. Я послѣ тебѣ отдамъ,—сказала горничная кухаркѣ.

Христославы вышли на лѣстницу.

— Семь копѣекъ все-таки...—проговорилъ Давыдка и спросилъ Никитку, который взялъ деньги:—Сейчасъ подѣлимся?

— Ну, вотъ... Делѣжку будемъ дѣлать по окончанiи. Я буду въ карманъ складывать, а потомъ и отдамъ тебѣ половину.

— А не зажилишь?

— Вотъ лѣшiй-то! Самъ безъ звѣзды, самъ безъ огарка и такiя слова!..—попрекнулъ Никитка Давыдку.

— Изъ полковницкой кухни они прямо побѣжали въ булочную. Въ булочной за прилавкомъ стоялъ толстый булочникъ въ бѣлой рубахѣ съ засученными по локоть рукавами и въ бѣломъ передникѣ. Нарочно, для ансамбля, должно быть, у него бѣлѣлась и щека краснаго лица, вымазанная мукой. Онъ самъ и его жена, тоненькая, вертлявая и нарядная, съ розовымъ бантомъ на груди, отпускали покупателямъ сухари и булки. Булочница была полная противоположность своего мужа и въ довершенiе все-

го русская, тогда какъ самъ булочникъ былъ нѣмецъ, хотя и обрусѣвшій.

— Съ праздникомъ, Карлъ Иванычъ...—заговорили христославы и, вставъ передъ ремесленными и торговыми правами, заключенными въ рамку, подъ стекло, запѣли «Христосъ раждается» и «Дѣва днесь»... Булочникъ и булочница, не останавливаясь, продолжали отбирать булки и сухари покупателямъ, а когда христославы кончили пѣть, булочникъ далъ имъ по сахарной булкѣ и пятачокъ и сказалъ:

— Ну, уходите, уходите. И такъ тѣсно...

Изъ булочной христославы прошли въ мелочную лавочку. Въ лавочкѣ покупателей совсѣмъ еще не было. Лавочникъ, прифрантившійся для праздника въ новый синій кафтанъ, кончалъ свой туалетъ. Заколупнувъ изъ кадки русскаго масла, онъ только что смазалъ себѣ волосы и теперь расчесывалъ ихъ гребнемъ. Христославы, поздравивъ его съ праздникомъ, запѣли передъ темной иконой стараго письма, передъ которой теплилась хрустальная висячая лампада. Оставивъ расчесывать волосы, лавочникъ и самъ съ ними пѣлъ козлинымъ голосомъ. Когда ирмосъ и кондакъ были пропѣты, спросилъ христославовъ:

— Выручка-то у васъ общая?

— Общая.

— Ну, вотъ вамъ пятіалтынный. Только изъ-за того пятіалтынный даю, что оба вы наши покупатели, а то у меня положеніе по три копѣйки на носъ.

Изъ лавочки христославы побѣжали въ лабазъ.

— Постой... Сколько у насъ теперь денегъ-то...— говорилъ Давыдка.—Въ полковницкой квартирѣ получили семь копѣекъ, у булочника пять...

— Да чего ты боишься-то? Не надую!—оборвалъ его Никитка.

Лабазникъ—суровый мужикъ въ нагольномъ новомъ полушубкѣ, пившій чай за прилавкомъ въ прикуску съ карамелью, жестяная коробка съ которой стояла тутъ-же, далъ три копѣйки и по парѣ карамелекъ на брата.

Изъ лабаза христославы толкнулись въ аптеку, но оттуда ихъ протурили. Постоявъ на улицѣ въ раздумьѣ, они загнули за уголъ улицы и зашли еще въ двѣ мелочныя лавки. Въ результатѣ приращеніе выручки на восемь копѣекъ. Трактиры были заперты, мясныя и зеленныя лавки также.

— Ну, что-же, пойдемъ къ купцу...—сказалъ Давыдка.

— Надо съ параднаго подъѣзда идти, а то кухарка можетъ и не допустить къ купцу-то,—разсуждалъ Никитка, который былъ опытнѣе Давыдки и ходилъ уже славить Христа въ прошломъ году съ однимъ мальчикомъ, бывъ у него подручнымъ.

— А съ параднаго швейцаръ не впуститъ,—возразилъ Давыдка.

— Впуститъ. Швейцару мы даромъ Христа прославимъ.

Они побѣжали къ своему дому. Швейцаръ той лѣстницы, по которой жилъ купецъ, выметалъ щеткой соръ изъ подъѣзда.

— Дяденька Калистратъ Кузьмичъ, мы къ вамъ Христа прославить,—сказалъ Никитка.

— Ага! Ну, что-жъ, славьте...—сказалъ швейцаръ и спросилъ:—Вы изъ здѣшняго дома, что-ли?

— Изъ здѣшняго, дяденька.

— Ну, славьте, славьте, пойдемте.

Швейцаръ привелъ христославовъ къ себѣ въ коморку, подъ лѣстницу. Христославы пропѣли. Швейцаръ протянулъ имъ пятакъ.

— Мы, дяденька, это вамъ не за деньги, а за милую душу. Не надо намъ денегъ,—сказалъ Никитка.—Пустите насъ только пройти къ купцу Родоносову по парадной лѣстницѣ.

— Берите ужъ, берите... И такъ пущу,—кивнулъ имъ швейцаръ.—Сегодня пятаковъ-то мы этихъ наковыряемъ еще.

III.

И вотъ Никитка и Давыдка у дверей купца.

Они позвонились съ парадной лѣстницы. Имъ отворила нарядная горничная въ шерстяномъ фіолетовомъ платьѣ и въ бѣломъ передникѣ отъ груди до колѣнъ, съ яркимъ краснымъ бантомъ у горла и пахнувшая жасминной помадой.

— Христославы,—отрекомендовался ей Никитка.—Дозвольте у господъ Христа прославить. Мы здѣшніе, со двора...

— А зачѣмъ по парадной лѣстницѣ лѣзете? У насъ самъ этого не любитъ,—сказала горничная и прибавила:—Ну, погодите, я спрошу.

Она заперла дверь передъ ихъ носомъ и вскорѣ опять отворила и объявила:

— Идите въ столовую, а только прежде ноги хорошенько о половикъ оботрите.

Купецъ Родоносовъ въ сообществѣ всей семьи своей сидѣлъ въ столовой и пилъ утренній чай. Блестѣлъ громадный ярко вычищенный самоваръ, тутъ-же помѣщался на столѣ и никелированный кофейникъ, стояла на блюдѣ сдобная польская баба, чернѣвшая изюмомъ. Въ углу горѣла елка для потѣхи ребятишекъ купца, которые си-

дѣли вокругъ стола и мокали въ чай и ѣли сухари и булки. Около ребятишекъ стояли и лежали, вчера еще подаренныя имъ, игрушки. Ребятишки положили еще съ вечера эти игрушки съ собой въ постели, спали съ ними и до сихъ поръ еще не разлучаются. Купецъ Родоносовъ былъ въ новомъ шелковомъ халатѣ нараспашку, а жена его въ юбкѣ и ночной кофточкѣ съ множествомъ кружевъ и вышивокъ.

Христославы, войдя въ столовую, покосились на ребятишекъ, встали передъ образомъ и запѣли.

— Ребятки, подтягивайте, подтягивайте! Петя! Коля!—командовалъ Родоносовъ своимъ ребятишкамъ, но тѣ стыдились и молчали.

Родоносовъ, чтобы ободрить ихъ, сталъ подтягивать христославамъ самъ, но его ребятишки упорно молчали.

— Эка дурья порода!—выбранился онъ на своихъ дѣтей и, когда христославы кончили пѣть, спросилъ Никитку:

— Чьи вы?

— Я прачкинъ сынъ, а онъ слесаревъ сынъ. Съ здѣшняго двора. Маменька моя Матрена. Она стирала у васъ.

— Матрена? Ахъ, да, да... Помню...—подхватила Родоносова.

— Звѣзду-то сами клеили?—допытывался Родоносовъ.

— Сами.

— Молодцы! Вотъ, ребятишки, у кого учитесь. Видите, звѣзду себѣ склеили,—обратился Родоносовъ къ своимъ дѣтямъ.—А вы умѣете только ломать все, да въ носу у себя ковырять. Въ школѣ учитесь, что-ли?—спросилъ онъ христославовъ.

— Въ городской школѣ.

— Ну молодцы... Варвара Митревна! Дай-ка имъ гостинцевъ съ елки...

Жена купца подошла къ елкѣ и стала снимать съ нея гостинцы. Никитка тотчасъ-же сообразилъ, что ихъ хотятъ отблагодарить за христославленье одними гостинцами, и сказалъ Родоносову:

— Намъ, господинъ купецъ, лучше денегъ дайте, потому мы салазки сбираемся купить, чтобы кататься.

— Дамъ и денегъ, а это само собой. Ну, вотъ вамъ по двугривенному, а хозяйка гостинцевъ дастъ! Хотите чаю?

— Пожалуй...—сказалъ Давыдка, переглянувшись съ Никиткой.

— Только поскорѣе,—отвѣчалъ тотъ.—Деньги зарабатывать надо.

— Вишь ты, какой торговый человѣкъ,—подмигнулъ ему Родоносвъ.—Въ лавку, что-ли, поступишь, когда въ школѣ обучишься?

— Куда мамка отдастъ, туда и поступлю. Мамка ладитъ меня въ портные, къ своему куму.

Отъ купца христославы уходили веселые. Никитка подпрыгивалъ, сходя съ лѣстницы, и говорилъ Давыдкѣ:

— По двугривенному далъ... Добрый... Еще-бы въ трехъ мѣстахъ по двугривенному получить, такъ я себѣ салазки-то съ желѣзными тормазами купилъ-бы...

— А сколько у насъ теперь денегъ?—спросилъ Давыдка.

— Да должно быть больше восьми гривенъ.

— Ты не говори моей мамкѣ, сколько на мою долю очистится, а то она у меня отниметъ половину. Я скажу, что только тридцать копѣекъ.

— Ну вотъ... я и своей-то матери не скажу, сколько.

Послѣ купца, однако, сборы были плохи и по двугривенному уже никто больше не давалъ. У повивальной

бабки, проживавшей на томъ-же дворѣ, куда христославы пришли уже съ догорѣвшимъ и погасшимъ огаркомъ, дали гривенникъ, сапожникъ далъ пятачокъ, докторъ, къ которому ходили тоже, только выглянулъ въ кухню и выслалъ пятіалтынный, отъ актрисы просто на просто горничная выгнала ихъ вонъ, да еще выбранила пострѣлятами и охальниками, зачѣмъ смѣютъ звониться и барыню будятъ.

Больше идти было некуда. На дворѣ уже разсвѣло. Никитка сталъ считать собранныя деньги. Оказалось рубль двадцать двѣ копѣйки.

— По шестьдесятъ одной копѣйкѣ, стало-быть, на брата?—сообразилъ Давыдка.

— Да, но я тебѣ шестьдесятъ одну копѣйку не дамъ,—отвѣчалъ Никитка.

— Это еще отчего? Не имѣешь права!—воскликнулъ Давыдка и на глазахъ его блеснули слезы.

— Нѣтъ, имѣю. Гривенникъ я долженъ Кузьмичу писарю за звѣзду отдать. За то, что онъ мнѣ звѣзду помогъ смастерить, я ему гривенникъ на стаканчикъ обѣщалъ.

— Такъ это твое дѣло.

— Какъ мое? Вѣдь и ты со звѣздой ходилъ? Вишь, какой вострый! Вотъ тебѣ полтину и будетъ съ тебя. На, получай.

— Ахъ, ты, подлецъ, подлецъ!

— А! Ругаешься! Такъ я-же еще за цвѣтную бумагу и за клей, и за огарокъ возьму. Съ пустыми руками ты со мной пошелъ и ругаться смѣешь! Гривенникъ еще беру. Довольно тебѣ и сорока копѣекъ.

Никитка положилъ на ступеньку каменной лѣстницы, на которой они считали деньги, сорокъ копѣекъ для Да-

выдки и, схвативъ звѣзду, побѣжалъ. Давыдка бросился за нимъ, нагналъ и схватилъ за звѣзду.

— Звѣзду, коли такъ, сломаю. Отдай гривенникъ!— кричалъ онъ.

— Не отдамъ. Пошелъ прочь!

Никитка размахнулся и ударилъ Давыдку кулакомъ въ ухо. Давыдка не остался въ долгу и, сшибивъ съ него шапку, вцѣпился въ его волосы. Началась свалка. Оба мальчика упали на звѣзду и дрались лежа. Подбѣжавшій дворникъ растащилъ ихъ. Оба христослава ревѣли. У Давыдки была разсѣчена губа. Никитка поднялъ звѣзду—звѣзда была измята, разорвана. Воротъ у новой рубашки Никитки былъ также разорванъ, на щекѣ виднѣлась царапина. Его мть Матрена, видѣвшая драку изъ окна, выбѣжала на дворъ съ вѣникомъ, хлестнула вѣникомъ Никитку по затылку, хлестнула Давыдку и крикнула Никиткѣ:

— Иди, мерзавецъ, домой, иди! Вотъ я сейчасъ попрошу кума Захарыча, чтобъ онъ тебѣ здоровую баню для праздника Христова задалъ.

— Никитка, плача, сталъ спускаться въ подвалъ.

ИМЕНИННИЦА.

I.

Старая княгиня Любовь Никитишна Ядринская была именинница и только что вернулась отъ поздней обѣдни изъ приходской церкви. Ее привела старуха Еликанида, бывшая ея крѣпостная, а нынѣ кухарка и компаньонка, сухая и бодрая еще женщина лѣтъ шестидесяти слишкомъ. Сама княгиня, маленькая, сморщенная старушка, была въ бѣломъ кашемировомъ платьѣ, сильно пожелтѣвшемъ отъ времени, въ старинномъ крепововомъ, вышитомъ шелками, бѣломъ платкѣ съ необычайно длинной бахрамой и въ чепцѣ-наколкѣ съ бѣлыми лентами. Отъ обѣдни явилась она съ просфорой и тотчасъ-же потребовала себѣ чаю. Еликанида загремѣла въ кухнѣ самоваромъ и стала перекликаться съ барыней разговоромъ. Квартирка была маленькая, всего изъ двухъ комнатъ съ кухней. Княгиня сидѣла въ столовой, она-же и гостиная, находившейся рядомъ съ кухней. Въ отворенныя двери кухни отлично были слышны слова Еликаниды, но княгиня была изрядно глуховата и то и дѣло переспрашивала, что Еликанида говоритъ.

— Ты говори громче! Что у тебя словно каша во рту!—кричала ей княгиня.

— Я говорю, матушка, ваше сіятельство, пріѣдетъ-

ли ужъ кто сегодня поздравить-то? Вѣдь ужъ графъ Василій-то Иванычъ померши,—повторила Еликанида.

— А генералъ Аглашовъ? Онъ долженъ пріѣхать. Каждый годъ пріѣзжаетъ,—отвѣчала княгиня.

— Да живъ-ли онъ, княгинюшка-матушка?

— Что?

— Я говорю, не умеръ-ли ужъ генералъ-то?

— Ну, вотъ... Я ужъ слышала-бы. Ты вотъ что... Ты за сколько шаль-то мою турецкую продала?

— А за восемнадцать рублей, матушка-княгинюшка. Я вѣдь сказывала вамъ.

— За сколько?

— За восемнадцать! — закричала Еликанида. — Я вѣдь сказывала вамъ, ваше сіятельство.

— Ну, забыла я, забыла. Какая хорошая шаль-то была. Мнѣ ее покойникъ изъ Константинополя...

— Никто, матушка-княгинюшка, больше не давалъ. Всѣ говорили, что не въ модѣ нынче шали, что никто ихъ не носитъ.

— Какой вздоръ! Дорогая турецкая шаль.

— Да вѣдь вотъ вы сами, ваше сіятельство, тоже не носили.

— Что ты говоришь?

— Да вѣдь и вы, я говорю, тоже не носили эту шаль.

— Я? Я дѣло другое... Но теперь шали мѣщанки носятъ, купчихи.

— И тѣ не носятъ. А купчихи еще больше по послѣдней модѣ одѣваются, чѣмъ кто-либо другой. Смотрите, купчихи-то какъ одѣваются!

— Что? Говори громче. Что ты говоришь?

Еликанидѣ надоѣло повторять каждую фразу и она отвѣчала:

— Да ничего не говорю.

— Слышишь, у тебя много-ли отъ восемнадцати-то рублей осталось?—крикнула ей княгиня.

— Больше десяти рублей еще осталось, ваше сіятельство.

— Сколько?

— Красненькая бумажка еще есть.

— Ну, такъ ты вотъ что... Ты ступай въ кондитерскую... Или нѣтъ, не уходи. Сама уйдешь, такъ дверей отворить будетъ некому... А ты пошли дворника. Пусть онъ сходитъ въ кондитерскую... Да ты слышишь?

— Слышу, слышу, матушка-княгинюшка.

— Поди сюда!

Еликанида вошла въ комнату.

— Пошли ты дворника въ кондитерскую...

— Да ужъ слышала, слышала.

— И вели ему купить полфунта шоколаду хорошаго. Полфунта шоколада и полфунта бисквитъ. Генералъ Аглаповъ шоколадъ любитъ и мы его шоколадомъ угостимъ. Ты сварить-то умѣешь шоколадъ?

— Ну, вотъ еще! Всегда варила, а тутъ разучилась. Отлично сварю.

— Постой, постой... Куда ты бѣжишь? Вѣдь еще не все. Да пусть дворникъ полбутылки мадеры купитъ. Только чтобъ хорошая мадера была. Старый графъ Логинъ Карлычъ Оксштирнъ можетъ пріѣхать поздравить, а онъ мадеру всегда съ удовольствіемъ...

— Не пріѣдетъ. Откуда-же ему пріѣхать?

— Что ты говоришь?

— Говорю, что не пріѣдетъ, ваше сіятельство. Вѣдь сами-же вы разсказывали, что онъ много долговъ надѣлалъ здѣсь по ресторанамъ, сынъ его заплатилъ за него и навсегда увезъ его къ себѣ въ деревню.

— Да, да... Такъ... Это мнѣ въ Пасху въ церкви Удѣловъ у заутрени Марья Петровна Колтовская разсказывала... Дѣйствительно сынъ увезъ старика изъ Петербурга,—припомнила княгиня.

— Ну, вотъ видите. Такъ мадеры-то ужъ не покупать?—спрашивала Еликанида.

— Все равно купи. По моему, старику графу въ деревнѣ не усидѣть и онъ навѣрное давно ужъ сбѣжалъ оттуда,—отвѣчала княгиня.—А если онъ въ Петербургѣ, онъ ужъ вспомнитъ меня, старуху, онъ не преминетъ поздравить. Вѣдь другъ юности. Помнишь, Еликанида?

— Еще-бы не помнить, княгинюшка. Такъ шоколаду, бисквитъ и мадеры?

— Да, да... Не графъ, такъ генералъ рюмку выпьетъ. Генералъ тоже мадеру любитъ. Да грушъ, грушъ пусть дворникъ пятокъ возьметъ! Только хорошихъ. Ольховская Екатерина Петровна ужъ навѣрное пріѣдетъ. Подруга вѣдь... вмѣстѣ въ институтѣ....

— Параличемъ вѣдь разбита,—замѣтила Еликанида.

— Что ты говоришь!—удивилась княгиня.

— Да, какъ-же... Сами-же вы разсказывали.

— Не можетъ быть. Въ прошломъ году въ Екатерининъ день я у ней была, поздравляла. Ты-же меня туда и возила.

— Да помню, помню... А только съ прошлаго года, съ Екатеринина-то дня сколько воды утекло! А я помню, вы разсказывали мнѣ, что у ней параличъ. Кажется, вотъ генералъ-то вамъ и сообщилъ о параличѣ.

Княгиня отрицательно покачала головой.

— Не помню,—сказала она.—А ты все-таки грушъ-

то пятокъ купить вели дворнику. А потомъ, когда онъ все это принесетъ, дай ему четвертакъ на чай.

Еликанида стояла и переминалась передъ княгиней съ ноги на ногу.

— Что ты говоришь? А?—спросила ее княгиня, смотря ей въ лицо.

— Да покуда ничего еще не говорю, матушка-княгинюшка. А вотъ должна вамъ сказать, что вы не очень транжирьте, не очень роскошествуйте.

— Что? А?

Княгиня затрясла головой, что съ ней случалось всегда, когда она очень волновалась.

— Не очень, говорю, транжирьте деньги, матушка, а то намъ завтра и на провизію не останется. Да... Придется канделябры бронзовые продавать.

— Ну ты меня не учи, а дѣлай!—строго сказала княгиня.—Не могу-же я своихъ гостей по-мужицки принимать. Да для бисквитъ-то достать изъ шкафа серебряную вазочку...

— Экъ, хватились, ваше сіятельство! Продана ужъ давно,—отвѣчала Еликанида.

— Когда?—удивилась опять княгиня.

— Да по веснѣ тутъ какъ-то продали. Сами-же вы и приказали продать.

— Не помню...

Голова княгини затряслась еще больше.

— Изъ-за чего-же я и говорю, что не транжирьте,—продолжала Еликанида.—Вѣдь вещей-то все меньше и меньше становится. Шутка-ли, сколько продали! Холодильникъ продали, вазочку серебряную продали...

— Уходи, уходи... Пусть дворникъ сходитъ и купитъ, что я приказывала,—махнула рукой княгиня.

Еликанида удалилась

II.

Княгиня Любовь Никитишна Ядринская сидѣла около маленькаго самовара и пила чай съ просфорой. Вѣрная ея «Личарда», какъ княгиня называла иногда свою Еликаниду, суетилась около стола, выкладывая на красивую фарфоровую тарелку съ изящнымъ рисункомъ букета розъ принесенныя дворникомъ груши изъ бумажнаго тюрюка. На столѣ стояла маленькая бутылка мадеры и три граненыя рюмки на маленькомъ серебряномъ подносѣ, въ хрустальной вазочкѣ лежали бисквиты, положенные въ клѣтку. Старушка княгиня смотрѣла на приготовленія Еликаниды и шамкала беззубымъ ртомъ:

— Съ каждымъ годомъ все меньше и меньше у меня поздравителей въ день моего ангела...

— Да вѣдь всѣ ваши знакомые перемерли, ваше сіятельство, такъ кому-же поздравлять-то!—проговорила ей въ утѣшеніе Еликанида.

— Нѣтъ, есть и живые, но забыта я, совсѣмъ забыта. У меня родной племянникъ губернаторомъ въ Западномъ краѣ, онъ никогда и телеграммы поздравительной не пришлетъ. Бѣдна я, нища, Еликанидушка, на вещи свои живу, а такихъ тетокъ не почитаютъ.

Въ голосѣ княгини слышалась горесть.

— Что я теперь? Ни силы у меня, ни вліянія, ни денегъ,—продолжала она.—А вѣдь когда-то, помнишь?

— Какъ не помнить, матушка-княгинюшка.

— Шоколадница-то у насъ серебряная еще не продана?—спросила княгиня.

— Не продана, не продана, ваше сіятельство. А

только вотъ что я думаю, матушка-княгинюшка... Снять-бы вамъ съ себя это бѣлое платьице и надѣть вашъ любимый капотикъ. Въ капотикѣ-то много спокойнѣе будетъ. А то дама вы ужъ не молодая.

— Оставь... Вѣдь я готовлюсь къ пріему.

— Да что пріемъ! Генералъ Аглашовъ-то, такъ онъ и не осудитъ васъ. Да не только не осудитъ, а и не увидитъ васъ, въ какомъ такомъ вы платьѣ. Очки у него синія.

— Брось, Еликанида...

— Да что: брось... Вотъ и чепецъ-то-бы сняли... А то ни прилечь, ни что. Да и сапожки-то-бы сняли, а на мѣсто ихъ туфельки войлочныя я вамъ подамъ. А то кто туфли видитъ?

— Нѣтъ, ужъ оставь... Была я всегда въ этотъ день въ бѣломъ и останусь.

Елаканида покачала головой.

— Годъ отъ году вы все капризнѣе, княгинюшка, Богъ съ вами,—сказала она.

— А ты все навязчивѣе и навязчивѣе. Ступай, вари шоколадъ-то.

— Да вѣдь сначала надо, чтобы кто-нибудь пришелъ.

— Кто пришелъ?—раздался возгласъ.

Княгиня вздрогнула и обернулась.

— Ахъ, милый попочка!—проговорила она.—Его-то мы и забыли! На, милый, сахарку...

Княгиня поднялась изъ-за стола и направилась къ мѣдной клѣткѣ, гдѣ сидѣлъ большой зеленый попугай.

— Чистила-ли ты, Еликанида, у него сегодня въ клѣткѣ?—спросила она.

— Еще-бы не чистить! Само-собой чистила. Что это вамъ вздумалось спрашивать?—обидчиво проговорила Еликанида.—Неужели я забуду!

Въ кухнѣ звонокъ. Княгиня встрепенулась и сказала:

— Иди, иди... Отворяй скорѣй. Это должно быть генералъ... Да априри дверь-то сюда изъ кухни и потомъ доложи мнѣ.

Княгиня отошла отъ клѣтки и усѣлась къ столу, поправивъ рукой на лбу рѣдкіе сѣдые волосы. Еликанида удалилась, но черезъ нѣсколько времени вернулась:

— Никаноръ пришелъ васъ съ ангеломъ поздравить,—проговорила она.

— Какой такой Никаноръ?—спросила княгиня.

— А бывшій выѣздной вашъ лакей.

— Ахъ, да, да... Помню... помню... Ну, впусти его... Пусть поздравитъ.

Вошелъ старикъ съ сѣдыми бакенбардами, лысый, высокій, въ сѣромъ сюртукѣ и, поклонясь княгинѣ, произнесъ:

— Честь имѣю съ ангеломъ поздравить васъ, ваше сіятельство, и пожелать вамъ всего хорошаго.

— Спасибо, спасибо, Никаноръ,—отвѣчала княгиня.—Ты гдѣ теперь служишь, Никаноръ?

— Да нигдѣ, матушка, ваше сіятельство, нигдѣ. Старъ сталъ, да и рана на ногѣ... Опять-же видѣть сталъ плохо, такъ дочка къ себѣ взяла жить. Дочка у меня портниха.

— Что? говори громче. Не слышу,—пробормотала княгиня.

— Дочка у меня портниха, замужемъ за слесаремъ на желѣзной дорогѣ, такъ вотъ...

— Ты громче говори. Я плохо слышу.

— Чего-съ? Что изволите? Я, ваше сіятельство, на ухо-то тугъ, такъ вы извините...

— Ничего не слышу. Ну, да Богъ съ тобой. Ступай.

Спасибо тебѣ, что не забылъ, Еликанида! Дай ему рубль!—крикнула княгиня.

Никаноръ откланялся.

Прошло болѣе часа. Княгиня по прежнему сидѣла въ креслѣ у стола, но спала и клевала носомъ. На дворѣ раздался крикъ какого-то разносчика. Княгиня очнулась и повела рукой по глазамъ.

— Еликанида! Ты гдѣ?—крикнула она.

— Здѣсь, здѣсь, матушка-княгинюшка, — послышался голосъ изъ кухни.

— Который часъ?

— Третій часъ, матушка, ваше сіятельство, сорокъ минутъ третьяго, да часы наши отставши.

— Генералъ не былъ?

— Не былъ, не былъ, ваше сіятельство.

— И никто другой не былъ?

— Да кому-же быть-то, ваше сіятельство.

— Ты можетъ быть спала и не слышала звонка? На грѣхъ и я-то задремала.

— Нѣтъ, нѣтъ. Точно, что я прикурнула, но сонъ у меня чуткій. Я все слышу.

— И шоколадъ еще не варила?

— Да для кого-же варить-то, ваше сіятельство?

— Вари, вари... Все равно вари.

Прошло еще съ часъ. Княгиня занималась съ попкой, потомъ покормила морскихъ свинокъ, сидѣвшихъ въ ящикѣ, которыхъ она очень любила. Еликанида доложила, что шоколадъ готовъ.

— Ты отставь его, Еликанидушка, но держи, чтобы онъ не простылъ. Можетъ быть кто-нибудь подъѣдетъ,— сказала княгиня.

— Кому теперь подъѣхать! Теперь ужъ никто не подъѣдетъ. А мы вотъ что... Вы снимите съ себя бѣлое-то

платье, да и садитесь за столъ. Кушать пора. Я вамъ обѣдать подамъ.

— Какой-же обѣдъ, если я гостей жду!

— Да никто ужъ теперь не пріѣдетъ. Пятый часъ. А вы, ваше сіятельство, шутка-ли это, съ утра ничего не кушали, кромѣ просвирки. Пойдемте, княгинюшка, я васъ раздѣну.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я подожду. Если не генералъ, то Ольховская старушка должна пріѣхать! Я у ней была въ Катерининъ день,—упрямилась княгиня.

Пробило пять часовъ.

— Кушайте, ваше сіятельство, — снова предложила ей Еликанида.—У насъ сегодня супъ куриный и манная кашка отъ вчерашняго осталась. А потомъ шоколадомъ чашечкой запьете. Шоколадъ-то ужъ перепрѣлъ, поди, совсѣмъ.

Княгиня больше не упрямилась.

— Ну, накрывай на столъ,— сказала она и въ голосѣ ея слышались слезы.—Но все-таки, я думаю...

Она хотѣла что-то прибавить и не могла.

Еликанида накрыла ей на столъ и поставила приборъ и миску съ супомъ.

— Садись вмѣстѣ со мной,—сказала ей княгиня.—Сегодня я именинница.

— Зачѣмъ-же я съ вами-то сяду? Я послѣ васъ могу...

— Садись...

Раздался звонокъ.

— Ну, вотъ и генералъ Аглашовъ!—оживилась княгиня.—Не говорила-ли я тебѣ!..

— Еликанида пошла отворять дверь и вернулась съ телеграммой.

— Телеграмма,—сказала она.—Очки подать вамъ?

— Давай...

Поданы очки. Княгиня раскрыла телеграмму, надѣла очки.

— Отъ Ольховской... Поздравляетъ... — проговорила она.

— Вотъ перышко. Распишитесь...—совала ей Еликанида перо, обмокнутое въ чернила.—Распишитесь, что телеграмму-то получили.

— Хорошо, хорошо... Дай разсыльному пятіалтынный...—бормотала княгиня, расписавшись.—Но удивительно, что генералъ...

Въ голосѣ ея дрожали слезы.

Княгиня взяла ложку, зачерпнула супу, хотѣла ѣсть и не могла.

Она расплакалась.

— Никто, никто... Рѣшительно никто...—шептала она, плача.

ПЕРЕПИСЬ.

I.

Утромъ купецъ Иванъ Денисовичъ Шелкаевъ, уходя изъ своей квартиры на Пескахъ, говорилъ провожавшей его женѣ:

— О переписи я вамъ уже толковалъ...

Та тотчасъ-же сдѣлала кислое лицо и отвѣчала:

— Да, да... Это ужасти что такое!.. Какіе нынче порядки!..

— Ну, закудахтала, закудахтала! Чего-жъ тутъ кудахтать-то!—остановилъ ее Шелкаевъ, надѣвая шубу.— Страшнаго тутъ ничего нѣтъ.

— Ну, вотъ, поди-жъ ты! А я ужъ два раза сны страшные видѣла.

— Брось. Мы по окончаніи года счетъ лавки дѣлаемъ, такъ надо-же и насъ самихъ сосчитать. Такъ вотъ... О переписи я уже говорилъ.... Самая перепись 28 числа въ будущій вторникъ будетъ.

— Я не изъ-за этого. А вотъ помяни мое слово.... какъ перепишутъ всѣхъ—навѣрное на купеческій капиталъ накинутъ, да и на лавку тоже...

— Дай ты мнѣ сказать... Чего ты стрекочешь!—пожималъ плечами Шелкаевъ.—Такъ вотъ я и говорю... О переписи я уже толковалъ вамъ... А передъ переписью

сегодня или завтра будутъ ходить по квартирамъ счетчики и раздавать переписные листки съ объясненіемъ...

— Сегодня?—всплеснула руками супруга.

— Дашь ты мнѣ говорить или нѣтъ?—воскликнулъ Шелкаевъ.—Такъ вотъ придутъ съ листками... Смотрите-же, не вздумайте не брать ихъ и отказываться.

— Зачѣмъ-же не брать, если ужъ такое положеніе!

— Да вѣдь ужъ я васъ знаю, оттого и говорю. Такъ листки взять, выслушать все внимательно, что будутъ говорить, и листки положить ко мнѣ на конторку. Поняла?

— Все поняла,—отвѣчала супруга.

— Ну, такъ я пошелъ.

Шелкаевъ ушелъ въ лавку. А супруга его бросилась тотчасъ-же будить своихъ дочерей.

— Эки халды!—кричала она, входя въ ихъ спальню.—Сегодня счетчики придутъ, будутъ листки какіе-то раздавать, а онѣ дрыхнутъ до десятаго часа!

Старшая дочка Соня, дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, спавшая внизъ лицомъ, подняла на постели голову сфинксомъ и спросила заспаннымъ голосомъ:

— Да неужто сегодня придутъ? вѣдь сказывали, что во вторникъ.

— Во вторникъ всѣхъ васъ, дуръ, переписывать будутъ, а сегодня придутъ, чтобы всѣмъ листки раздавать.

— Это зачѣмъ-же? На память, что-ли?—спросила вторая дочь. Надя и, сѣвъ на постель, начала одѣваться.

— На память, на память. И тебѣ особенный листокъ поднесутъ. Вмѣстѣ съ вѣникомъ,—отвѣчала мать.

— За что-же съ вѣникомъ-то? У васъ все съ вѣникомъ!... За какія такія провинности?

— А вотъ за такія, чтобы дрыхла меньше. Вставайте... Да одѣвайтесь, какъ слѣдуетъ, чтобъ чучелами-то въ капотахъ не сидѣть... А то придутъ... Я одна... Мнѣ

одной-то и не сообразить. Отецъ вашъ сказалъ, что счетчики будутъ какія-то объясненія дѣлать.

— Зачѣмъ-же чучелами сидѣть? Мы очень хорошо понимаемъ, что при кавалерахъ это даже невозможно и молодые люди,—прибавила Соня.

— Да даже и стыдно, потому мы читали, что все это молодые люди,—прибавила Сцоня.

— И неизвѣстно, кому какая судьба...—продолжала Надя.—Можетъ быть и...

— Женихи? Вотъ дуры-то! Люди по дѣлу придутъ, а онѣ.

— Ахъ, маменька, ничего неизвѣстно! Лидинька Самихина на одной сторонѣ улицы только въ окошко глядѣла, а на другой сторонѣ улицы тоже молодой человѣкъ изъ окошка смотрѣлъ... Сначала другъ другу только улыбались и пронзительность глазъ дѣлали, а потомъ—женихъ и невѣста...

— Ну, ну, ну! За пронзительность глазъ вамъ здоровую трепку...

Дѣвушки одѣвались, надѣвали чулки, сапоги, юбки. Надя полненькая блондинка, говорила:

— Вотъ жизнь-то! Только и слышишь, что вѣникъ, да трепку, да потасовку.

— Какое платье сегодня надѣть?—спросила она мать.

— Ты прежде рыло-то умой да лобъ перекрести, а потомъ и о платьѣ...

— Боже мой, какіе несовременные разговоры! Рыло... Не вздумайте пожалуйста такъ при счетчикахъ разговаривать съ нами. Вѣдь это одинъ конфузъ будетъ,—говорила Соня, подходя къ умывальнику.—Ты, Надя, какъ хочешь, а я надѣну бланжевое платье, въ которомъ я на свадьбѣ у Трегубовыхъ была.

— Сонька! Да ты никакъ съума сошла! Вѣдь у насъ не балъ,—сказала мать.

— А во что-же прикажете мнѣ одѣться? Шерстяное коричневое у меня засалившись, а съ полосками синее тѣсно, и я боюсь, что оно по швамъ треснетъ.

— Ты-бы еще больше калачей ѣла! Но отчего тебѣ чернаго не надѣть?

— Что-жъ у насъ похороны, что-ли?

— Вотъ дура-то! Да неужели ты его раньше-то на похороны надѣвала! И наконецъ, ты можешь съ желтымъ бантомъ на груди...

— Вотъ развѣ что съ желтымъ бантикомъ...

— А я надѣну черное съ голубымъ бантомъ, — откликнулась Надя.—Прилично, благородно и просто.

Соня уже умылась и прихорашивалась передъ зеркаломъ.

— Мажься, мажься! Штукатурь морду-то!—кричала ей мать.

— Опять морда! И какъ это вы не можете благородно выражаться. Морда... штукатурь... Какая-же тутъ штукатурка, если я чуть-чуть жидкой пудрой...

— Да вѣдь это бѣлила, матушка...

— Пудра, пудра, но только на кольдкремѣ. Иначе-же вѣдь сухая пудра не пристанетъ. Сами-же вы сейчасъ сказали, чтобъ счетчикамъ чучелами не показываться.

— Само собой,—откликнулась Надя.—И я должна немножко освѣжить лицо. Люди придутъ листки раздавать, а мы будемъ Богъ знаетъ съ какими лицами. У меня вонъ прыщъ на лбу, такъ нужно-же его замазать. Дай-ка, Соня, мнѣ губной помадки.

— Да что вы, цѣловаться будете со счетчиками, что-ли?!—крикнула мать.

— Ахъ, Боже мой! Да вамъ-то какое дѣло! Нельзя-же эѳіопками быть.

Надя примазалась и говорила:

— Ни одного малюсинькаго прыщика не было, а какъ объявили, что счетчики пойдутъ по квартирамъ, какъ на зло, два прыщика вскочили.

— А у меня три,—откликнулась Соня.

— Торопитесь, торопитесь одѣваться-то! Десятый часъ. Могутъ сейчасъ эти счетчики придти!—кричала мать.

Дѣвушки продолжали одѣваться.

II.

Семейство Коклюшкиныхъ за вечернимъ чаемъ. Вокругъ большого стола въ столовой виднѣется и гимназическая блуза, и коричневое платье гимназистки. Есть и маленькія дѣти въ рубашкахъ. Тутъ-же бонна—тощая пожилая дѣвица съ прыщами на лицѣ. Отецъ въ коломянковомъ пиджакѣ, полный мужчина съ лысиной, куритъ, сидя, надъ горячимъ стаканомъ чая. За самоваромъ мать—среднихъ лѣтъ женщина съ добродушнымъ лицомъ безъ бровей. Дѣти съ аппетитомъ уписываютъ сухари. Разговоръ о переписи.

— Не только что свои лѣта съ днемъ и годомъ рожденія надо сообщить въ графѣ, но даже у кого какіе недостатки есть,—разсказываетъ отецъ.

— Папа, у меня есть недостатки?—спрашиваетъ мальчикъ въ темной ситцевой рубашкѣ.

— Есть.

— Какіе, папа?

— Шалунъ, лѣнивецъ.

— Неужели даже это надо записывать?—удивляется мать.

Отецъ подмигиваетъ ей, что дескать я шучу.

— А что за это послѣ переписи будетъ?—задаетъ вопросъ другой мальчикъ, тоже въ рубашкѣ.

— Розги,—подсказываетъ дѣвочка въ гимназическомъ платьѣ.

— Это тебѣ...—откликается мальчикъ.

— А ужъ о такихъ недостаткахъ, кто, напримѣръ, заикается или близорукъ, положительно надо показать въ графѣ.

— А у кого прыщи на лицѣ?—спрашиваетъ, заикаясь, гимназистъ и косится на бонну съ прыщавымъ лицомъ.

— Прыщи это не недостатокъ, это временное, а заиканье—недостатокъ, потому что оно постоянное,—даетъ отвѣтъ отецъ.

— Неправда. У насъ одинъ мальчикъ куда хуже меня заикался, а теперь пересталъ. Онъ говоритъ, что ему языкъ подрѣзали, потомъ дырку сдѣлали.

— Вздоръ.

— Нѣтъ, папенька, у него и посейчасъ дырка. Онъ намъ показывалъ.

— Пустяки. Сочиняешь. Заиканье надо показать, близорукость, косоглазіе.

— А кто кривобокій?—спрашиваетъ гимназистка.— У насъ въ классѣ есть кривобокая одна дѣвочка.

— Горбатость, кривобокость—это тоже надо показывать.

— Да почемъ ты знаешь, Петръ Миронычъ? Вѣдь еще листковъ намъ не подавали,—замѣчаетъ мать.

— Я сужу по прошлымъ переписямъ. Давно-ли перепись-то была! Тамъ была и графа о тѣлесныхъ недо-

статкахъ. Говорятъ, эта перепись точно такая-же, какъ была, только на всю Россію, а не на одинъ Петербургъ. А я помню, я тогда показывалъ въ графѣ про покойницу тетку Варвару: глухая.

— А кто не покажетъ о недостаткахъ, что тому?— спрашиваетъ мать.

— На основаніи такой-то статьи штрафъ, а въ случаѣ несостоятельности—арестъ.

— Домохозяину или тому лицу, которое?...—спросила до сихъ поръ молчавшая бонна.

— Да вѣдь нынче, кажется, счетчики будутъ сами записывать,—сказалъ отецъ.

— То-есть, какъ это сами?

— Придетъ счетчикъ, скажетъ: выходите всѣ изъ своихъ комнатъ. Ну, и начнетъ разспрашивать и переписывать, что у кого есть.

До сихъ поръ молчавшая тощая бонна съ прыщавымъ лицомъ передернула плечами и гнѣвно сказала:

— Но вѣдь это-же насиліе!

— Позвольте узнать, въ чемъ насиліе? — спросилъ отецъ.

— Да какъ-же... Будутъ осматривать и описывать.

— Когда я сказалъ, что осматривать?

Но тутъ вошла старуха бабушка, дальняя родственница отца, въ пуховой косынкѣ на головѣ поверхъ чепца и въ мѣховой накидкѣ, мѣхомъ снаружи. Она шлепала туфлями и бормотала:

— А меня-то тоже будутъ описывать?

Всѣ разсмѣялись и заговорили:

— И васъ, и васъ, бабушка. Напишутъ, что вы табакъ нюхаете, напишутъ, что у васъ есть котъ Ванька.

— Про кота сказалъ гимназистъ. Бабушка, уже нѣ-

сколько выжившая изъ ума, погрозила внуку пальцемъ и сказала:

— Да Ванька-то мой умнѣе тебя, нужды нѣтъ, что котъ.

— Подвиньте бабушкѣ стулъ, дайте бабушкѣ сѣсть,—командовала дѣтямъ мать.

Бабушка, держась за стулъ руками, медленно опустилась на стулъ.

— Вѣдь, я думаю, прежде всего про года спрашивать будутъ,—проговорила она.

— Это ужъ первое дѣло. Года, сколько зубовъ во рту.

— А я года-то свои и забыла. Не знаю ужъ сколько. Забыла...

— Вамъ восемьдесятъ пять. Такъ въ паспортѣ,—заявилъ отецъ семейства.

— Въ паспортѣ невѣрно. Тогда мать меня промолодила, когда замужъ выдавала, и поднесла какому-то засѣдателю барашка въ бумажкѣ. Объ этомъ я какъ сейчасъ помню. А мнѣ больше... Куда больше. Но сколько по настоящему—не помню.

— Да говорите, что девяносто. А зубовъ, молъ, два...—подсмѣивались дѣти.

— Что?—переспросила бабушка, не слыша.

— Какъ въ паспортѣ, такъ и говорите, — сказалъ отецъ.

— А за обманъ-то что будетъ?

— Да что съ васъ взять! Ничего не будетъ.

— Что? Какъ ты говоришь?

— Ничего, говорю, не будетъ. Кто въ такихъ годахъ, какъ вы, того не штрафуютъ, ни подъ арестъ не сажаютъ.

Бабушка, все равно, не слыхала и заговорила не впопадъ:

— А, вотъ какъ... Когда у насъ холера-то большая была?

— Въ тридцать первомъ году,—подсказалъ ей отецъ семейства.

— Такъ вотъ, въ первую холеру я ужъ была замужемъ, а въ венгерскую кампанію у меня покойникъ мужъ скончался. А въ крымскую кампанію...

Мать семейства машетъ рукой.

— Ну, началось! Попала на рельсы и поѣхала! Теперь ужъ безъ конца...

Дѣти вскочили изъ-за стола и уходили изъ столовой. Бонна шла за ними.

Отецъ семейства развернулъ газету. Мать стала прятать чайницу и сахарницу въ буфетный шкафъ. Бабушку никто не слушалъ, а она продолжала:

— Въ крымскую кампанію у насъ домъ сгорѣлъ, а въ замиреніе, когда замиреніе вышло, дочь у меня померла...

III.

Было утро. Вдова Агнія Павловна Магарычева сидѣла около мѣднаго кофейника, поставленнаго на поднось вмѣстѣ съ чашками, сахарницей и молочникомъ и смотрѣла въ листъ всеобщей переписи, испещренный графами и надписями. Видъ Агніи Павловны былъ растерянный, какой-то безпомощный. На носу было пенснэ, но оно то и дѣло сваливалось, такъ какъ Агнію Павловну ударило въ потъ и носъ былъ влажный. Даже немногочисленные волосы на головѣ Агніи Павловны растрепались. Агнія Павловна тяжело вздыхала.

Вошла дочь въ блузѣ, съ черными лакированнымъ ку-

шакомъ—дѣвушка далеко за двадцать, блондинка съ кудерками на лбу.

— Счетчикъ былъ?—спросила она мать, взглянувъ на листъ.

— Былъ, — со вздохомъ отвѣчала мать, показывая листъ.

— Какая досада, что я его не видала!

— Вольно-жъ тебѣ до сихъ поръ дрыхнуть!

— Молодой или старый?

— А я даже хорошо и не замѣтила. Въ усахъ какой-то.

— Какое равнодушіе! Въ усахъ, вы говорите?

— Да, въ усахъ.

— Военный или статскій?

— Разбери, что тутъ такое!—бормочетъ мать, не отводя глазъ отъ листа и придерживая на потномъ носу пенснэ.

— Это-то вы ужъ, надѣюсь, успѣли замѣтить,—продолжаетъ дочь.

— Да что такое? О чемъ ты спрашиваешь?

— Военный этотъ счетчикъ, говорю, или статскій?

— Статскій, статскій. Бухгалтеру еле впору все это разобрать, а не только вдовѣ беззащитной.

— Брюнетъ или блондинъ?

— Что? Что такое ты ко мнѣ пристаешь! У меня голова не въ порядкѣ, руки трясутся, а ты...

— Брюнетъ, говорю онъ, или блондинъ?

— Да что ты, счетчица, что-ли? Пришла и разспрашиваетъ! Мнѣ и листа этого довольно.

Дочь сѣла къ столу и стала наливать себѣ кофе.

— Да что такъ вамъ убиваться-то особенно!—сказала она. — Пригласите завтра Петра Матвѣича — онъ вамъ все и напишетъ.

— Петра Матвѣича!—отвѣчала мать.—Петра Мат-

вѣича звать, такъ надо закуску приготовить, водки и пива купить, а у меня купило-то притупило.

— Покажите-ка мнѣ, что у васъ тамъ...—протянула дочь руку къ листу.

— Кофеемъ обольешь! Я тебя знаю.

— Зачѣмъ-же я буду кофеемъ обливать! Что я маленькая, что-ли!

— Неряха! Послѣ тебя всегда пруды на столѣ отъ кофею.

Дочь взяла листъ и стала его разсматривать.

— Ко вторнику. Непремѣнно ко вторнику надо. Утромъ зайдетъ, чтобы было все прописано... Все, все, говоритъ, непремѣнно ко вторнику,—твердила мать.

Она опять тяжело вздохнула.

— Да ничего тутъ нѣтъ мудренаго-то, — сказала дочь.—Да вотъ я начну про себя. «Фамилія, имя отчество или прозвище»...

— Нѣтъ, ты ужъ пожалуйста оставь. Лучше я на закуску какъ-нибудь собьюсь и, въ самомъ дѣлѣ, Петра Матвѣича позову,—остановила ее мать.—Пусть онъ налопается, но все-таки онъ толково напишетъ.

— Да вѣдь я только къ примѣру и писать не буду, а на словахъ...

— Ну, на словахъ, сколько хочешь. Языкомъ можешь болтать.

Дочь начала:

— Магарычева, Анна Михайловна. Прозвище надо. Въ пансіонѣ меня звали: Кудлашкой. «Кудлашка». Дальше. «Полъ мужской или женскій». Какъ это странно! Ужъ Анна Михайловна, такъ значитъ женскій.

— А вотъ недавно, говорятъ, какого-то мужчину въ женскомъ платьѣ поймали,—замѣтила мать.

— Но вѣдь все-таки онъ былъ Иванъ или Василій.

«Какъ записанный приходится главѣ хозяйства и главѣ семьи?» Вы вѣдь глава семейства, вы и глава хозяйства.

— Врешь. Глава хозяйства купецъ Триклиновъ.

— Позвольте. Онъ домовладѣлецъ, стало быть, глава дома, а вѣдь хозяйство-то ваше...

— Да... и то...

— Ну, такъ, стало быть, я главѣ хозяйства дочь? Главѣ семьи тоже дочь. Дочь.

— Надо два раза.

— Дочь, дочь. «Сколько минуло лѣтъ отъ роду или мѣсяцевъ?» Ну, двадцать два.

— Да вѣдь тебѣ двадцать семь.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста... Не ваше дѣло!

— Смотри, въ тюрьмѣ насидишься за обманъ.

— Мнѣ сидѣть, а не вамъ.

— Нѣтъ, мнѣ, потому что я листъ подписать должна. Ты знай, я тебѣ выставлю полностью двадцать семь лѣтъ. Такъ и Петру Матвѣичу скажу.

— Можете говорить, что угодно, но я себѣ больше двадцати двухъ лѣтъ не признаю. Двадцать два. «Холостъ, женатъ, вдовъ или разведенъ?» Ну, это до меня не относится. Это для мужчинъ.

— Должна-же написать, что ты не замужняя.

— Понимаете-ли вы, тутъ только—холостъ, женатъ или вдовъ. «Сословіе, состояніе или званіе». Дочь коллежскаго регистратора.

— Врешь? Отставного и умершаго, надо прибавить.

— Ну, все равно.

— Какъ все-равно! Надо точка въ точку... Мнѣ за обманъ-то отвѣчать, а не тебѣ.

— «Здѣсь-ли родился, а если не здѣсь, то гдѣ именно?» Въ Рязани. «Здѣсь-ли приписанъ, а если не здѣсь, то гдѣ именно?» Ну, это до насъ не относится. Мы чи-

новники. «Гдѣ обыкновенно проживаетъ: здѣсь, а если не здѣсь, то гдѣ именно?» Зимой здѣсь, а лѣтомъ въ Озеркахъ.

— Но вѣдь жили и на Черной Рѣчкѣ на дачѣ. Не спутай, Бога ради, не подведи меня.

— Ну, въ Озеркахъ, на Черной Рѣчкѣ и въ Новой Деревнѣ.

— Нынче въ Колонію поѣдемъ.

— Ну, можно прибавить и Колонію. Какъ хорошо Софьѣ-то Алексѣевнѣ будетъ, что нигдѣ не спрашиваютъ женщинъ про замужество или вдовство. Она всѣмъ говоритъ, что вдова, а вѣдь на самомъ дѣлѣ дѣвица, нужды нѣтъ, что у ней мальчикъ. Можетъ ничего не писать.

— Не можетъ быть! Обязана!..

— Да нѣтъ-же здѣсь ничего про женщинъ! «Вѣроисповѣданіе»... Православное. «Родной языкъ». Само собой, русскій. Напишу также про себя, что говорю и по-французски.

— Ну, вотъ, только двадцать словъ и знаешь!

— Однако эти двадцать французскихъ словъ говорю-же! «Умѣетъ-ли читать?» Само собой... «Гдѣ обучается, обучался или кончилъ курсъ образованія?» Въ пансіонѣ у мадамъ Кошкиной.

— Да вѣдь ты тамъ не кончила,—замѣчаетъ мать.

— Я глухо и говорю. Понимай, какъ знаешь.

— Охъ, подведешь ты меня подъ отвѣтственность.

— «Занятіе, ремесло, должность или служба». Занятіе—читаю, шью, вяжу... Тутъ есть главное и побочное. Вотъ ужъ я не знаю какъ...

— А вотъ, гдѣ главное-то занятіе—тутъ и пишу: «сижу на шеѣ у матери».

— Какъ это глупо! Но хорошо, я напишу, а вы ужъ потомъ и расхлебывайте,—сказала дочь.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты пожалуйста... Я пошутила.

Дочь отбросила отъ себя листъ и слезливо заморгала глазами.

— Всегда съ попрекомъ... Безъ попрека ни на часъ,— сказала она и отвернулась.

IV.

Купецъ Иванъ Никитичъ Густомясовъ съ особенной важностью приступалъ къ составленію листа переписи. Былъ вечеръ, часъ девятый, воскресенье. Приказчики его лабазовъ, проживающіе вмѣстѣ съ нимъ одной квартирѣ и по случаю воскреснаго дня пришедшіе домой изъ лабазовъ въ семь часовъ вечера, не были отпущены со двора. Кухарка просилась проводить на желѣзную дорогу отъѣзжавшаго въ деревню кума, но и она не была отпущена по случаю переписи.

Въ гостиной комнатѣ былъ раскрытъ карточный столъ и на немъ поставлена лампа. Тутъ же стояла чернильница и лежали письменныя принадлежности. За столомъ сидѣлъ самъ Иванъ Никитичъ Густомясовъ въ халатѣ, въ серебряныхъ очкахъ на носу, а по стѣнамъ на стульяхъ размѣстилась вся семья его. Семья была уже переписана. Оставалось внести только прислугу и приказчиковъ. Около Густомясова лежала цѣлая стойка паспортовъ, но по паспортамъ онъ не могъ внести въ графы всѣ свѣдѣнія объ своихъ служащихъ, а потому и призывалъ ихъ для разспросовъ. Приказчики и мальчики давно уже толпились въ прихожей, въ смежной комнатѣ и заглядывали оттуда въ гостиную черезъ полуотворенную дверь. Хозяинъ нѣсколько разъ кричалъ имъ:

— Отерли-ли ноги-то хорошенько? Кто не отеръ, сходи и оботри! Сейчасъ вызывать буду.

— Отерли, Иванъ Никитичъ,—слышался отвѣтъ.

— Ну, то-то. Спиридоновна! Иди сюда! Пришлите Спиридоновну!

Изъ дверей выпихнули маленькую, худенькую, сгорбленную и морщинистую старуху, въ байковомъ платкѣ на головѣ и въ темномъ ситцевомъ платьѣ. Войдя въ гостиную, она прежде всего начала креститься на образа, потомъ поклонилась на всѣ четыре стороны.

— Чего ты кланяешься-то? Здѣсь не церковь,—замѣтилъ ей Густомясовъ.

— Вмѣсто отвѣта, она тяжело вздохнула и произнесла:

— О, Господи, прости мои прегрѣшенія!

— Отерла-ли ноги-то?—опять спросилъ ее Густомясовъ.

— А я въ валенкахъ, батюшка, благодѣтель. Валенки чистыя... Никуда не выходила.

— Ну, то-то, Спиридоновна,—началъ Густомясовъ.— Вотъ ты хоть и Спиридоновна, а по паспорту ты оказываешься вовсе не Спиридоновна, а Кондратьевна.

— Спиридоновна я, батюшка, всегда была Спиридоновна, а это въ паспортѣ перепутано. Въ волости перепутали... Давно уже перепутали. А Кондратьева моя фамилія. Отецъ былъ Спиридонъ Кондратьевъ, а не Кондратій Спиридоновъ,—дала отвѣтъ старуха.

— Гмъ... Какъ-же мнѣ тебя записать?

— Да ужъ пишите, благодѣтель, по настоящему. Я и въ поминанье покойника тятеньку записываю Спиридономъ, а не Кондратьемъ. Кондратій былъ дѣдушка, царство ему небесное.

— Боюсь, какъ-бы въ отвѣтъ не попасть. Въ докумен-

тѣ иначе. Ну, пусть будешь Спиридоновна! Имя-то вѣрно-ли—Татьяна? Можетъ быть никогда Татьяной не была?

— Татьяна, Татьяна. Всегда Татьяной звали.

— «Кондратьева, Татьяна Спиридоновна», записалъ Густомясовъ и спросилъ себя:—Вотъ тоже вопросъ: Какъ ты мнѣ приходишься?

— Да какъ? Вамъ ужъ лучше знать, какъ...

— Родней ты мнѣ не приходишься, жилицей тоже не состоишь.

— Благодѣтель вы мой, батюшка, Иванъ Никитичъ, за благодѣтеля я васъ считаю.

— Это я тебѣ благодѣтель. Ну, а ты мнѣ кто-же?

— Даете вы мнѣ уголокъ, даете вы мнѣ кусокъ—ну, я, и считаю васъ за благодѣтеля.

— Напишу—призрѣваемая изъ милости.

— Пишите, батюшка, благодѣтель, пишите.

— Сколько тебѣ лѣтъ? Въ паспортѣ показано, что шестьдесятъ пять, только, я думаю, куда больше.

— Охъ, больше, благодѣтель! Куда больше. Я такъ полагаю, что ужъ семьдесятъ съ хвостикомъ.

— Но вѣдь не могу-же я писать, что семьдесятъ съ хвостикомъ! Надо писать опредѣленно.

— Пишите семьдесятъ пять.

— Но семидесяти пяти тебѣ нѣтъ.

— Есть, есть, батюшка.

— Ну, семьдесятъ пять. Дѣвица ты?

— Охъ!

Старуха вздыхаетъ и переминается.

— Въ паспортѣ сказано, что дѣвица,—говоритъ Густомясовъ.

— О, Господи, прости мои великія прегрѣшенія! Я вамъ вотъ что, Иванъ Никитичъ, я вамъ какъ на духу...

— Ну, да не надо, не надо... Молчи... Запишу, какъ въ паспортѣ. Ты гдѣ родилась-то? Не упомнишь?

— Гдѣ упомнить, батюшка! Вѣдь я тогда была махонькая, несмышленая. Надо полагать, что въ банѣ, по нашему деревенскому обычаю, и навѣрное.

— Да не про баню! Баню не нужно. А въ деревнѣ или въ городѣ?

— Въ деревнѣ, въ деревнѣ, благодѣтель. Костромскіе, кажется, родители-то были, а потомъ ужъ въ Псковъ въ мѣщане приписались. Или нѣтъ, не костромскіе... А какъ это?..

— Забыла?

— Запамятовала, благодѣтель батюшка.

— И уѣзда какого не помнишь?

— Не помню, не помню. А губернія Калужская— вотъ какъ.

— Ну, запишемъ: Въ Калугѣ. Вѣроисповѣданіе? Вѣра какая?

— Вѣра? Охъ, была по стариковской вѣрѣ. А теперь ваша.

— Стало быть православная. Читать не умѣешь?

— Цифирь. Только цифирь умѣю.

— Опять не знаю, какъ писать. Буквъ-то читать не умѣешь?

— Не умѣю, не умѣю.

— Ну, значитъ, напишемъ, что—нѣтъ. Занятіе, ремесло.

— Я, благодѣтель, золотошвейка была. И была какая золотошвейка! Но вотъ глаза...

— Да вѣдь это была, а теперь ужъ нѣтъ.

— Только чулки, только чулки... Чулки могу... Самъ носишь мои чулки, Иванъ Никитичъ.

— Живетъ благотворительностью. Побочныя занятія: вяжетъ хозяевамъ носки. Ну, иди съ Богомъ, все.

Старуха опять начала креститься на образа. Опять поклонилась на всѣ четыре стороны и виновато отправилась въ прихожую.

— Максимъ Гавриловъ! — крикнулъ Густомясовъ

— Здѣсь! — откликнулся изъ-за дверей голосъ.

Въ гостиной показался рыжебородый краснолицый приказчикъ, въ сѣрой пиджачной парѣ и сапогахъ бутылками. Онъ отдалъ поклонъ хозяину, хозяйкѣ, сидѣвшей у стѣны, пригладилъ себя ладонями по волосамъ и остановился передъ столомъ, крякнувъ въ руку.

Начался опросъ.

V.

Максимъ Гавриловъ Гавриловъ... крестьянинъ Любимовскаго уѣзда, — началъ Иванъ Никитичъ Густомясовъ, обращаясь къ стоявшему передъ нимъ приказчику.

— Точно такъ-съ... Вашъ землякъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ того мѣста, откуда вы сами изволите быть, — отвѣчалъ приказчикъ.

— Объ этомъ не пишется, стало быть и разговаривать нечего. Я уже шестнадцатый годъ, какъ состою въ петербургскомъ купечествѣ.

— Еще недавно ваша кровная тетенька, старушка божья, пріѣзжала и мнѣ посылку привозила съ гостинцами изъ нашей деревни.

— Тетенька сама по себѣ, а я самъ по себѣ. О чемъ разговаривать! Дѣло идетъ о переписи, а ты пустопорожніе разговоры разсыпаешь.

— Виноватъ-съ...

— Ну, то-то. Тутъ вотъ въ графѣ пропечатано о прозвищѣ. Есть у тебя какое-нибудь прозвище? Смотри, не утаивай. За это въ отвѣтъ попадешь.

— Дразнятъ-съ... Это дѣйствительно...—нѣсколько сконфуженно произнесъ приказчикъ.

— А какъ?

— Да ужъ извѣстно, непріятнымъ манеромъ.

— Ну, ну...

— Слабость. Слабостью дразнятъ.

Хозяинъ улыбнулся.

— Что-же это обозначаетъ?—спросилъ онъ.

Приказчикъ сконфузился еще больше. Покосившись на сидѣвшее на стульяхъ въ этой-же комнатѣ хозяйское семейство, онъ отвѣчалъ

— Совѣстно сказать-съ... Дамы... также и при дѣтяхъ.

— Гм...—хрюкнулъ хозяинъ.—Ну, хорошо... Потомъ мнѣ объяснишь. А мы такъ и запишемъ, что Слабость. «Максимъ Гавриловъ Слабость»,—прочиталъ онъ записанное.—Женатъ, кажется?

— Женатъ-то женатъ, Иванъ Никитичъ, но...

— Что, но? Въ паспортѣ сказано, что женатъ.

Приказчикъ махнулъ рукой.

— Лучше ужъ ничего не пишите!

— Какъ-же такъ, чтобъ не писать? За это я въ отвѣтъ попаду. Вѣдь ты-же женатъ?

— Четвертый годъ жена по отдѣльному виду при докторѣ живетъ. Вѣдь изъ-за этого я и въ деревню не ѣзжу. Трудно, Иванъ Никитичъ, съ бабой сообразить, коли самъ здѣсь, въ Петербургѣ, а она тамъ, въ деревнѣ. Ни ее поучить настоящимъ манеромъ, ни что... Просилъ

ейнаго дядю... Да развѣ дядя что можетъ? Ну, и запустилъ. Вотъ уже четыре года скоро... Богъ съ ней! Бабенка молодая... Дѣтей нѣтъ.

— Однако, въ паспортѣ ты значишься женатымъ...— возразилъ Густомясовъ.

— Женатъ-съ, женатъ-съ... Настоящимъ манеромъ женатъ.

— И не разведенъ?

— Боже избави!

— Ну, такъ мы такъ и запишемъ, что женатъ. Умѣетъ-ли читать? Да... Гдѣ учился? Въ сельскомъ училищѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ. У пастуха.

— Какъ у пастуха?

— Такъ точно-съ... У пастуха. Лѣтомъ онъ у насъ былъ пастухъ а по зимамъ грамотѣ училъ. И отлично училъ, Иванъ Никитичъ. Въ мое время сельской школы у насъ не было, а училъ пастухъ, и вотъ я, слава Тебѣ Господи, и читать, и писать—въ препорціи...

— Ну, иди съ Богомъ и присылай Ивана Антипова.

Максимъ Гавриловъ, поклонясь, удалился. Вошелъ Иванъ Антиповъ—черный, кудрявый, съ маленькой бородкой, въ франтовскихъ сапогахъ гармоніей, въ черномъ пиджакѣ нараспашку и въ черной атласной жилеткѣ, «травками», поверхъ которой бѣлѣла большая шейная часовая серебряная цѣпочка.

— Иванъ Антиповъ Антиповъ,—прочиталъ Густомясовъ.—Это у меня все ужъ записано. Записано, что ты холостъ...

— Какъ на духу долженъ я отвѣчать?—спросилъ приказчикъ, косясь на хозяйское семейство.

— Само собой, долженъ говорить правду.

— Въ такомъ случаѣ, есть-съ...

— Что есть? Ты говори толкомъ!—крикнулъ на него Густомясовъ.

— Сударка есть, Иванъ Никитичъ,—потупясь далъ отвѣтъ приказчикъ.

— О, это вздоръ! Это не пишется.

— При младенцѣ-съ. Теперича ужъ мясоѣдъ на исходѣ, а послѣ Пасхи вамъ и Аннѣ Семеновнѣ, супругѣ вашей, хочу поклониться, чтобы благословили грѣхъ прикрыть.

— Не пишется, не пишется. Пока ты не повѣнчался, ты холостъ.

— Благодаримъ покорно, — поклонился приказчикъ.—А мы вѣдь располагали, что если такія строгости насчетъ этой переписки, что все безъ утайки... и такъ какъ даже старуха Спиридоновна...

— Ну, довольно. Тутъ вотъ о прозвищѣ... Нѣтъли у тебя какого-либо прозвища?

— Есть. Безмѣнъ. Мы по деревнѣ такъ всѣ Безмѣны и были, а вотъ какъ я поѣхалъ въ Питеръ мальченкомъ, то въ волости мнѣ въ паспортѣ...

— Иванъ Безмѣнъ! Иванъ Безмѣнъ!—забормоталъ маленькій сынишка Густомясова, сидѣвшій около матери, и засмѣялся.

— Смирно!—крикнулъ ему Густомясовъ и сказалъ приказчику:—Безмѣнъ... Странное прозвище.

— А это изъ-за того, что у насъ въ избѣ на всю деревню одинъ безмѣнъ былъ. Какъ что вѣшать—сейчасъ къ намъ за безмѣномъ. А потомъ мы и вышли Безмѣновы.

— Стало быть Безмѣновы, а не Безмѣны. Это дѣло другое,—сказалъ хозяинъ.

— Кто Безмѣнъ, кто Безмѣновъ. Пишите Безмѣновъ.

— Ну, ладно. Иванъ Антиповъ Безмѣновъ,—сказалъ хозяинъ.—Гдѣ грамотѣ обучался?

— У старухи-вѣковухи.

— У васъ старообрядческая молельная въ деревнѣ, что-ли!

— Такъ точно-съ. Крылошанки и обучали. Отъ насъ школа-то далеко.

— Постой... Такъ ты, можетъ быть, по старой вѣрѣ, а я тебя записалъ православнымъ.

— Нѣтъ-съ. Гдѣ-же, въ солдатахъ побывавши, старую вѣру сохранить! Покойникъ тятенька—это дѣйствительно... и маменька тоже... а я церковный.

— Ну, то-то.

Въ это время въ прихожей, гдѣ стояли другіе приказчики, послышался шумъ отъ нѣсколькихъ голосовъ, между которыми слышенъ былъ и голосъ хозяйскаго сынишки.

— Что тамъ? Смирно!—крикнулъ хозяинъ и отложилъ въ сторону перо.

Появился приказчикъ Максимъ Гавриловъ.

— Запретите, Иванъ Никитичъ, вашему Мишенькѣ дразниться. Пришелъ къ намъ и Слабостью меня дразнитъ,—говорилъ Максимъ Гавриловъ.—Слабость да Слабость. Я вамъ насчетъ этого прозвища, какъ на духу, а онъ при всѣхъ... «Эй, говоритъ, Слабость! Максимъ Слабость!»

Густомясовъ вскочилъ со стула.

— А гдѣ у меня подтяжки? Вотъ я его подтяжками!..—закричалъ онъ.

— Оставь, оставь... Онъ больше не будетъ. Ну, что ребенка...—вступилась за сына мать.

— Такъ поди и нарви ему уши...

Густомясовъ усѣлся.

VI.

Позовите сюда кухарку! Софью кухарку позовите!—возглашаетъ Густомясовъ, вновь усаживаясь за столъ.

— Нельзя-ли безъ нея, Иванъ Никитичъ, обойтись?—обращается къ Густомясову жена.—Она опару для аладьевъ заправляетъ къ завтрему.

—Какая тутъ опара, матушка, если у насъ сегодня первая всероссійская перепись. Позвать сюда Софью!

Два мальчугана срываются со стульевъ и бѣгутъ въ кухню звать кухарку. Черезъ минуту одинъ изъ нихъ возвращается и сообщаетъ:

— Сейчасъ придетъ. Только платокъ накинетъ. Она растрепанная.

Густомясовъ ждетъ и закуриваетъ папиросу.

Черезъ пять минутъ является второй мальчуганъ.

— Папенька! Софья спрашиваетъ, можетъ-ли она босикомъ придти. Ей обуваться долго...—говоритъ онъ.

— Ахъ, Боже мой! Да пусть какъ есть идетъ. Только-бы скорѣе!

Мальчуганъ бѣжитъ съ рѣшеніемъ. Показывается Софья—женщина среднихъ лѣтъ, босая, но въ ситцевомъ платкѣ на головѣ и байковомъ на плечахъ. Она кланяется хозяину и произноситъ:

— Мужъ былъ солдатъ и безъ вѣсти пропавши а теперь я ни вдова, ни замужняя.

Густомясовъ смотритъ на нее пристально и отвѣчаетъ:

— Такъ ужъ я тебя теперь не знаю, какъ и писать. Тутъ въ листѣ такой графы нѣтъ. Тутъ только сказано—женатъ, вдовъ холостъ или разведенъ.

— Охъ, батюшка! Сама я мучаюсь такимъ маперомъ

восемь лѣтъ изъ-за него, подлеца! Пропалъ и женѣ хоть-бы слово...

— Да можетъ быть умеръ ужъ давно.

— Охъ, нѣтъ, голубчикъ. Три года тому назадъ, на вешняго Николу приходилъ въ деревню, утащилъ у братьевъ новый полушубокъ и топоръ и убѣгъ. Охъ, грѣхи!

— Ну, тогда запишемъ, что замужняя,—сказалъ Густомясовъ.

— Замужняя, замужняя, въ церкви вѣнчаны,—подтверждаетъ кухарка.

— Такъ Круглова, Софья Степанова?

Густомясовъ хочетъ писать, но кухарка его останавливаетъ.

— Я не Софья, Иванъ Никитичъ, а Соломонида.

— Какъ Соломонида? Годъ у насъ живешь, все была Софья а тутъ Соломонида стала?

— И по сейчасъ всѣ Софьей зовутъ, а по паспорту я Соломонида.

— Да не можетъ быть!

Густомясовъ схватываетъ паспортъ и начинаетъ его разсматривать.

— Съ перваго мѣста я Софьей зовусь. Какъ изъ деревни пріѣхала,—Софья, а раньше была Соломонида,—стоитъ на своемъ кухарка.

— Да... Соломонида. Съ чего-жъ ты это имя-то перемѣнила?

— Не я, а барышни, у которыхъ я жила.

— Какъ барышни?

— Очень просто. Поступила я, какъ изъ деревни пріѣхала, къ двумъ барышнямъ въ горничныя. Двѣ барышни были, съ мамашей жили. «Какъ имя?» спрашиваютъ. «Соломонида», говорю. «Охъ, какое, говоритъ, имя у тебя

трудное! «Будь ты лучше Софья. Софья легче выговорить». Ну, съ тѣхъ поръ Софьей и осталась.

— Смотри, нѣтъ-ли тутъ подвоху какого съ твоей стороны?

— Да какой-же можетъ быть подвохъ-то, господинъ-хозяинъ? У насъ, вонъ, землякъ есть. Такъ тотъ въ кучерахъ на десяти мѣстахъ Иваномъ жилъ, а поступилъ къ генеральшѣ,—приказали Терентьемъ быть. Лакею, вишь ты, трудно выкликать его у подъѣзда, потому что кучеровъ Ивановъ очень много.

— Ну, Соломонида, такъ Соломонида. Читать умѣешь?

— Только по вывѣскамъ, Иванъ Никитичъ, а такъ, по печатному, не умѣю.

— Стало быть, питейный домъ отъ портерной лавки всегда отличишь?

— Да что вы, Иванъ Никитичъ, я не пьющая.

— Ну, лучше ужъ я запишу, что ты читать не умѣешь.

— Воля ваша, хозяинъ.

— Годы въ паспортѣ поставлены правильно? Тутъ тридцать девять.

— Да кто-жъ ихъ знаетъ! Годы писарь пишетъ. Это его дѣло. Написалъ, такъ значитъ, правильно. Больше ничего?

— Можешь уходить.

Кухарка кланяется и уходитъ.

— Софья!—кричитъ ей вслѣдъ хозяйка.—Въ опару-то не забудь изюму положить.

— Никифоръ Даниловъ теперь!—говоритъ Густомясовъ и кричитъ:—Никешка!

Входитъ лавочный мальчикъ въ пиджакѣ съ хозяйскаго плеча, но съ обрѣзанными рукавами, и кланяется

— Никифоръ Даниловъ, — пишетъ Густомясовъ и спрашиваетъ:—Прозвище у тебя есть?

Мальчишка таращитъ глаза и не понимаетъ.

— Дразнятъ тебя какъ нибудь?

— Дразнятъ.

— Какъ?

— Мальчишки ерошкой дразнятъ, приказчики—ты, говорятъ, сопѣль.

— То-есть какъ это сопѣль?

— А вотъ что я носомъ соплю.

— Ну, это не то. Гдѣ обучался грамотѣ?

— У Василь Ферыча.

— Кто это Василь Ферычъ?

— Учитель у насъ въ селѣ.

— Въ сельской школѣ учился,—говоритъ Густомясовъ, записывая.—А родился въ своей деревнѣ?

— Нѣтъ, мамка сказывала, что я родился въ монастырѣ,—бойко отвѣчаетъ мальчикъ.

— Какъ въ монастырѣ, въ какомъ монастырѣ?

— А куда мамка на богомолье ходила. Она пошла въ монастырь Богу молиться, а я тамъ въ монастырѣ и родился.

— Да что ты врешь!

— Истинно, Иванъ Никитичъ... Меня въ деревнѣ такъ и звали Монастырскій.

— Такъ вотъ оно прозвище-то у тебя какое! А ты говоришь про какого-то ерошку. Такъ мы и запишемъ: Никифоръ Даниловъ Монастырскій. Можешь уходить.

— Меня еще плаксой дразнили, господинъ хозяинъ,—заявляетъ мальчикъ.

— Ступай вонъ! Довольно.

— А то поросенокъ...

— Убирайся! Вотъ разохотился! Да позови Веденейку!

Входитъ второй лавочный мальчикъ—Веденей.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗВА.

I.

Скрипнула калитка палисадника. Залаяла маленькая собаченка, бросившись отъ террасы. Къ террасѣ медленными шагами подошелъ рослый рыжебородый лавочникъ въ сапогахъ бураками и въ передникѣ, низъ котораго приподнятъ и заткнутъ за поясъ.

— Тише, Фиделька, тише... Не воры идутъ...— успокоивалъ онъ лающую собаченку.

— Кто тамъ?—воскликнулъ пожилой дачникъ, расположившійся завтракать на террасѣ, и выглянулъ въ садикъ изъ за парусинной драпировки.

— Мясникъ къ вашей чести,—откликнулся лавочникъ, приподнимая картузъ и надѣвая его опять.

— Что тебѣ надо? Зачѣмъ?

— Да кто за чѣмъ другимъ, а я все въ одномъ направленіи. За деньгами. Прикажите заборную книжечку погасить.

— Позволь... Но вѣдь за деньгами ходятъ перваго числа... особенно къ служащимъ людямъ, а сегодня только пятнадцатое.

— Это точно... Это дѣйствительно...—согласился мясникъ.—Но ужъ два первыхъ числа прошло, а мы отъ вашего здоровья никакого дивидента не видали.

— Не можетъ быть!—удивился дачникъ.—Развѣ тебѣ жена моя перваго іюля и перваго августа не заплатила? Я ей давалъ деньги для уплаты за мясо.

— Никакъ нѣтъ-съ... Вотъ ужъ два мѣсяца мы при пиковомъ интересѣ... Иначе никогда-бы я вашу честь не посмѣлъ... Ни за іюнь, ни за іюль... Вотъ и августъ въ половинѣ...

— Что-нибудь да не такъ... Марья Андревна!—крикнулъ дачникъ жену.

— Что тамъ?—послышался изъ комнаты голосъ.

— Поди сюда, милый другъ... Тутъ какое-то недоразумѣніе...

На террасу выглянула среднихъ лѣтъ миловидная женщина и, увидавъ мясника, смутилась. Лицо ея вспыхнуло.

— Развѣ ты не уплатила въ мясную за мясо въ іюлѣ и перваго августа?—продолжалъ дачникъ.

— Нѣтъ еще. Но вѣдь ему и не на хлѣбъ... Подождать можетъ,—пробормотала сконфуженно жена и накинулась на мясника:—Чего ты лѣзешь!.. Развѣ пропадало за нами

— Это вы точно, матушка Марья Андревна, это дѣйствительно... Но такъ какъ мы приказчики и сбираемся ѣхать въ деревню, а хозяинъ нашъ...

— Молчи! И ступай вонъ! Деньги будутъ въ свое время уплочены...

— Свое время-то, матушка-барыня, ужъ ушло—вотъ я изъ-за чего...

— Уходи, уходи! Что это за нахальство въ домъ лѣзть за деньгами!

— Но отчего-же, Маша, ты мнѣ не сказала, что по книжкѣ не уплочено?..—началъ мужъ.

— Пожалуйста не при людяхъ... Что это за манера!—оборвала его жена и опять сказала мяснику —Можешь отправляться, отправляться. Деньги твои не пропадутъ.

— Да, да... Ты получишь... Уходи голубчикъ своевременно получишь... Дня черезъ три я самъ тебѣ принесу...—забормоталъ въ свою очередь мужъ.

— Хорошо-съ... Будемъ ждать... А только пожалуйста баринъ... Теперича, такъ какъ мы ѣдемъ въ деревню...

— Ладно, ладно... Будь спокоенъ.

— Прощенья просимъ-съ... Счастливо оставаться. Пріятнаго аппетита...

Мясникъ снова приподнялъ картузъ и сталъ выходить изъ садика.

Мужъ, сидѣвшій уже передъ налитой рюмкой водки и державшій въ рукѣ редиску, чтобъ закусить ею, взглянулъ на жену испытующимъ взглядомъ и изображалъ изъ себя знакъ вопросительный. Она отвернулась и смущенно проговорила:

— Не понимаю, что за манера дѣлать эти очныя ставки съ лавочниками!

— Позволь, Марья Андревна, я вовсе не дѣлалъ тебѣ очную ставку, а если человѣкъ приходитъ за деньгами, а я знаю, что деньги я уплатилъ,—сказалъ мужъ,— то само собой...

— Ну, довольно довольно! Пей водку-то! А то сидишь. какъ истуканъ, съ редиской въ рукѣ...

— Я пораженъ... Я, я... Но куда-же ты дѣла деньги, которыя я тебѣ далъ на расплату?..

Мужъ не только не выпилъ водки, но положилъ и редиску на столъ.

Жена стояла, отвернувшись отъ мужа и соображала, что ей выгоднѣе: накинуться на него и сдѣлать сцену, или оправдываться и потомъ признаться въ употребленіи денегъ на другой предметъ. Наконецъ, она забормотала:

— Куда! Куда! Деньги ему не на хлѣбъ... Ты самъ знаешь... у насъ семейство... Варичкѣ классное платье... Петенькѣ брюки... А ты такъ мало даешь денегъ на семью...

— Я далъ тебѣ, другъ мой, семь рублей Варичкѣ на платье...

— А много-ли это семь рублей? Семь рублей одна только матерія... Она дѣвочка большая. А портнихѣ? А... а? Наконецъ, такъ по хозяйству...

— Платье для Варички еще не готово и портнихѣ ты, стало было, еще не платила.

— А варенье я варила. Сколько я варенья наварила! Грибы мариновала. Уксусъ для грибовъ...

— Милая моя, на варенье я тебѣ отдѣльно далъ пять рублей и привезъ изъ города пудъ сахарнаго песку.

— Банки для варенья покупала... Да мало-ли еще что! У тебя два раза въ недѣлю этотъ несносный винтъ... Гости твои жрутъ какъ акулы. Нужно закуску приготовить, нужно водку проклятую...

— На водку и пиво я всякій разъ давалъ деньги отдѣльно. Банки для варенья у тебя прошлогоднія...— слышались возраженія.

— Что ты ко мнѣ, какъ судебный слѣдователь, придираешься! Ты забываешь, что я даже лососиной кормила твоихъ проклятыхъ гостей!

Пауза.

— Можетъ быть у тебя и въ мелочную лавку по книжкѣ не заплочено?—спросилъ мужъ.

— Конечно-же не заплочено,—проговорила жена,

сѣла, слезливо заморгала глазами и вынула изъ кармана носовой платокъ.

— Ай-ай-ай! А вѣдь я на все это давалъ каждый мѣсяцъ деньги...—пробормоталъ мужъ.—А зеленьщику?—задалъ онъ вопросъ.

Жена виновато молчала.

— Куда-же ты дѣвала деньги, Манечка?—продолжалъ мужъ.

Жена ужъ плакала и громко сморкалась.

— Скачки проклятыя...—выговорила она наконецъ.—Съ лошадьми мошенничаютъ. Я всегда во всемъ несчастлива... А тутъ ставила на свое и Варичкино счастье...

— Стало быть, ты деньги, что я тебѣ давалъ на уплату за провизію, проигрывала?—растерянно спросилъ мужъ.

— Тотализаторъ... Проклятый тотализаторъ!..—вырвалось у жены и она зарыдала.

II.

Купецъ Семенъ Иванычъ Клубковъ вчера только вернулся съ Нижегородской ярмарки, куда ѣздилъ недѣли на двѣ. Сегодня утромъ онъ пришелъ въ лавку, истово перекрестился на икону и спросилъ выстроившихся въ струнку за прилавками приказчиковъ:

— Ну, какъ безъ меня торговали?

Выступилъ старшій приказчикъ, среднихъ лѣтъ человѣкъ, брюнетъ, съ бородой травками, франтовато одѣтый въ темную пиджачную парочку, и какъ-то заикаясь отвѣтилъ:

— Лѣтнее время, само собой... Крупнаго покупателя почитай что вовсе не было... Ну, а по мелочамъ кое-что

набиралось по малости... Извѣстно, ужъ лѣтомъ не завалило.

— Ну, вотъ я сейчасъ посмотрю...—проговорилъ Клубковъ.—Запись-то въ порядкѣ вели?

Встрепенулся второй приказчикъ, молодой блондинъ, въ усахъ и свѣтлосинемъ галстукѣ.

— Въ точку-съ...—откликнулся онъ.—Копѣйка въ копѣйку... И листки въ порядкѣ на шпилькѣ повѣшены. Какъ листокъ подадутъ—сейчасъ-же я вносилъ въ книгу.

— Ну, то-то...

Клубковъ сѣлъ около прилавка на стулъ, снялъ шляпу и сталъ отирать лобъ отъ пота. Блондинъ продолжалъ:

— Каждый день, передъ запоромъ лавки, итогъ подводилъ. Съ Николаемъ Захарычемъ скликнусь, у него по кассѣ вѣрно—ну, и запираемся.

Онъ кивнулъ на брюнета съ бородой травками.

— И у тебя касса въ порядкѣ?—перевелъ хозяинъ глаза на брюнета.

— Въ порядкѣ-съ...—пробормоталъ тотъ, поблѣднѣлъ и потупился.

— На текущій счетъ клалъ?

— Клалъ.

— Сколько-же на текущій счетъ положилъ?

— Тысячу сто.

— Только-то? Это за двѣ недѣли-то! Что-же, платежи были? Платежей, насколько мнѣ помнится...

— Два векселя-съ... Триста и сто восемьдесятъ.

— Такъ.... Хозяйка сказывала мнѣ, что только шестьдесятъ рублей на расходъ брала...

— Выдалъ-съ....

— Стало быть, у тебя наличными есть изрядно?—спрашивалъ хозяинъ брюнета.

— На порядкахъ-съ. Въ страховую контору платили...

— Ну, это всего сорокъ одинъ рубль съ копѣйками.

— Столяру-съ...

— Какому столяру?

— Дверь исправлялъ.

— Тысячу рублей, что-ли, отворотилъ столяру-то?

— Рубль съ четвертью.

— Вотъ дуракъ-то! Я о суммахъ спрашиваю, а онъ мнѣ: рубль съ четвертью.

Приказчикъ смѣшался.

— Тамъ рубль съ четвертью, здѣсь рубль съ четвертью—оно и наберется,—проговорилъ онъ.—Полотерамъ платили... За полуду чайника отдавалъ.

— Молчи...—махнулъ ему рукой хозяинъ, побарабанилъ пальцами по прилавку и сказалъ:—Хозяйка жаловалась мнѣ, что три раза она пріѣзжала въ лавку и тебя на мѣстѣ не было.

Приказчикъ вспыхнулъ.

— За получкой ходилъ. Нельзя-же безъ получки...

— За получкой рано утромъ ходятъ или вечеромъ, а это днемъ было. Съ кого получалъ-то?

— Да мало-ли съ кого... Я и не три раза отлучался. Коли приказываютъ, что зайдите, молъ, въ два часа, то обязанъ-же я за хозяйскими деньгами...

— Ну, ладно. Сдавай кассу, пока въ лавкѣ покупателей нѣтъ,—проговорилъ хозяинъ, вставая, и направился за стеклянную перегородку, за которой стояла конторка и лежали книги. Вошелъ туда приказчикъ-брюнетъ. Подошелъ къ двери перегородки и приказчикъ-блондинъ.

— И мнѣ прикажете по своей части?—спросилъ онъ хозяина.

— Зачѣмъ? Запродажная книга тутъ, такъ и безъ тебя справлюсь. А вотъ кассу отъ Николая Захарова принять надо. Это ужъ онъ долженъ сдавать.

Хозяинъ раскрылъ одну изъ книгъ.

— На четыре тысячи семьдесятъ два рубля продано,—сказалъ онъ, заглянувъ въ нее.—У тебя по кассовой книгѣ такъ?—спросилъ онъ приказчика-брюнета.

— Точно такъ-съ...—отвѣчалъ тотъ, смотря въ книгу, и прибавилъ:—У меня все въ порядкѣ.

— А въ порядкѣ, такъ и чудесно. За то тебѣ хвала и слава,—пошутилъ хозяинъ.—Четыре тысячи семьдесятъ два рубля и сорокъ пять копѣекъ.

Онъ положилъ на счетахъ. Приказчикъ протянулъ ему книжку текущаго счета и сказалъ:

— Вотъ-съ... Тысяча сто положено.

— Отчего у тебя руки трясутся?—спросилъ приказчика хозяинъ.—Куръ воровалъ или пьянствовалъ много въ мое отсутствіе? Охъ, Николай, Николай! Считалъ я тебя за надежнаго человѣка, а ты...

— Нездоровъ сегодня-съ...—пробормоталъ приказчикъ.

— Съ выпивки и нездоровъ. Отъ тебя и по сейчасъ несетъ перегаромъ. Ну-съ... На текущій счетъ внесены тысяча сто. Долой ихъ. Четыресто восемьдесятъ по векселямъ уплочено. Долой ихъ. Марьѣ Алексѣевнѣ шестьдесятъ—долой ихъ. Мелкіе расходы...Подсчитано. Двѣсти девяносто. Двѣ тысячи двѣсти два рубля у тебя должно быть на рукахъ. Давай ихъ.

— Въ желѣзномъ сундукѣ-съ...—пробормоталъ приказчикъ.

— Отворяй сундукъ. Вѣдь ключъ у тебя, а не у меня,—сказалъ хозяинъ.—Странно, что ты двѣ тысячи двѣсти въ сундукѣ держишь, а не на текущемъ счету,—прибавилъ онъ.

— Думалъ, что вотъ-вотъ пріѣдете.

— А пріѣхалъ, такъ только-бы поблагодарилъ, что на текущемъ счету.

— Нельзя же-съ безъ денегъ... Надо на сдачу.

— А на сдачу двѣ-три сотни мелкихъ бумажекъ, такъ и достаточно.

Щелкнулъ ключъ замка и отворилась крышка желѣзнаго ящика. Приказчикъ вынулъ оттуда пачку сторублевыхъ, сосчиталъ ихъ и положилъ на конторку передъ хозяиномъ.

— Тысяча-съ...—сказалъ онъ.

— Сдавай сдавай...—торопилъ хозяинъ.

Вынута вторая пачка. Приказчикъ сосчиталъ, положилъ и сказалъ:

— Шестьсотъ-съ...

— Ну, дальше...

Приказчикъ держалъ тощую пачку.

— Тутъ восемьдесятъ шесть... Восемь золотыхъ по пяти рублей. Два полуимперіала... Мелочь...

— Стой, стой... Дай костяжки-то со счетовъ скинуть,—остановилъ его хозяинъ, звякая на счетахъ.— Еще четыреста шестьдесятъ одинъ рубль надо.

— Мелочь-съ...—коснѣющимъ языкомъ пробормоталъ приказчикъ.—Восемнадцать рублей серебряными рублями.

— Ну, мелочи на двѣнадцать рублей... ну, съ восемнадцатью рублями, и того тридцать. Тридцать долой... Гдѣ-же остальные-то четыреста тридцать?

Приказчикъ запинался.

— Да тутъ были...—проговорилъ онъ.

— А если были, то куда-же они дѣвались? Тутъ нѣтъ.

Произошла пауза. Приказчикъ вдругъ заплакалъ.

— Семенъ Иванычъ! Отецъ и благодѣтель!.. Про-

стите! Заживу ихъ!—воскликнулъ онъ и, рыдая, бросился хозяину въ ноги.

— Растратилъ? Прокутилъ? Ахъ, ты мерзавецъ! Вотъ отчего жена моя тебя въ лавкѣ не находила! Вотъ какая у тебя получка-то была!—закричалъ хозяинъ.

— Благодѣтель! Видитъ Богъ, не кутилъ я. На другомъ бѣсъ меня попуталъ.

— Любовницу завелъ? Любовница подтибрила? Понимаю!

— Нѣтъ, нѣтъ, благодѣтель, Семенъ Иванычъ! На другомъ бѣсъ меня попуталъ. На скачкахъ, на скачкахъ я соблазнился и проигралъ.

— Тотализаторъ?

— Онъ... Онъ, проклятый... Но я заслужу вамъ все до копѣечки, Семенъ Иванычъ, простите только меня раба грѣшнаго!—плакался приказчикъ, не поднимаясь съ пола.

Хозяинъ покачалъ головой. Онъ не зналъ, что и говорить.

— Ахъ, ты шельма, шельма! Ахъ, ты эѳіопъ! Ахъ, ты... Туда-же въ тотализаторъ!..—пробормоталъ онъ.— Хозяинъ отъ тотализатора, какъ отъ чумы бѣжитъ, а ты приказчикъ... Вонъ изъ лавки!—закричалъ онъ, хлопая крышкой сундука.

— Соблазнъ, соблазнъ... Не устоялъ противъ соблазна...—стоналъ приказчикъ и, пошатываясь, направился вонъ изъ-за перегородки.

III.

Воскресенье. Семейство статскаго совѣтника и домовладѣльца Путалова завтракаетъ. На столѣ кулебяка съ сигомъ и капустой, большой никелирован-

ный кофейникъ стоитъ на спиртовой лампѣ съ таганомъ. Вокругъ стола усѣлись чады и домочадцы, и происходитъ оживленный семейный разговоръ.

У наружныхъ дверей въ прихожей—звонокъ. Нарядная горничная въ бѣломъ передникѣ съ кружевцами и прошивками, прислуживавшая у стола, бѣжитъ отворять дверь и черезъ нѣсколько времени возвращается и докладываетъ:

— Господинъ Семиполовъ желаетъ васъ видѣть, Михаилъ Петровичъ.

— Семиполовъ?—переспрашиваетъ Пугаловъ.

— Да-съ... Семиполовъ... Вотъ что домъ на углу, такъ самъ домовладѣлецъ.

— Что ему такое? Попроси въ гостиную. Я сейчасъ...—бормочетъ Пугаловъ и торопится доѣдать кусокъ пирога.

Старшій сынъ Пугалова—молодой человѣкъ съ начинающими уже пробиваться на верхней губѣ усиками, въ формѣ одного изъ учебныхъ заведеній, блѣднѣетъ. Сначала онъ закрывается салфеткой, потомъ встаетъ изъ-за стола и незамѣтно уходитъ изъ столовой.

— Семиполовъ... Семиполовъ... Это сосѣдъ нашъ, но никогда не бывалъ у меня. По какому это онъ дѣлу?—продолжаетъ Пугаловъ.—Должно быть, не насчетъ трубъ-ли сточныхъ? Мы хотѣли просить объ очисткѣ уличныхъ сточныхъ трубъ.

Онъ снялъ салфетку, заткнутую за воротничекъ рубашки, всталъ изъ-за стола и вышелъ въ гостиную. Въ гостиной ходилъ изъ угла въ уголъ пожилой мужчина съ довольно объемистымъ брюшкомъ, въ черномъ пиджакѣ, сѣрыхъ брюкахъ и бѣломъ жилетѣ.

— Доброму сосѣду!—раскланялся передъ нимъ Пу-

галовъ.—Какому счастливому случаю обязанъ, что вы изволили меня посѣтить? Предполагаю, что по дѣлу о сточныхъ трубахъ, объ очисткѣ которыхъ мы хотѣли просить городскую управу.

Оба подали другъ-другу руки и пожали ихъ. Семиполовъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ

— Если вы приступаете съ такимъ вопросомъ, достоуважаемый Михаилъ Петровичъ, то значитъ моя догадка вѣрна, что вы тутъ ни въ чемъ не причинны и во всемъ виноватъ молодой человѣкъ. Буду поэтому говорить смѣлѣе.

— Пожалуйста, пожалуйста. Впрочемъ, что-же мы стоимъ? Прошу покорно садиться,—предложилъ хозяинъ, указывая на кресло.—Курить не прикажете-ли?

Оба сѣли. Хозяинъ раскрылъ портсигаръ съ папиросами и подвинулъ спички. Гость сдѣлалъ маленькую паузу и спросилъ:

— Посылали вы ко мнѣ недѣль пять тому назадъ за пятьюдесятью рублями?

Пугаловъ даже отодвинулся отъ Семиполова на стулѣ и растопырилъ руки.

— Въ первый разъ слышу,—сказалъ онъ.

— Ну, такъ у меня былъ вашъ старшій сынъ съ вашей карточкой и взялъ пятьдесятъ рублей для васъ, какъ онъ говорилъ. Сынъ вашъ взялъ у меня деньги и обѣщался возвратить ихъ на другой-же день, но вотъ уже прошло около пяти недѣль...

— И не думалъ, и не воображалъ брать у кого-либо денегъ. Сынъ мой также мнѣ ничего не говорилъ о деньгахъ. Вы хорошо знаете моего сына?

— Да какъ-же не знать-то? Вѣдь я вижу, когда онъ бываетъ съ вами въ церкви. Наконецъ, онъ катается

на конькахъ вмѣстѣ съ моимъ сыномъ и два раза былъ у меня въ домѣ. Мой сынъ приводилъ его къ себѣ по какому-то дѣлу. Судите сами, иначе какъ-бы я ему повѣрилъ пятьдесятъ рублей? Зовутъ его Аристархъ—разсказывалъ Семиполовъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ Пугаловъ, закусилъ губу, потомъ вздохнулъ и проговорилъ:—Предчувствую, что тутъ какая-нибудь возмутительная шалость.

— Вотъ, вотъ!.. Это-то и заставило меня придти къ вамъ. Можетъ быть ужъ это и не единственный случай, а потому надо все это скорѣе пресѣчь,—продолжалъ Семиполовъ.—Что тутъ шалость, я сейчасъ-же догадался черезъ двѣ-три недѣли. Я разсуждалъ такъ: если-бы сынъ Михаила Петровича взялъ у меня пятьдесятъ рублей дѣйствительно для своего отца, то отецъ, какъ состоятельный человѣкъ, возвратилъ-бы эти деньги сейчасъ-бы.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни зачѣмъ я не посылалъ къ вамъ сына, никакихъ отъ него денегъ я не получалъ!—вскричалъ Пугаловъ.—Тутъ шалость мальчишки, возмутительная шалость! Вотъ возьмите ваши пятьдесятъ рублей.

Пугаловъ полѣзъ въ карманъ за бумажникомъ, вынулъ изъ бумажника деньги и продолжалъ:

— Но прежде чѣмъ я позову сына и приступлю къ разбирательству этого дѣла, будьте любезны разсказать мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ это случилось. Мальчишка шалитъ, и это ужъ не первый случай его шалости. Нѣчто подобное уже было. Такъ вотъ-съ... при какихъ обстоятельствахъ?

Говоря это, Пугаловъ покраснѣлъ и на лысинѣ его выступилъ крупный потъ. Семиполовъ отвѣчалъ:

— Да вовсе безъ всякихъ обстоятельствъ. Является ко мнѣ такъ около полудня. Былъ праздникъ. Является

и подаетъ мнѣ вашу карточку. «У папы, говоритъ, случилось несчастіе. Онъ ѣхалъ въ конкѣ, стоялъ на тормазѣ и у него вытащили изъ бокового кармана бумажникъ съ деньгами. Вытащили, говоритъ, или онъ самъ потерялъ—папа хорошенько не помнитъ. Но бумажника съ деньгами нѣтъ, а папѣ нужны деньги на расходы».

— Мерзавецъ!—воскликнулъ Пугаловъ.

— «Папѣ нужны деньги на расходы. Деньги у папы есть въ банкѣ на текущемъ счету, но сегодня праздникъ и ихъ получить нельзя по чеку—вотъ папа и послалъ меня къ вамъ попросить пятьдесятъ рублей до завтра».

— Каковъ сочинитель! Нѣтъ, каковъ сочинитель!

Пугаловъ ударилъ себя по колѣнкѣ и вскочилъ со стула.

Семиполовъ тоже поднялся и сказалъ:

— Вотъ теперь все. Денегъ я ждалъ пять недѣль, не дождался и рѣшился сообщить вамъ... Затѣмъ, извините за безпокойство и позвольте проститься съ вами!

— Благодарю, что сказали,—проговорилъ Пугаловъ и вздохнулъ:—Ахъ, что нынче за мальчики! Это чистое наказаніе! Аристархъ!—крикнулъ онъ сына.

— Нѣтъ, ужъ только, Бога ради, не при мнѣ, многоуважаемый... Мое дѣло было вамъ сказать, а слушать—не могу. Мое почтеніе...

Семиполовъ схватилъ шляпу и бросился въ прихожую. Пугаловъ сталъ его провожать, затѣмъ, когда тотъ ушелъ, вбѣжалъ въ столовую и сказалъ женѣ, все еще сидѣвшей около кофейника:

— Каковъ у насъ-то Аристархъ-то! Новая мерзость... Новое происшествіе... Взялъ отъ имени моего у Семиполова мѣсяцъ тому назадъ пятьдесятъ рублей и не возвратилъ до сихъ поръ. Обманомъ взялъ... Да вѣдь какую исторію сочинилъ!

— Да что ты! Какъ-же это дѣло было?

Жена слезливо заморгала глазами.

— Да какъ дѣло было! Подло дѣло было, скверно было, гнусно было!—закричалъ Пугаловъ.—Надо сейчасъ разобрать. Аристархъ!—сталъ онъ звать сына.—Аристархъ! Но какъ и чѣмъ его наказать за эту продѣлку? Вѣдь это почти мошенничество! Аристархъ!

Въ дверяхъ показался сынъ. Онъ шелъ тихо, потупившись. Лицо его было красно, онъ плакалъ.

— Ну, что ты надѣлалъ, дрянь ты этакая!—воскликнулъ отецъ.—Ухитриться подъ такимъ предлогомъ взять совершенно у посторонняго человѣка деньги. И куда тебѣ такія деньги? Вѣдь я даю тебѣ деньги на мелкіе, карманные расходы. Мальчишка! Материно молоко еще на губахъ не обсохло, а онъ...

— Простите...

И сынъ, горько плача, низко поклонился.

— Простите, простите...—передразнилъ его отецъ.—Но вѣдь этого мало, что ты плачешь и просишь прощенія. Ты долженъ разсказать, куда ты дѣлъ деньги. Говори, мошенникъ!

— Тотализаторъ проклятый!—проговорилъ, рыдая, юноша.

IV.

Молодая хорошенькая женщина, въ юбку которой стоялъ уцѣпившись бѣлокурый мальчуганъ лѣтъ трехъ, одѣтый въ синій матросскій костюмъ, вынула изъ кармана носовой платокъ, отерла влажные глаза и съ нервнымъ дрожаніемъ въ голосѣ заговорила:

— Я очень рада, что вы пришли... И вы, папаша,

и вы, мамаша... А то я хотѣла къ вамъ ѣхать. Бога ради, повліяйте какъ-нибудь на Геннадія. Вѣдь съ нимъ просто жить невозможно. Можетъ быть, онъ васъ какъ отца и мать послушаетъ, а я ужъ всякія увѣщанія испробовала и все никакого толку.

— Что такое? Что такое? Развѣ опять?..—тревожно спросилъ свекоръ и свекровь.

— Опять... Да онъ и не прекращалъ! Зимой ему нѣсколько повезло и онъ выкупилъ кое-какія наши вещи, а лѣтомъ снова сталъ закладывать.

— Даже вещи проигрываетъ?—воскликнулъ свекоръ, полный, добродушнаго вида старикъ съ крупной лысиной и сѣдой, коротко остриженной бородой.

— Да вѣдь ужъ я два раза говорила вамъ...—произнесла молодая женщина.

— Говорила, говорила она, только ты забылъ,—подхватила свекровь, тоже полная женщина съ широкимъ проборомъ на головѣ, въ сѣромъ фланелевомъ платьѣ и золотыхъ часахъ съ длинной золотой цѣпочкой на груди, и прибавила:—Проклятый тотализаторъ! И какъ только не запретятъ его!

— Вы говорили мнѣ, Евгенія Васильевна, что Геннадій много въ тотализаторъ проигрываетъ, а про вещи ничего не говорили,—сказалъ старикъ.—Вещи это ужъ слишкомъ!

— И про вещи, папаша, говорила. Вы знаете, весной вѣдь онъ мою лисью ротонду проигралъ.

— Да что ты!

Старикъ даже привскочилъ въ креслѣ, поднялся и сталъ ходить по гостиной.

— Проигралъ. Я и не знала-бы этого, но вчера онъ мнѣ самъ сознался,—продолжала молодая женщина.

— Это изъ рукъ вонъ!—возмущался старикъ.

— Весной онъ взялъ мою ротонду, чтобы отдать на лѣто для сохраненія отъ моли мѣховщику, я такъ и думала что ротонда у мѣховщика. Вчера я говорю ему: хорошо-бы, Геннадій, завтра взять отъ мѣховщика мою ротонду. Пора ужъ.. Пока она вывѣтрится отъ камфары и нафталину. Вдругъ онъ встаетъ передо мной на колѣни и говоритъ: «Прости, Женичка, я ее заложилъ въ ломбардъ». Ну, когда онъ теперь ее выкупитъ! Денегъ у него никогда ни копѣйки. Жалованье свое въ конторѣ онъ всегда забираетъ впередъ. Я знаю, что у него выданы векселя какимъ-то жидамъ, отъ которыхъ онъ скрывается. Вы знаете, на-дняхъ у насъ какой-то жидъ сидѣлъ въ прихожей полъ-дня... «Не пойду, говоритъ, покуда его не дождусь«. А Геннадій сидитъ въ спальной и не смѣетъ выйти. Но ротонда, ротонда! Я не знаю, какъ мнѣ теперь моей мамашѣ сказать.

Молодая женщина заплакала.

— Выкупимъ, выкупимъ какъ-нибудь вашу ротонду. Мы выкупимъ,—сказалъ старикъ.

— Этого, Михаилъ Сергѣйичъ, мало. Мы въ долгу, какъ въ шелку. Должны въ мясную лавку. Портной караулитъ на лѣстницѣ. Я боюсь за себя, боюсь за дѣтей. Вѣдь онъ все проиграетъ. Вѣдь ужъ я сама плачу иногда кое за что. Получаю проценты съ десяти тысячъ, которыя мнѣ даны мамашей въ приданое, и расплачиваюсь,—продолжала Евгенія Васильевна.—Ахъ, если-бы вы все знали!—воскликнула она и опять заплакала.

— Не плачь, милушка, не плачь...—утѣшала ее свекровь.—Въ твоемъ положеніи это вредно.

— Да... Вотъ хоть-бы и мое положеніе. Черезъ полтора мѣсяца я жду ребенка... предстоятъ большіе расходы. Надо акушеркѣ, надо съ докторомъ посовѣтоваться...

Крестины, а у мужа никогда ни копѣйки... Онъ у меня-же иногда на извозчика беретъ.

— Михаилъ Сергѣичъ... Ты долженъ приструнить Геннадія. Ты отецъ... Вразуми его... Вѣдь у него тоже дѣти...—обращается старуха къ мужу.

— Непремѣнно, матушка, непремѣнно... Вотъ только пусть со службы вернется,—отвѣчалъ старикъ.—Вѣдь мы съ женой пріѣхали къ вамъ обѣдать,—прибавилъ онъ, обращаясь къ невѣсткѣ.

— Очень рада, папаша. Только ужъ не взыщите... чѣмъ Богъ послалъ. У насъ сегодня супъ мясной и мясо изъ супа подъ хрѣновымъ соусомъ. Дѣтямъ манная каша. Я сокращаю расходы.

— Михаилъ Сергѣичъ... Ты долженъ обратить вниманіе...—опять говоритъ мужу старуха.—Что-же это такое! Люди недоѣдаютъ, какъ слѣдуетъ.

— Да, обращу, обращу... Пусть только покажется,—откликнулся старикъ и въ волненіи сталъ отирать со лба потъ.

Евгенія Васильевна продолжала:

— И какъ я была умна, что не отдала ему нынче зимой три тысячи рублей! Онъ просилъ у меня три тысячи. Говорилъ, что перемѣнитъ бумаги на какія-то болѣе доходныя. Но я ему не дала. О, съ этими бумагами было-бы то-же, что и съ ротондой!

— Мнѣ кажется, милочка, ты ужъ слишкомъ...—вступился за сына старикъ.

— Я слишкомъ! Да если вамъ все разсказать, такъ вы въ ужасъ придете,—отвѣчала Евгенія Васильевна.—Лѣтомъ, когда мы жили на дачѣ, серебро наше хранилось въ городской квартирѣ у меня въ зеркальномъ шкапу и ключъ былъ у меня. Такъ онъ подобралъ ключъ.

— Не разсказывай, не разсказывай!—замахала руками старуха.

Невѣстка не унималась.

— И вотъ теперь отъ всего моего приданаго серебра у насъ только серебряныя ложки и больше ничего,—рѣшительно ничего.

— Пфъ...—отдувался старикъ и въ волненіи ходилъ по комнатѣ.—Какая несчастная страсть!

— Страсть велика, но вѣдь и соблазнъ великъ,—сказала старуха.—Я не понимаю, какъ не запретятъ этотъ тотализаторъ! Вѣдь это азартная игра, вѣдь это все равно что рулетка.

— И прямо, прямо дачникамъ навязываютъ,—говорила Евгенія Васильевна.—Вѣдь этотъ тотализаторъ теперь въ самомъ дачномъ центрѣ. А мужъ хорошъ! Помните, онъ доказывалъ и вамъ и мнѣ, что на Крестовскомъ островѣ дѣтямъ жить сыро на дачѣ, что надо поселиться въ Лѣсномъ или въ Коломягахъ. Ну, вотъ и наняли дачу въ Коломягахъ. Я съ дуру согласилась. А это онъ на Лѣсномъ и на Коломягахъ изъ-за того настаивалъ, чтобы ближе жить къ скачкамъ, къ тотализатору, чтобъ постоянно въ этомъ проклятомъ вертепѣ торчать. Несчастіе! Серебро, ротонду проигралъ, свою шубу...

— Даже и свою шубу?!—воскликнулъ старикъ.

— Все, все... Были у меня золотые, дареные вами-же нашимъ дѣтямъ на зубокъ—и золотые эти вытащилъ, у меня изъ стола и проигралъ,—разсказывала Евгенія Васильевна.

— Это ужасъ, что такое!

Звонокъ у наружныхъ дверей.

— Вотъ мы его сейчасъ припремъ. Это онъ,—сказалъ старикъ, потирая руки.

— Поздно, папаша. Онъ ужъ такъ втравился, что по ночамъ даже про лошадей бредитъ, высчитываетъ ставки. Онъ жену, дѣтей забылъ изъ-за проклятаго тотализатора. Съ нимъ жить, такъ мы буквально нищіе будемъ. Я хочу забрать свои вещи и переѣхать къ моей матери.

— Да что ты! Женичка, опомнись!—закричала старуха.

— Евгенія Васильевна, опомнись! Что ты говоришь!—воскликнулъ старикъ.

— Одинъ исходъ . Только у мамаши моей я кое-какъ и могу еще просуществовать на тѣ проценты, которые я получаю съ моего капитальца. Ну, у мамаши кое-что есть. Она живетъ своимъ домомъ. А съ нимъ—онъ все растратитъ.

На порогѣ стоялъ мужъ, мужчина лѣтъ подъ тридцать, въ бѣлокурыхъ усахъ, въ сѣрой пиджачной парочкѣ, съ портфелемъ подъ мышкой.

— Про меня? Про тотализаторъ?... Эхъ, старая пѣсня! Нельзя-же совсѣмъ безъ страстей жить, нельзя-же совсѣмъ ужъ никакимъ спортомъ не увлекаться! Но теперь меня бьетъ неудача. Однако, не всегда-же она будетъ меня бить. Когда-нибудь да поправлюсь,—проговорилъ онъ и сталъ здороваться со стариками.

— Когда къ тебѣ придетъ удача, я съ тобой ужъ не буду жить. Я буду у моей маменьки,—твердо сказала жена и залилась слезами.

V.

Домовладѣлецъ Черноусовъ, плотный мужчина съ подстриженной бородой, въ пальто нараспашку и въ драповой шапочкѣ на бекрень, ходилъ у себя

по двору и принималъ отъ кладчика выставленныя ему дровяникомъ дрова для зимняго запаса. Тутъ-же былъ старшій дворникъ, то что называется мужикъ-чистякъ, въ наваченномъ пиджакѣ, столь излюбленномъ кучерами, въ сапогахъ бутылками и въ картузѣ старо-купеческаго пошиба. Дворникъ былъ съ складной саженью въ рукахъ и то и дѣло приставлялъ ее къ штабелямъ дровъ въ разныхъ мѣстахъ. Домовладѣлецъ Черноорусовъ, держа въ зубахъ потухшій окурокъ сигары, тыкалъ пальцемъ въ дрова и говорилъ:

— Вездѣ такія щели, что кулакъ пролѣзетъ. Развѣ это кладка? Такую кладку развалить слѣдуетъ и заставить вновь складывать. Смотри... Это что?—указалъ онъ кладчику.

— Позвольте-съ... Да вѣдь ужъ невозможно, чтобы плотная стѣна была,—отвѣчалъ кладчикъ.

— Что ты мнѣ зубы-то заговариваешь! Развѣ я не понимаю! Слава Богу, не первый годъ живу на свѣтѣ. Видалъ виды-то! Это не кладка... Такая кладка не бываетъ.

Кладчикъ развелъ руками въ желтыхъ кожаныхъ рукавицахъ.

— Не знаю, господинъ!.. Мы старались... Старались, чтобы вамъ угодить,—сказалъ онъ.—Что намъ хозяина-то жалѣть? Намъ лестно покупателю угодить. Покупатель на чай дастъ.

— Нѣтъ, за такую кладку даютъ по шеѣ, а не на чай...—отвѣчалъ Чернорусовъ.—Ну, да ты человѣкъ служащій... Тебя и винить нечего... Ты долженъ хозяину ворожить. А хозяинъ твой за такую кладку долженъ по меньшей мѣрѣ по двугривенному съ сажени скинуть.

— Воля ваша-съ... Это ужъ вы съ нимъ и вѣдайтесь. А мы старались.

— И потомъ копаетесь... За недѣлю только шестьдесятъ сажень выставили, а вѣдь мнѣ надо двѣсти двадцать пять,—продолжалъ Чернорусовъ.

— Лошади у насъ, ваша милость, были очень заняты. Въ казну возили,—отвѣчалъ кладчикъ.—Теперь у насъ пойдетъ все въ аккуратѣ, будьте покойны.

— Только ты знай! Больше я такой кладки не приму.

— Будьте покойны, не обидимъ. Тутъ полѣно крупное шло, бортовое, а теперь поровнѣе дрова пойдутъ и кладка плотнѣе будетъ.

— А ты чего зѣвалъ, когда дрова-то клали?—накинулся Чернорусовъ на дворника.—Ты возьми глаза-то въ зубы, да и смотри.

— Я, Помпей Яковличъ, тысячу разъ имъ говорилъ, да нешто съ ними что подѣлаешь!

Хозяинъ закурилъ окурокъ потухшей сигары и сталъ уходить со двора медленнымъ шагомъ. Дворникъ слѣдовалъ сзади .

— А что-же Нашлепкинъ изъ восьмого номера?—обратился вдругъ хозяинъ къ дворнику.—Когда-же онъ съ деньгами-то? Вѣдь ужъ пора уплатить за квартиру. Семь льготныхъ дней вчера еще прошло.

— Каждый день хожу, да что-жъ съ нимъ подѣлаешь, Помпей Яковличъ!

— И Колотырниковъ то-же самое. Исправный жилецъ и вдругъ...

— Колотырниковъ тоже проситъ подождать до понедѣльника.

— Здравствуйте! До понедѣльника! Да вѣдь это... Впрочемъ, вотъ онъ и самъ Колотырниковъ.

На дворѣ появился, выйдя изъ подъѣзда, малень-

кій тщедушный господинъ въ статскомъ пальто, форменной фуражкѣ и съ портфелемъ. Дворникъ вспыхнулъ и залебезилъ около хозяина.

— Не тревожьте ихъ, Помпей Яковличъ. Они ужъ и такъ въ печали. Они третьяго дня сестру схоронили. Вотъ изъ-за этого-то, надо статься, у нихъ и въ деньгахъ умаленіе,—говорилъ дворникъ.

Но Колотырниковъ самъ подошелъ къ Черноруcову.

— Добраго здоровья-съ...—заговорилъ онъ.—Книжечку все отъ васъ обратно дожидаю, книжечку.

— Какую книжечку?—удивленно спросилъ Черноруcовъ.

— А квартирную... съ вашей подписью, что деньги за квартиру получили.

— То-есть какъ это? Да вѣдь вы...

Произошла пауза.

— Что я? Я ничего... Я уплатилъ... Я послалъ къ вамъ съ дворникомъ деньги.

— Да... но за послѣдній мѣсяцъ вы еще не заплатили,—сказалъ Черноруcовъ.

— Недѣлю тому назадъ еще вашему дворнику все до копѣечки... За два дня до срока до копѣечки... Я про послѣдній-то мѣсяцъ и говорю.

— Силантій Федоровъ! Какъ-же ты мнѣ?..

Черноруcовъ вопросительно взглянулъ на дворника. Тотъ совсѣмъ смѣшался.

— Междометіе тутъ такое маленькое вышло, Помпей Яковличъ...—пробормоталъ онъ.

— Какое междометіе! Что ты врешь!—воскликнулъ хозяинъ.

— Заплатилъ, заплатилъ—и вотъ ужъ около двухъ недѣль жду отъ васъ росписки въ полученіи денегъ,—подтвердилъ Колотырниковъ и спросилъ дворника:—Да

вѣдь я-же вамъ уплатилъ, Силантій? Что-же вы ничего не скажете?

— Это точно, это дѣйствительно, а только тутъ, изволите видѣть... Я вамъ, Помпей Яковличъ, потомъ... Дозвольте мнѣ объясниться съ вами... Тутъ прямо, надо сказать, исторія...—продолжалъ бормотать дворникъ.

Хозяинъ пожималъ плечами.

— Тутъ что-то неладно... Совсѣмъ неладно...—сказалъ онъ и, обратясь къ дворнику, прибавилъ:—Пойдемъ въ дворницкую. Тамъ я разберу. Можетъ быть ты и съ жильца изъ восьмого номера давно ужъ получилъ.

Дворникъ слѣдовалъ за хозяиномъ молча. Жилецъ Колотырниковъ слѣдовалъ тоже около хозяина.

— Такъ я надѣюсь, господинъ Чернорусовъ, сегодня получить отъ васъ книжечку съ подписью,—проговорилъ онъ.

— Получите, получите, многоуважаемый,—былъ отвѣтъ.—Пока вы будете на службѣ, я даже вашей супругѣ пришлю! Я вижу, чѣмъ тутъ пахнетъ... Тутъ штуки...

Простившись съ жильцомъ, Чернорусовъ спустился въ дворницкую, которая помѣщалась въ подвалѣ. На него пахнула запахомъ тулупа, сапогъ, деревяннаго масла изъ коптившей лампады передъ иконой. За ситцевой занавѣской въ глубинѣ комнаты пищалъ ребенокъ. У стѣны стояли два стула и сундукъ. Чернорусовъ сѣлъ на сундукъ, посмотрѣлъ на дворника и строго спросилъ его:

— Гдѣ-же деньги, которыя ты получилъ отъ Колотырникова?

— Виноватъ-съ... Весь я тутъ передъ вами и дѣлайте со мной, что хотите, но денегъ у меня всего только одиннадцать рублевъ,—отвѣчалъ дворникъ.

— Какъ одиннадцать рублевъ! Вѣдь ты получилъ...

— Все получилъ, Помпей Яковличъ... Но бѣсъ попуталъ...

— Какъ бѣсъ? Что такое?.. Потерялъ?..

— Хуже-съ... Ради самого Господа простите. Я заживу... Вычитайте у меня изъ жалованья, сколько хотите. Прямо бѣсъ.

За ситцевой занавѣской послышался женскій плачъ и причитанье. Плакала дворничиха.

— И съ жильца восьмого номера за квартиру получилъ?—допытывался хозяинъ.

— Все получилъ. Я передъ вами, какъ свѣчка передъ иконой... Но бѣсъ... прямо бѣсъ...

— Скажешь-ли ты мнѣ, куда ты дѣвалъ деньги?

Чернорусовъ топнулъ ногой. Дворникъ повалился ему въ ноги.

— Въ тотализаторъ проигралъ... Будьте отцомъ и благодѣтелемъ... Простите великодушно... Заставьте вѣчно Бога молить...—бормоталъ онъ.

Чернорусовъ изображалъ изъ себя вопросительный знакъ.

VI.

Трущохинъ, осанистый мужчина съ бакенбардами въ родѣ рыбьихъ плавательныхъ перьевъ и съ крупной лысиной, подсчитывалъ у себя въ кабинетѣ довольно длинную колонку цифръ, выведенныхъ карандашомъ, потомъ бросилъ карандашъ, выскочилъ изъ-за большого письменнаго стола и изъ угла въ уголъ заходилъ по кабинету.

— Это чортъ знаетъ, что такое! Откуда я такія день-

ги возьму? Этотъ проклятый тотализаторъ сожралъ у меня нынѣшнимъ лѣтомъ буквально половину моего бюджета!—бормоталъ онъ, остановился, чтобы плюнуть въ плевательницу, и плюнулъ около нея.—Никогда не нужно нанимать дачу въ Лѣсномъ. Это прямо изъ-за Лѣсного... Скачки близко... тотализаторъ мозолитъ глаза—ну, вотъ и результатъ... Говорятъ, въ Лѣсномъ дешево. Да чорта-ли въ этой дешевизнѣ, если у тебя подъ бокомъ соблазнъ! Лучше жить въ самомъ дорогомъ дачномъ мѣстѣ, но подальше отъ этого дьявольскаго игорнаго гнѣзда.

Онъ говорилъ вслухъ, какъ это очень часто дѣлаютъ всѣ сильно возмущенные люди. Наконецъ, пересталъ ходить, отеръ потъ, выступившій на лбу, и снова сѣлъ за столъ, закуривъ папироску.

— Когда я теперь расплачусь съ долгами!—воскликнулъ онъ опять, сильно подчеркнувъ карандашомъ цифру, и сталъ усиленно затягиваться папиросой.

А въ головѣ его ужъ мелькала мысль:

«Развѣ на зимнихъ бѣгахъ отыграюсь?»

Въ кабинетъ вошла жена, среднихъ лѣтъ женщина.

— Не очень занятъ?—спросила она мужа и, не дожидаясь отвѣта, сѣла около стола и тяжело вздохнула.

Мужъ покосился на нее и спросилъ:

— За деньгами?...

— А ты почемъ догадался? Да за деньгами,—отвѣчала жена.

— Но вѣдь третьяго дня я тебѣ далъ денегъ.

— Ты далъ на гимназическій костюмъ Мишѣ, Олѣ на сапоги... Потомъ у меня чулокъ не было... А сегодня я, Александръ Иванычъ, посмотрѣла мою ротонду—мѣхъ у ней совсѣмъ протерся. Надо будетъ перебрать мѣхъ. Потомъ я вѣдь безъ зимней шляпки... Потомъ...

— Надо подождать...—рѣзко отрѣзалъ Трущохинъ.— Я теперь не при деньгахъ.

— Насчетъ переборки мѣха для ротонды можно дѣйствительно подождать,—согласилась жена.—Пока я отдамъ мѣхъ, пока его будутъ перебирать и вставлять новые куски—время терпитъ. Я только пришла объявить тебѣ, чтобы ты зналъ. Но шляпка... и потомъ у насъ продырявились наволочки на подушкахъ... Простыни очень ветхи... Ты вотъ что... Ты дай мнѣ покуда хоть двадцать пять рублей. Тогда-бы я поѣхала сегодня и...

— И этого дать не могу... Надо подождать,—кивнулъ мужъ и сказалъ.—Ты знаешь, какое сегодня я далъ себѣ слово? Я торжественно далъ себѣ слово ни подъ какимъ видомъ не жить больше на дачѣ въ Лѣсномъ. Ни за что! Ни за какія коврижки!—прибавилъ онъ.

— Ты это насчетъ тотализатора-то? Но я немного проиграла. Самые пустяки,—отвѣчала жена.

— Ты немного. Но я изрядно. Вѣдь вотъ оттого-то я и не могу дать тебѣ сегодня денегъ. Дня черезъ два-три немножко дамъ, но сегодня не могу.

— Дня два-три я могу подождать,—согласилась жена.—На расходы по кухнѣ рубля четыре у меня есть.

— Пожалуйста, Нюточка... Подожди.

Она встала со стула, выпрямилась во весь ростъ и, взглянувъ на мужа, произнесла, отчеканивая слова и подмигивая:

— У тебя, Александръ, могли-бы быть деньги, и при проигрышѣ въ тотализаторъ могли-бы быть деньги, но ты, милый другъ, пропускаешь то, что по рѣчкѣ плыветъ. Да... пропускаешь... Эдакимъ большимъ учрежденіемъ ты завѣдуешь... Столько здѣсь дѣлается поставокъ подрядчиками, а ты пропускаешь, что по рѣчкѣ плыветъ.

— Ты мнѣ это насчетъ взятокъ намекаешь, что-ли?— спросилъ мужъ.—Намекаешь, что я взятокъ не беру?

— Это не взятки. Взятки совсѣмъ другое. А вѣдь ужъ вездѣ дѣлается, что тому, гдѣ кто что принимаетъ, всегда извѣстный процентъ даютъ.

Мужъ помолчалъ и отвѣтилъ:

— Ты ошибаешься, милая. Я взялъ ужъ кое съ кого взялъ... И какъ мнѣ эти деньги руки жгли, если-бы ты знала!

Она улыбнулась и сказала:

— Однако, не прожгли вѣдь. Мало берешь, Александръ Иванычъ. Здѣсь, говорятъ, твой предшественникъ каменный домъ нажилъ. Да... А ты не можешь женѣ даже двадцати пяти рублей дать,—прибавила она и стала уходить изъ кабинета.

— Завтра или послѣзавтра я тебѣ дамъ. Нюточка, двадцать пять рублей!—крикнулъ ей вслѣдъ мужъ.— Дамъ. Будь покойна.

По уходѣ жены Трущохинъ опять всталъ изъ-за письменнаго стола и опять началъ ходить по кабинету, бормоча себѣ что-то подъ носъ. Черезъ минуту онъ позвонилъ. Вошелъ лакей-подростокъ въ сѣромъ фракѣ, то что называютъ казачкомъ.

— Давеча дворникъ тутъ былъ... Подрядчикъ, что намъ дрова поставляетъ,—сказалъ Трущохинъ.—Я его видѣлъ въ окно, когда онъ ходилъ по двору. Посмотри-ка его на дворѣ. Можетъ быть онъ еще не ушелъ.

— Не ушелъ-съ,—отвѣчалъ казачекъ.—Я сейчасъ собаку на дворъ гулять выводилъ, такъ онъ съ вахтеромъ разговаривалъ.

— А если не ушелъ, то бѣги скорѣй и позови его сюда.

Казачекъ ушелъ. Трущохинъ потеръ руки и тихо сказалъ себѣ:

— Понажмемъ... Дѣйствительно, дрова онъ ставитъ плохія... Во-первыхъ, сырыя, потомъ маломѣрныя. Онъ долженъ ставить дрова-швырокъ въ девять вершковъ длины, а у него полѣно то и дѣло въ восемь вершковъ, а то и меньше. Вѣдь это-же противъ условія, противъ контракта. За что ему мирволить!

Казачекъ вернулся и сказалъ:

— Здѣсь онъ. Сейчасъ придетъ.

У Трущохина усиленно забилось сердце. Онъ раза два прошелся по кабинету.

— Прямо маломѣрныя дрова, а это ужъ злоупотребленіе... Ну, а хочешь дѣлать злоупотребленіе, такъ платись...—бормоталъ онъ.—Да, платись...

Зачѣмъ тебѣ наживать одному? Дѣлись съ другимъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги и скрипѣли сапоги.

«Идетъ. Какъ его зовутъ-то?—Задалъ себѣ вопросъ Трущохинъ, взглянулъ на себя въ каминное зеркало и увидалъ, что покраснѣлъ.

— Проклятый тотализаторъ!—произнесъ онъ вслухъ и, чтобы утишить волненіе, сталъ закуривать папиросу.

Дровяникъ вошелъ въ кабинетъ и истово перекрестился на икону, висѣвшую въ углу.

— Добраго здоровья, Александръ Иванычъ...— заговорилъ онъ протяжнымъ теноркомъ:—звать изволили?

Трущохинъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ пожилой человѣкъ въ драповомъ пальто, ярко начищенныхъ сапогахъ бутылками, очень благообразный, и кланялся, держа въ одной рукѣ картузъ, а другой поглаживая широкую русую бороду съ просѣдью.

— Звалъ...—отвѣчалъ ему Трущохинъ и хочу съ вами серьезно поговорить.—Такъ, милѣйшій, нельзя, такъ невозможно, господинъ Ухватовъ. Такъ торговцы не дѣлаютъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло, ваше превосходительство?—испуганно спросилъ дровяникъ.

— Во-первыхъ, я еще не превосходительство, а во-вторыхъ, вы сами знаете, что я говорю насчетъ дровъ, которыя вы ставите. Это ужъ изъ рукъ вонъ, Ухватовъ. Какъ васъ звать?

— Терентіемъ Павловымъ-съ.

— Такъ не дѣлается, Терентій Павлычъ, и я не могу этого допустить! Не могу-съ!

— А что такое насчетъ дровъ, Александръ Иванычъ? Дрова, кажется, первый сортъ.

— Да, если считать снизу. Садитесь. Присядьте.

— Ничего-съ... Постоимъ...—проговорилъ дровяникъ, однако присѣлъ на кончикъ стула у дверей, издалъ глубокій вздохъ и произнесъ:—Удивительно!

Сѣлъ и Трущохинъ.

— Я не могу кричать на васъ, это не въ моей манерѣ,—проговорилъ Трущохинъ:—но скажу вамъ, не горячась, что вашихъ дровъ я не могу принять. Рѣшительно не могу.

Дровяникъ поднялся со стула.

— Отчего-же это такъ? Позвольте...—спросилъ онъ.

— Потому что онѣ сырыя и маломѣрныя... Невозможныя дрова.

— Эти дрова маломѣрныя? Не знаю-съ... Удивительно!

Дровяникъ развелъ руками и хлопнулъ себя картузомъ по бедру.

— Да-съ, сырыя и маломѣрныя, а это противъ конт-

ракта,—продолжалъ Трущохинъ.—Въ контрактѣ прямо сказано, что дрова должны быть не менѣе девяти вершковъ длины и не менѣе трехъ ширины, а вчера я ходилъ на дворъ ихъ осматривать и за какое полѣно ни возьмешься—все восемь вершковъ, а то и меньше. И наконецъ, среди полѣньевъ есть просто палки какія-то... Напиленныя жерди.

— Не знаю-съ... — протянулъ дровяникъ. — Удивительно.

— Такъ вотъ знайте-съ... И знайте также, что принять ихъ я никоимъ образомъ не могу.

— Позвольте-съ... Вѣдь дрова не машиной рѣжутся, и если какое-нибудь полѣно...

— Нѣтъ, тутъ-съ не одно полѣно. Тутъ не объ одномъ полѣнѣ рѣчь.

Трущохинъ всталъ со стула и заходилъ по кабинету. Дровяникъ подумалъ и отвѣчалъ:

— И люди даже одного росту не бываютъ, а одни подлиннѣе, другіе покороче.

— То люди, а то дрова.

— Если, Александръ Иванычъ, которыя коротки, то можно откинуть и мы возьмемъ ихъ обратно.

— Половину придется везти обратно. Вы сколько выставили?

— Да теперь саженъ около четырехсотъ. Впрочемъ, вахтеръ вашъ принялъ только триста.

— Ну, такъ вотъ, болѣе двухсотъ саженъ придется везти обратно. Да нѣтъ, я эти дрова совсѣмъ не могу принять. Везите всѣ обратно. Сейчасъ я составлю актъ...

Дровяникъ вспыхнулъ и заговорилъ:

— Александръ Иванычъ, ваше превосходительство, да вѣдь это грѣхъ! За что-же вы хотите раззорить человѣка?

— Перестаньте. Грѣхъ былъ-бы тогда, если-бы я принялъ такія дрова!—возвысилъ голосъ Трущохинъ.— Да-съ. Везите ихъ обратно. Я не приму.

Онъ отвернулся отъ дровяника. Произошла пауза.

— Кажется, Александръ Иванычъ, мы всегда для васъ...—произнесъ дровяникъ.—За что-же, помилуйте, вы хотите заставить человѣка пить чай безъ сахару! Удивительно! Мы всегда...

— То-то и дѣло, что не всегда...—тихо отвѣчалъ Трущохинъ.

— Не знаю-съ...—покачалъ головой дровяникъ.— Впрочемъ, мы даже можемъ и сейчасъ... Вотъ-съ... Пожалуйте. Хотите, на пріютъ пожертвуете, а то куда хотите. Росписки не потребуемъ.

Дровяникъ полѣзъ въ карманъ за бумажникомъ.

— Не думайте только дешево отдѣлаться. Вѣдь вы ставите семьсотъ саженъ одного швырка...—сказалъ Трущохинъ.—Поставка не шуточная.

— Знаемъ-съ.

Послышался тяжелый вздохъ. Дровяникъ вынулъ одну радужную и сталъ отсчитывать мелкія бумажки, но потомъ оставилъ ихъ, досталъ вторую радужную и, приложивъ ее къ первой, произнесъ, подавая ихъ Трущохину:

— Вотъ пожалуйте, что можемъ. А только ужъ, Бога ради, не тѣсните насъ. За что маленькихъ людей обижать! Удивительно!

Трущохинъ взялъ и сказалъ:

— Спасибо. Но я все-таки велю вахтеру, чтобы онъ отобралъ такія полѣнья, которыя меньше восьми вершковъ, чтобы вы видѣли и знали... Такъ ставить нельзя.

— Людишки... Приказчики... Что ты подѣлаешь съ народомъ! Не смотрятъ за пильщиками. А я, ей-ей, не

виноватъ. Кладка у насъ хорошая, плотная, дрова выставляемъ съ опушкой. Можно уходить?

— Уходите.

— Прощенья просимъ-съ... Пожалуйста не обидьтесь, Александръ Иванычъ. Все это вѣдь по ошибкѣ и прямо... удивительно!

Дровяникъ поклонился и вышелъ изъ кабинета.

Трущохинъ держалъ въ рукѣ двѣ радужныя и смотрѣлъ на нихъ.

— Проклятый тотализаторъ!—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Онъ позвонилъ казачка. Казачекъ явился.

— Попроси барыню...—сказалъ казачку Трущохинъ.

— Слушаю-съ...

Казачекъ повернулся. Вдругъ около него упалъ на полъ двугривенный.

— Смотри... Это что такое? Откуда это у тебя?—спросилъ его Трущохинъ.

— А мнѣ сейчасъ дровяникъ далъ,—проговорилъ тотъ смущенно и поднялъ монету.

— Тебѣ-то за что? Чортъ!—раздраженно закричалъ Трущохинъ, но казачекъ уже выскочилъ изъ кабинета.

Шурша платьемъ, вошла Трущохина. Она была надувшись.

— Что такое случилось у тебя?—спрашивала она.

Мужъ показалъ ей двѣ радужныя бумажки и сказалъ:

— Вотъ... Ева соблазнила Адама!..

— Съ кого получилъ?—быстро воскликнула она.

— Съ дровяника Ухватова. Онъ былъ здѣсь на дворѣ. Впрочемъ, съ него-то не грѣхъ, съ него стоитъ.

— Да со всѣхъ стоитъ. Только что-жъ ты мало взялъ, Александръ?

— Да столько далъ. Конечно, можно было-бы поторговаться—ну, да чортъ съ нимъ!

— Нѣтъ, ты нажимай, ты нажимай... У насъ долги есть. Я больше ста рублей должна.

— Ну, вотъ тебѣ сто рублей на поправку ротонды и на все прочее. А вторую радужную отдамъ Розенгипфелю въ уплату по векселю. Я его вызову по телефону. Ужасно пристаетъ.

Жена сидѣла около стола и обвертывала сторублевую бумажку вокругъ пальца.

— За сто рублей спасибо, но я тебѣ должна признаться, Шурочка, что этого мнѣ мало. Пока я обойдусь и съ этими деньгами, но въ общемъ мнѣ мало,—сказала она.—А потому ты еще съ кого-нибудь понажми, Шурочка.

— Хорошо, хорошо. Вотъ я долженъ провѣрить счета по ремонту, сличить со справочными цѣнами...—проговорилъ онъ.

— Да, да, да...—подхватила жена.—Въ особенности на маляра. Что онъ мошенникъ, ты это можешь видѣть по нашей квартирѣ. Вѣдь вотъ двери... Ты ему велѣлъ выкрасить два раза и лаковой краской, но развѣ у насъ двери выкрашены лаковой краской! И наконецъ, бьюсь объ закладъ, что онъ красилъ ихъ только по одному разу. Ты хорошенько возьми съ него, Шурочка.

— Да надо. Дѣйствительно, онъ безобразникъ,—согласился Трущохинъ.

— А какъ великъ счетъ маляра?

— Тысячу пятьсотъ съ чѣмъ-то.

— Смѣло двѣсти бери.

— Много.

— Не жалѣй ты его. Посмотри, какой онъ жирный,

отъѣвшійся. Также ты можешь взять и за обои съ фабриканта.

— Ну, тамъ пустяки...

— Бери и пустяки. Зачѣмъ упускать, что по рѣчкѣ плыветъ?

— Совѣстливый я человѣкъ—вотъ что...

Трущохинъ тронулъ себя за грудь и отвернулся отъ жены.

— Ахъ, Боже мой, какія нѣжности! Но позволь тебя спросить: что ты раззоришь этими двумя стами рублей дровяника? Раззоришь маляра, если возьмешь и съ него двѣсти?—спросила жена.

Трущохинъ молчалъ.

— Чувствую, что это только начало,—проговорилъ онъ наконецъ послѣ долгой паузы и не смотря на жену и тутъ-же прибавилъ:—А кто виноватъ въ этомъ началѣ? Тотализаторъ.

VII.

Она помнитъ, что въ глазахъ ея помутилось и съ ней сдѣлалось дурно. Всѣ предметы стали отдѣляться отъ нея, наконецъ, исчезли и сдѣлалось совсѣмъ темно, хотя день былъ солнечный. Она впала въ обморокъ. Это случилось послѣ звонка на скачкахъ, когда она увидала, что и послѣдняя лошадь, на которую она поставила въ тотализаторъ, проиграла.

Когда она пришла въ себя, около нея суетились. Какая-то дама разстегивала ей корсажъ, пожилой элегантный мужчина въ сѣрой шляпѣ давалъ нюхать ей спиртъ. Стоялъ лакей во фракѣ и съ бляхой, со стаканомъ воды на подносѣ, принесенномъ изъ буфета.

Вскорѣ пришелъ молодой военный докторъ, пощупалъ у ней пульсъ и сказалъ:

— Это отъ жары... Это страшный солнечный припекъ. Нѣсколько часовъ на жарѣ... Волненіе... Но теперь все благополучно кончилось. Снимите съ нея шляпку. Вѣдь тамъ шпильки, булавки. Удивительно, что въ буфетѣ нѣтъ никакихъ медикаментовъ. Поѣзжайте, сударыня, домой. Не оставайтесь здѣсь больше,—сказалъ ей докторъ.

— Да, я поѣду...—проговорила она глухимъ голосомъ и прибавила находившейся при ней дамѣ:—Не снимайте шляпку, не надо.

Она приподнялась на скамейкѣ, но покачнулась.

— Не худо-бы кому-нибудь проводить...—сказалъ докторъ.

— Я могу проводить...—вызвался пожилой господинъ.—У меня и экипажъ есть. Сударыня, позволите?

Онъ протянулъ ей руку, свернутую калачикомъ.

— Мерси. Я могу сама... Мнѣ не далеко... Я живу на дачѣ, тутъ поблизости...—отвѣчала она, но ноги ея были слабы, она качалась и приняла руку.

Они вышли изъ мѣстъ и очутилить на подъѣздѣ. Продавецъ программъ въ черномъ казакинѣ и въ фуражкѣ сбѣгалъ за экипажемъ; это была карета.

— Садитесь, пожалуйста...—предложилъ ей пожилой господинъ.—Что за безпокойство! Вѣдь вы говорите, что близко. Я могу сейчасъ-же и вернуться назадъ.

Карета мчалась по грунтовой мостовой. Она сказала улицу.

— Вы замужемъ...—проговорилъ пожилой господинъ, замѣтивъ на рукѣ ея обручальное кольцо.—Можетъ быть, вы хотите, чтобы я предупредилъ мужа, успокоилъ его... Впрочемъ, вы на ногахъ.

— Мужъ въ камандировкѣ...—отвѣчала она слабымъ голосомъ.

Пожилой господинъ какъ-то самодовольно крякнулъ и молодцовато покрутилъ усъ.

— Дѣти есть?—спросилъ онъ.

— Одинъ маленькій ребенокъ. Я только третій годъ замужемъ, — отвѣчала она. — Вотъ тутъ... Направо... У зеленой рѣшетки. Велите остановиться.

— Въ каретѣ звякнулъ звонокъ. Кучеръ удержалъ лошадей.

Пожилой господинъ выскочилъ первый изъ кареты и помогъ выйти дамѣ.

— Я васъ ужъ провожу въ комнаты,—сказалъ онъ:—и передамъ прислугѣ.

— Не надо... Неловко... Мерси... Вы и такъ любезны...—пробормотала она.

Но онъ шелъ сзади.

Вотъ и дачка съ маленькими низенькими комнатками. Ее встрѣтила старая нянька съ ребенкомъ.

— Барыня, голубушка... что съ вами? На васъ лица нѣтъ.

— Занездоровилось,—сказала она, снимая шляпку.—Вотъ добрые люди привезли... Дай мнѣ, няня, валерьяновыхъ капель.

Пожилой господинъ не уходилъ.

— Вы мнѣ позвольте выкурить папиросочку?—спросилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе...

Няня подала ей капель. Она выпила. Пожилой господинъ курилъ, ходилъ по комнатѣ съ небогатой дачной обстановкой, остановился передъ фотографіей на стѣнѣ и сказалъ:

— Это вашъ мужъ?

— Да... Онъ служитъ въ одной акціонерной компаніи и теперь въ командировкѣ...

Произошла пауза. Пожилой господинъ сѣлъ, пріосанился и бросилъ на дамочку плотоядный взоръ.

Она была очень недурненькая, статная. Взгляда его она не замѣтила. Она сидѣла въ отдаленіи отъ него, перебирала платокъ и что-то обдумывала, наконецъ, подняла глаза и запинаясь проговорила:

— Послушайте... Вы богаты?..

— А что?—спросилъ онъ и сдѣлалъ большіе глаза.—Я не нуждаюсь.

— Можетъ быть, вы захотите сдѣлать доброе дѣло. Да нѣтъ... нѣтъ...

— Говорите, говорите...

— Я проиграла въ тотализаторѣ нужныя деньги... Деньги, которыя прислалъ мнѣ мой мужъ для уплаты за квартиру. Деньги нужны завтра. Даже ужъ вчера были нужны... Нужны до зарѣзу... Не будетъ денегъ—скандалъ. Не можете-ли вы дать мнѣ полтораста рублей? Я вамъ выдамъ росписку и мѣсяца черезъ три возвращу съ благодарностью. Спасите меня!

Произошла пауза. Пожилой господинъ развелъ руками и съ улыбкой проговорилъ:

— Вотъ видите-ли... такія деньги такъ зря, ни за что—не даются.

— Спасите, спасите меня! Я вамъ буду очень и очень благодарна. Спасите!

Она подбѣжала къ нему и схватила его за руки. Онъ стоялъ, плотоядно улыбался и не выпускалъ ея рукъ изъ своихъ рукъ.

— Позвольте, позвольте... Но какъ вы будете благодарны? Что я получу?

— Она вырвала свои руки изъ его рукъ и отскочила, нахмуривъ брови.

— Я вамъ заплачу большіе проценты...—проговорила она и губы ея затряслись.

— Я не нуждаюсь въ процентахъ. То-есть да... проценты можно, но только не деньгами.

— А чѣмъ-же?

— Вы не маленькая и очень хорошо можете понимать, какими такими процентами можетъ уплатить такая хорошенькая дамочка, какъ вы... Этимъ-же вы можете уплатить и капиталъ. Въ васъ самой капиталъ...—говорилъ онъ, обернулся, не подслушиваетъ-ли ихъ кто, и продолжалъ:—Капиталъ вотъ въ этихъ маленькихъ ручкахъ... вотъ въ этихъ губкахъ, въ блестящихъ глазкахъ.

Она слушала и беззвучно шевелила губами. На лицѣ выступили красныя пятна. Онъ не останавливался и говорилъ:

— Если вы мнѣ этими драгоцѣнностями уплатите, то я вамъ сейчасъ-же дамъ сто пятьдесятъ рублей и ужъ никакой мнѣ росписки не надо. Поѣдемте въ ресторанъ къ татарамъ и тамъ я вамъ вручу полтораста рублей.

На губахъ ея показалась пѣна. Сама она прижалась къ стѣнѣ, чтобы не упасть, и прошептала:

— Подите вонъ... Вы мерзавецъ... Уходите... Вы подлецъ.

Онъ вздохнулъ и взялся за шляпу. Съ губъ его все еще не сходила плотоядная улыбка.

— Знаете что...—проговорилъ онъ.—Если такъ просятъ деньги у человѣка, котораго только сейчасъ увидали, и даже не знаютъ, кто онъ, какъ его зовутъ, то значитъ деньги ужъ, въ самомъ дѣлѣ, очень нужны, нужны до зарѣзу, какъ вы выразились. Я ухожу, но на всякій случай оставляю мою карточку. Можетъ быть, вы поду-

маете, сообразите и согласитесь на мои условія. Вотъ моя карточка.

Онъ бросилъ ее на столъ и направился къ выходной двери, но тотчасъ-же обернулся и прибавилъ:

— Я вдовъ, живу одинъ, и пріѣздъ вашъ ко мнѣ нисколько васъ не скомпрометируетъ. Прощайте... Подумайте.

— Вонъ, вонъ... мерзавецъ...—еле прошептала она, спускаясь на стулъ.

Въ глазахъ ея опять помутилось.

Онъ вышелъ изъ комнаты.

Она опять пришла въ себя. Старая нянька примачивала ей виски одеколономъ, а на головѣ держала холодный компрессъ.

— Что это такое, матушка-барыня, съ вами? Пріѣхали—лица на васъ не было, а тутъ ужъ и дурнота... Прилягьте, матушка, Анна Савельевна. Пойдемте, я васъ положу на постельку,—говорила нянька и повела барыню въ спальню.

Но Аннѣ Савельевнѣ не лежалось. Она тотчасъ-же поднялась съ постели. Все происшедшее проносилось передъ ней какъ въ чаду. Сердце болѣзненно сжималось. Въ головѣ проносились проигравшія на скачкахъ лошади, на которыхъ она такъ разсчитывала, что онѣ дадутъ ей хорошій выигрышъ, мелькала фигура осанистаго пожилого господина, привезшаго ее со скачекъ, его сѣрая шляпа, бѣлый жилетъ, черный галстукъ съ черными горошинами и воткнутая въ галстукъ крупная жемчужина въ видѣ булавки. Карточка его, брошенная имъ на столъ, мозолила Аннѣ Савельевнѣ глаза.

— Гнусный человѣкъ!—проговорила она вслухъ

съ негодованіемъ.—Послѣ такого подлаго предложенія смѣетъ еще карточку свою оставлять!

Она схватила карточку, хотѣла разорвать ее, не читавши, и выбросить, схватила ее, но остановилась и прочитала. На карточкѣ стояло: «Климентій Аркадьевичъ Елтухъ-Чопоровскій». Былъ на карточкѣ и адресъ: Фурштадтская, домъ такой-то.» Она съ негодованіемъ отбросила отъ себя карточку, бросилась въ дѣтскую, схватила изъ рукъ няньки ребенка и стала его цѣловать и прижимать къ своей груди. Она заплакала.

Вошла кухарка съ засученными по локоть рукавами платья и сказала:

— Нездоровится, вамъ, барыня? Простудились. Это бываетъ. Покушать-бы вамъ... Вѣдь ужъ пора. А пообѣдаете, такъ и прилечь... Ѣдой да сномъ иногда все проходитъ. Винца выкушайте малость.

— Да скиньте вы съ себя, барыня, платье-то и надѣньте капотикъ,—прибавила въ свою очередь нянька.—Шутка-ли, цѣлый день въ корсетѣ! Вездѣ подпираетъ и все эдакое...

Нянька помогла барынѣ переодѣться. Кухарка накрыла на столъ.

Переодѣваясь, Анна Савельевна думала:

«Золотые часы съ цѣпочкой... Браслетъ—подарокъ Сержа, когда я была еще невѣстой, и деньги, которыя онъ прислалъ для уплаты за квартиру—все прахомъ въ три дня пошло»...

Она сѣла за столъ, но ѣсть ей не хотѣлось. Хлебнула она двѣ ложки супу и положила ложку на столъ. Былъ битокъ въ сметанѣ. Она поковыряла его вилкой и оставила. Разрѣзала огурецъ и тоже ѣсть не могла. Кухарка подала кисель, но она ужъ встала изъ-за стола.

«Сто пятьдесятъ рублей... Сто пятьдесятъ рублей

въ два дня исчезли... А вѣдь эти деньги еще пять дней тому назадъ нужно было заплатить за зимнюю квартиру. Срокъ уже истекъ... И часы, часы золотые...» мелькало у ней въ головѣ. «Боже мой! Что только будетъ, когда Сержъ вернется! Какъ я ему объявлю! Какъ я ему скажу!»

— Ужасъ! Ужасъ!—прошептала она вслухъ и закрыла лицо руками.

— Прилягьте вы, матушка-барыня...—приставала къ ней нянька.

Анна Савельевна прилегла, но не лежала и четверти часа. Она встала, подошла къ туалетному столику, вынула изъ шкатулки письмо мужа и начала его перечитывать. Письмо лежало въ денежномъ конвертѣ съ пятью сургучными печатями.

Мужъ писалъ:

«Посылаю тебѣ, дорогая Аня, двѣсти рублей... Сорокъ рублей тебѣ на расходы, сто шестьдесятъ ты отдашь за квартиру за четыре мѣсяца. Контрактъ ты найдешь у меня на письменномъ столѣ въ бюварѣ. Срокъ перваго августа. Но пожалуйста не просрочь уплатить. Въ контрактѣ сказано, что по истеченіи семи дней послѣ срока, если за квартиру не уплочено, домовладѣлецъ имѣетъ право взыскать по пяти рублей за каждый просроченный день и, сверхъ того, потребовать очистить квартиру. Пожалуйста, не просрочь. Домовладѣлецъ нашъ педантъ, человѣкъ неуступчивый, даже можно сказать алчный, а за квартиру мы платимъ сравнительно не дорого. Жаль будетъ»...

— Господи! Что тутъ дѣлать! Научи меня!—воскликнула она, вынула изъ бювара мужа контрактъ на квартиру, стала читать, но въ головѣ ея было до того

пусто, что она не могла понять, что читала, свернула контрактъ и положила его обратно въ бюваръ.

Пришли сосѣди, двѣ дамы съ дѣвочкой-подросткомъ и стали звать Анну Савельвну гулять, но она сказала, что ей нездоровится, и отказалась.

— Да, это видно... У васъ совсѣмъ больной видъ... Да и глаза красные,—сказала одна изъ дамъ.—Кстати, что вы сдѣлали сегодня на скачкахъ?—спросила она.

Анну Савельевну при этомъ вопросѣ какъ-бы кто ножомъ пырнулъ въ сердце. Она поблѣднѣла еще больше и схватилась за стулъ.

— Ничего... Такъ... Я ставила пополамъ... И такъ, и этакъ... Въ компаніи,—отвѣчала она.

— Да... У васъ совсѣмъ болѣзненный видъ. И нервность какая-то. Смотрите... Берегитесь... Что мужъ? Когда онъ вернется изъ командировки?—задавали вопросъ дамы и ушли.

А карточка попрежнему лежала на столѣ. Анна Савельевна опять взяла ее въ руки, прочла еще разъ, повертѣла ее въ рукахъ, взяла и спрятала въ спальнѣ въ свою шкатулку.

Наступилъ вечеръ. Стемнѣло. Подали самоваръ. Анна Савельевна заварила чай, сѣла къ столу, пригорюнилась и думала про себя:

«Погибла я... Совсѣмъ погибла. Двадцать рублей у меня есть. Можетъ быть можно было-бы еще отыграться... Но скачки черезъ четыре дня... А этотъ контрактъ несчастный... Если-бы только внести за квартиру! Но гдѣ взять деньги? Гдѣ?»

Она встала изъ-за стола, пошла въ спальню, вынула изъ шкатулки карточку и снова прочла ее, даже вслухъ проговорила адресъ, но краска стыда бросилась ей въ лицо и она отбросила отъ себя карточку.

Показалась кухарка.

— Что прикажете завтра къ обѣду готовить?—спросила она.

— Послѣ, послѣ! Вѣдь можно завтра утромъ объ этомъ поговорить!—крикнула Анна Савельевна и замахала руками.

— Скушали-бы чего-нибудь. Вѣдь ничего сегодня не кушали,—бормотала кухарка, уходя отъ нея.

Анна Савельевна сходила въ дѣтскую, благословила ребенка и сама стала ложиться спать.

Ложась спать и снимая съ себя чулки, она вслухъ повторила слова, сказанныя ей давеча Елтухъ-Чопоровскимъ (она уже помнила его фамилію):

— Я вдовецъ, живу одинъ и визитъ вашъ ко мнѣ не можетъ скомпрометировать васъ...

Но произнеся эти слова, она содрогнулась. Ее стала бить лихорадка. Она закуталась въ одѣяло и долго не могла согрѣться. Но ей не спалось. Черезъ полчаса она встала съ постели, зажгла свѣчку, взяла съ своего туалетнаго столика портретъ мужа въ орѣховой рамкѣ подъ стекломъ и плача, принялась цѣловать портретъ и говорить:

— Гнусная я... Гнусная... Прости мнѣ, Сержъ! Нѣтъ, лучше смерть...

Слезы ее нѣсколько успокоили. Она заснула, но сонъ былъ тревожный, снились скачки, жокеи, лошади, Елтухъ-Чопоровскій, обнимающій ее и цѣлующій. Она закричала и проснулась. Холодный потъ выступилъ у ней на всемъ тѣлѣ. Она зажгла свѣчку и пошла посмотрѣть въ другую комнату, который часъ на стѣнныхъ часахъ. Былъ четвертый часъ. Начинало уже свѣтать. Ночь блѣднѣла.

Анна Савельевна такъ ужъ и не заснула больше.

Поднялась она съ постели еще раньше прислуги. Когда она одѣвалась, ей опять лѣзли въ голову слова:

«Я вдовъ, живу одинъ, визитъ вашъ ко мнѣ не скомпрометируетъ васъ».

За чаемъ она вдругъ ударила кулакомъ по столу и воскликнула:

— Кто будетъ знать? Никто не будетъ знать! Это будетъ моя гробовая тайна! Никто! Никто!

Передъ ней лежала на столѣ карточка Елтухъ-Чопоровскаго.

Въ десять часовъ утра Анна Савельевна начала одѣваться.

— Я въ городъ ѣду...—сказала она нянькѣ.— Обѣдайте безъ меня... Накормите ребенка. Пожалуй, мнѣ оставьте какой-нибудь кусочекъ. Вернусь не скоро. Сегодня нужно за городскую квартиру платить.

Какъ она ѣхала въ городъ по желѣзной дорогѣ, какъ вышла изъ вокзала на улицу, она смутно помнитъ. Смутно помнитъ, что сѣла безъ торга въ извозчичью пролетку и сказала:

— На Фурштадтскую!

Часа въ три она выходила изъ подъѣзда. Взоръ ея блуждалъ. Запекшими губами она шептала:

— Проклятый тотализаторъ!!!

VIII.

Это было въ девятомъ часу утра. Кухарка Эмиліи Францевны Баухъ, сдающей меблированныя комнаты, несла по корридору самоваръ къ жильцу Коклюшкину, молодому человѣку, служащему въ какомъ-то

агентствѣ страхованія жизни, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ за стѣной. Кухарка Анисья вздрогнула и до того испугалась, что чуть не выронила изъ рукъ самоваръ. Вслѣдъ за этимъ послышался второй выстрѣлъ. Анисья быстро поставила на полъ самоваръ, схватилась за сердце и побѣжала обратно въ кухню, крича:

— Святители! Угодники! Что-же это такое! Кто-то у насъ стрѣляетъ! Охъ, моченьки моей нѣтъ! Стрѣляетъ!

Но загремѣлъ и третій выстрѣлъ, глухо раздаваясь въ корридорѣ.

Въ комнатѣ Эмиліи Францевны звонко залаяла собаченка. Въ корридоръ начали выскакивать жильцы. Первымъ выскочилъ статскій совѣтникъ, старикъ Двигаловъ. Онъ былъ въ халатѣ, въ туфляхъ и забылъ даже надѣть парикъ на голое темя, который обыкновенно носилъ. Онъ брился у себя въ комнатѣ и одна щека его была даже еще въ мылѣ.

— Что это: стрѣляютъ? Жильцы стрѣляютъ? Послушайте! Это-же невозможно...

Выбѣжала и квартирная хозяйка Эмилія Францевна Баухъ. Она была въ юбкѣ, въ ночной бѣлой кофточкѣ, въ папильоткахъ, и одна изъ бровеѣ ея была размазана по лбу.

— Gott im Himmel!—кричала она.—Кто это стрѣляйтъ? Развѣ можно стрѣляйтъ на квартира! Анисья! Гдѣ ты?

— Охъ, матушки мои! Охъ, батюшки мои!—раздавалось изъ кухни.—Ноженьки мои! Рученьки мои! Вѣдь чуть самоваръ не выронила!

Быстро отворилъ дверь молодой жилецъ Коклюшкинъ въ сѣренькой пиджачной парочкѣ и опрокинулъ дверью стоявшій около нея самоваръ. Кипятокъ полился по

полу, но Коклюшкинъ перескочилъ черезъ самоваръ и черезъ лужу и бросился къ Эмиліи Францевнѣ.

— Гутъ моргенъ,—сказалъ онъ ей.—Знаете, вѣдь тутъ непремѣнно какое-нибудь несчастіе. Это стрѣлялъ чиновникъ, мой сосѣдъ. Навѣрное что-нибудь произошло, Эмилія Францевна.

— Охъ, что ви!—съ испугомъ проговорила нѣмка и схватилась за сердце.

— У Подшмыгина, вы думаете?—спросилъ старикъ, статскій совѣтникъ, подходя къ нимъ.

— У него, у него... Я-же вѣдь слышалъ. Это рядомъ со мной... Три выстрѣла...

Изъ полуоткрытыхъ дверей, находящихся рядомъ съ дверью Эмиліи Францевны, выглянула голова учительницы музыки, пожилой дѣвицы Голубаевой. Голубаева была въ ночномъ чепцѣ и съ испугомъ говорила:

— Боже мой!.. Неужели онъ покончилъ съ собой? Неужели онъ покончилъ съ собой? Неужели онъ застрѣлился! Онъ съ недѣлю былъ мраченъ и не разговаривалъ ни съ кѣмъ...

— Надо постучаться къ Подшмыгину, и тогда все будетъ извѣстно,—говорилъ старикъ статскій совѣтникъ, шмыгая туфлями по корридору.

— Надо, надо... Непремѣнно надо...—прибавилъ Коклюшкинъ, но самъ не двигался.—Эмилія Францевна, вы, какъ хозяйка, обязаны...

— Охъ, нѣтъ! Я не могу! Я боюсь!—замахала руками нѣмка.

— Я думаю прежде всего надо послать за полиціей...—совѣтовала высунутая изъ дверей голова учительницы музыки.

— А вообразите, что ничего не произошло, такъ зачѣмъ-же кавардакъ дѣлать?—отвѣчалъ статскій совѣт-

никъ.—Можетъ быть, онъ просто такъ...—шалилъ... или въ нетрезвомъ видѣ... Долженъ вамъ замѣтить, что я въ корридорѣ сколько разъ видѣлъ его изрядно и изрядно хватившимъ и покачивающимся на ногахъ. Мало-ли что съ пьяна дѣлается!

— Позвольте... Но вѣдь теперь утро... — замѣтилъ Коклюшкинъ.

— Эхъ, молодой человѣкъ! Ужъ кто пристрастившись къ этому зелью, тотъ и съ утра... Эмилія Францевна, вы должны, какъ хозяйка, постучать въ дверь и окликать его. Если онъ не подастъ голоса...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу! Я пужа... Я... Я пугайтъ... боюсь... — опять замахала руками нѣмка. — Пускай Анисья... Анисъ!—крикнула она.

Изъ кухни въ глубинѣ корридора показалась нѣсколько оправившаяся уже отъ испуга кухарка. Она шла, держа руки подъ передникомъ, и бормотала:

— Милая барынька... Что-жъ это такое у насъ случилось-то! Въ комнатахъ палятъ. Ай-ай... Тутъ бѣда, непремѣнно бѣда какая-нибудь. Еще вчера вечеромъ, когда я пришла къ нему убирать самоваръ, онъ мнѣ сказалъ: «завтра утромъ ты мнѣ самовара не подавай. Мнѣ не придется чай пить».

— Сказалъ: мнѣ не придется чай пить?—быстро спросилъ прислугу статскій совѣтникъ.

— Какъ передъ иконой говорю, сказалъ,—вздохнула кухарка.

— Ну, такъ ты обязана и постучать къ нему въ дверь. Если онъ не откликнется...

— Нѣтъ, баринъ... Хоть зарѣжьте меня, не могу. Боюсь... Стучите сами.

— Я охотно-бы постучалъ, моя милая, но это не мое дѣло.

— Да что-жъ тутъ такого? Давайте, я постучусь,— вызвался Коклюшкинъ.

— Оставьте, оставьте... Вы можете быть черезъ это привлечены къ дѣлу, если тамъ несчастіе!—говорила голова учительницы музыки, все еще торчавшая изъ дверей.

Но было уже поздно. Коклюшкинъ стучалъ въ дверь и кричалъ:

— Господинъ Подшмыгинъ! Господинъ Подшмыгинъ! Вы здоровы!? Подшмыгинъ!

Отвѣта не было никакого.

— Подшмыгинъ! Откликнитесь-же! Мы должны знать, благополучно-ли у васъ?—пробасилъ статскій совѣтникъ.

Но въ комнатѣ безмолствовало.

— Конецъ! Посылайте за дворникомъ... Надо разломать дверь,—сказалъ Коклюшкинъ хозяйкѣ.

Та схватилась за голову.

— Ахъ, да неужели-же такое несчастіе! Mein Gott!— прошептала она, ударила кулакомъ въ дверь и закричала:—Подшмыгинъ! Голубчикъ! Ви живъ? Дайте отвѣтъ.

Начали гремѣть дверной ручкой, статскій совѣтникъ нѣсколько разъ ударилъ въ дверь каблукомъ, его-же, Подшмыгина, сапога, которые были выставлены съ вечера за дверь для чистки, но изъ комнаты не раздалось ни звука.

— Анись! Иди за полиціей... — сказала Эмилія Францевна.

— Позвольте, позвольте... Прежде всего надо за дворникомъ, а ужъ онъ потомъ призоветъ полицію,—заговорили жильцы.—Анисьюшка! Позови старшаго дворника.

Анисья бросилась въ кухню.

Вскорѣ вошелъ старшій дворникъ въ лакированныхъ сапогахъ гармоніей, въ пиджакѣ, въ серебряной часовой цѣпочкѣ на жилетѣ.

— Три выстрѣла, вы говорите?—бормоталъ онъ.— Въ квартирѣ воспрещеніе даже и на одинъ-то выстрѣлъ. Вѣдь это не дача. Дверь заперта?

— Заперта, заперта. Изъ-за этого мы васъ и позвали,—говорили жильцы.

— Вы стучали и онъ не откликается?

— Ни, ни... Ни одного словечка.

Дворникъ самъ постучалъ въ дверь и закричалъ:

— Баринъ! Послушайте! Откликнитесь! А то мы взломаемъ дверь! Я дворникъ!

И на этотъ разъ отвѣта не было никакого.

Дворникъ заглянулъ въ замочную скважину.

— Тамъ ключа въ двери нѣтъ. Дайте-ка ключи отъ другихъ дверей. Можетъ быть, подойдетъ какой-нибудь и отворить можно.

Жильцы бросились къ себѣ въ комнаты и принесли ключи. Дворникъ сунулъ въ замокъ ключъ, и первый-же ключъ вошелъ. Онъ повернулъ ключъ, нажалъ ручку— и дверь отворилась. Первое, что бросилось всѣмъ въ глаза—лужа крови на полу.

— Ай, ай! О, Gott!—вскрикнула нѣмка и тутъ-же опустилась на стулъ, закрывъ лицо руками.

Мужчины стояли около кровати. На кровати лежалъ на окровавленной подушкѣ среднихъ лѣтъ мужчина съ маленькой черной бородкой. Воротъ ночной сорочки его былъ разстегнутъ. Самъ онъ былъ прикрытъ простыней. Байковое сѣрое одѣяло съѣхало на полъ.

— Наповалъ?—спрашивалъ кто-то.

— Конецъ.

VIII-20419

— Письмо, письмо... записка...—указалъ статскій совѣтникъ на столъ и взялъ листокъ бумаги. Онъ прочелъ вслухъ:

— «Кончаю съ собой. Въ смерти моей прошу никого не винить, кромѣ... Во всемъ виноватъ тотализаторъ. Я проигралъ казенныя деньги. Проклятый тотализаторъ!»

— Живъ! Живъ!—раздался сзади него голосъ учительницы музыки... Бѣгите за докторомъ... Докторъ живетъ у насъ на лѣстницѣ.

КОНЕЦЪ.

На лонѣ природы. Юмористическіе очерки подгородной дачной жизни. Изд. 6-е. Цѣна 1 р. 50 к.

На заработкахъ. Романъ изъ жизни чернорабочихъ женщинъ. Изд. 4-е. Цѣна 1 р. 50 к.

На побывкѣ. Романъ изъ быта питерщиковъ въ деревнѣ. Изд. 3-е. 375 стр. Цѣна 1 р.

Первые шаги. Романъ. Изд. 3-е. 280 стр. Цѣна 75 к.

Подъ южными небесами. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Біаррицъ и Мадридъ. Изд. 7-е. Цѣна 1 р. 50 к.

По Сѣверу дикому. Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Архангельскъ и обратно. Поѣздка на водопадъ Кивачъ. Изд. 4-е. Цѣна 75 к.

Повсюду. Разсказы. 332 стр. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

Ребятишки. Разсказы. Изд. 4-е. Цѣна 1 р.

Рождественскіе разсказы. 94 стр. Изд. 3-е. Цѣна 20 к.

Сватовство профессора. Романъ. Изд. 4-е. Цѣна 1 р.

Среди причта. Романъ. Изд. 4-е. Цѣна 1 р.

Счастливецъ. Романъ. Изд. 2-е. 228 стр. Цѣна 60 к.

Сусальныя звѣзды. Романъ Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 20 к.

Тщеславіе и жадность. 2 повѣсти. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

Христова невѣста. Романъ. Изд. 5-е. Цѣна 75 к.

Хлѣбный вопросъ. 7 юмористическихъ разсказовъ. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

ПІЕСЫ:

Въ царствѣ глины и огня. Драма въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 60 к.

Медаль. Шуточныя сцены въ 1 дѣйств. Цѣна 25 к.

На случай несостоятельности. Шуточныя сцены въ 1 дѣйствіи. Цѣна 25 к.

На аристократическій манеръ. Шутка въ 1 дѣйствіи. Цѣна 25 к.

Портретъ. Шуточныя сцены въ 1 дѣйствіи. Цѣна 25 к.

Рукобитье и Ряженые. Картины. Цѣна 30 к.

Кумъ пожарный. Шуточныя сцены въ 1 дѣйств. Цѣна 25 к.

Разрѣшены Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Находятся въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" (С.-Петербургъ, Москва, Саратовъ, Одесса и Харьковъ) и у всѣхъ книгопродавцевъ и на станціяхъ жел. дор.

Выписывающіе изъ склада П. Н. Лейкиной, (Спб., Б. Дворянская, 12, соб. д.) за пересылку не платятъ, (съ наложеннымъ платежемъ прибавляется 10 коп).

29865

Цѣна 1 руб.

2007084414